

иеромонах
ИСААК

ЖИТИЕ СТАРЦА
ПАИСИЯ СВЯТОГОРЦА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

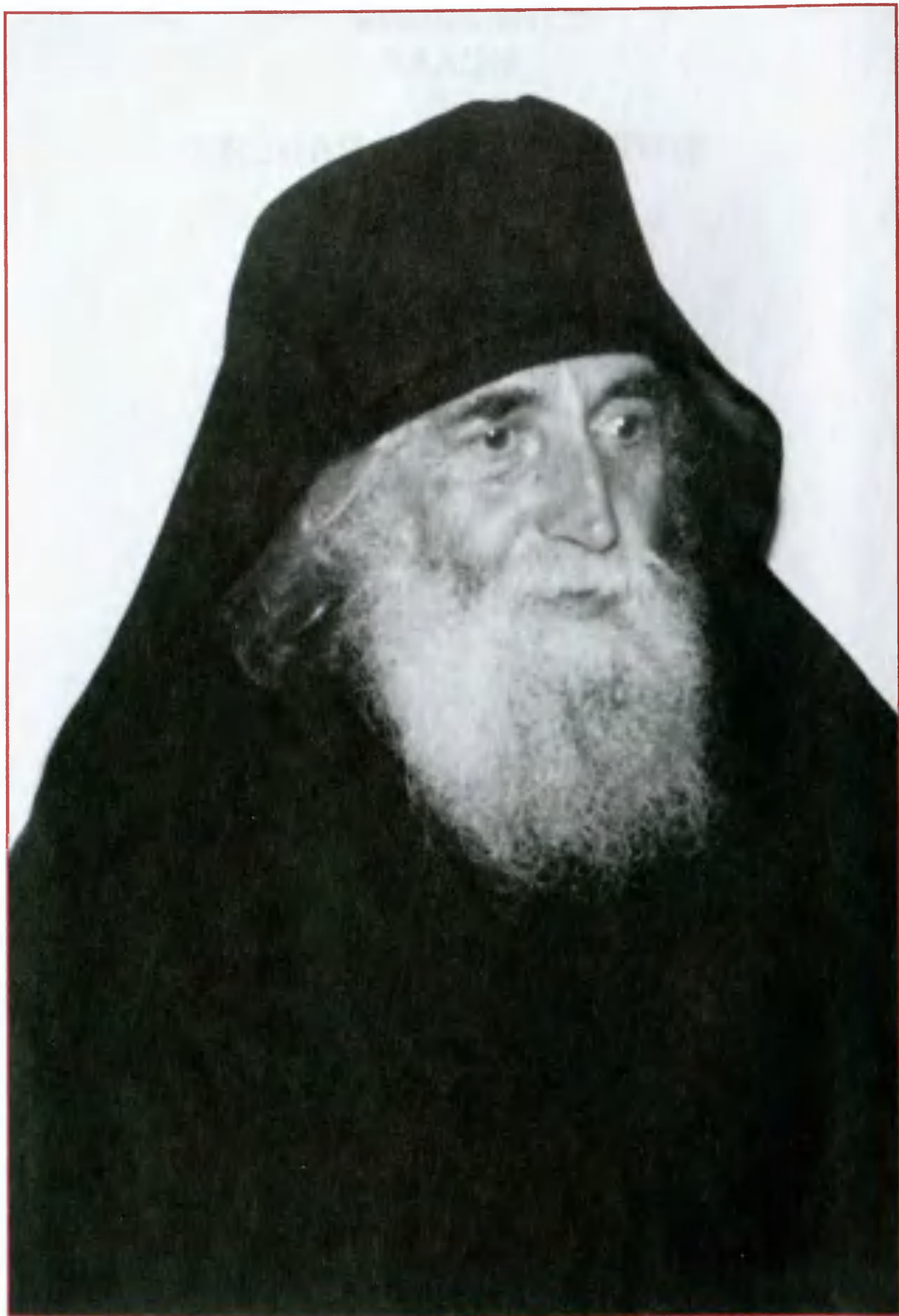

Издательский Дом
СВЯТАЯ ГОРА.

Иеромонах
ИСААК

ЖИТИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ
СВЯТОГОРЦА

Старец Паусий Святогорец (1924–1994)

Иеромонах
ИСААК

ЖИТИЕ СТАРЦА
ПАИСИЯ СВЯТОГОРЦА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ПРОСТРАННОЕ
ЖИТИЕ СТАРЦА**

Издательский дом
«СВЯТАЯ ГОРА»
Москва 2013

УДК 271.2–3 Старец Паисий Святогорец
ББК 86.372–6–3 Старец Паисий Святогорец
И85

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(ИС 13-221-1759)

*Перевод на русский язык выполнен
иеромонахом Доримедонтом (Сухининым)*

с издания

ΙΕΡΟΜΟΝΑΧΟΥ ΙΣΑΑΚ
ΒΙΟΣ ΓΕΡΟΝΤΟΣ ΠΑΪΣΙΟΥ
ΤΟΥ ΑΓΙΟΡΕΙΤΟΥ
ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ
2004

Исаак, иеромонах.

Житие Старца Паисия Святогорца. Часть первая: Пространное житие Старца / иером. Исаак; пер. с греч. [иером. Доримедонтом (Сухининым)]. — М. : Изд. Дом “Святая Гора”, 2013. — 352 с. : ил., порт.

ISBN 978-5-902315-23-0

ISBN 978-5-902315-25-4 (1 том)

© Иеромонах Доримедонт (Сухинин). Святая Гора Афон, 2006
© Издательский Дом “Святая Гора”, Москва, 2013

Все права защищены. Запрещается полное или частичное воспроизведение настоящего издания (текста, элементов оформления, макета) каким бы то ни было способом (графическим, электронным, механическим) без письменного разрешения издателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
-------------------	----

Глава первая. ПРЕДКИ ПО ПЛОТИ И ДУХУ

Акритские Фарасы	23
Семья Старца	25
Крещение и отъезд из родных мест	27

Глава вторая. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ УРОКИ ПОДВИЖНИЧЕСТВА

Воспитание в “обучении и наставлении Господнем”	33
Детское подвижничество	34
Плотницкое ремесло	37
Благословенный юноша	38
Ведомый Крестом	39
Боговидение	39
Подготовка к монашеской жизни	41
Забота о других	43
Опасности и испытания	45
Поддержка семьи	48

Глава третья. ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Любочестный радист	53
Невзгоды	54
Духовные упражнения и опыты	56
Жертва ради других	57
Благодеяние и клевета	58
Спасение своей части	59
Самопожертвование	60
Молитвы под пулями	61
Непослушание богохульнику	62

Глава четвёртая. ПОИСКИ И ПОДГОТОВКА

Первое посещение Святой Горы	67
Труд и подготовка	70

Глава пятая. МОНАХ В ОБЩЕЖИТЕЛЬНОМ ЭСФИГМЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Препятствие перед уходом из мира	75
Насельник Эсфигменского монастыря	75
Испытания и служения	77
Новоначальные подвиги	78
“Меня палила огнём любовь моих родных“	79
Бесовские явления	80
Постриг в рясофор	80
Трепещущий Агнец	81
Трезвенный делатель	81
Послушание до крови	82
Посещение Божественной Благодати	85
Удаление на безмолвие	86

Глава шестая. В ОСОБНОЖИТЕЛЬНОМ МОНАСТЫРЕ ФИЛОФЕЙ

Послушник у Старца	89
Усердный труженик и незаметный подвижник	91
Помысел гордости	93
“Тангалашкины шуточки“	93
Старание помочь ближнему	94
Поездка в Коницу на лечение	95
Промысл Божий	97
Постриг в мантию	98
Связь с добродетельными отцами	100
Благословения от Пресвятой Богородицы	101
Полученное откровение	103

Глава седьмая. В МОНАСТЫРЕ СТОМИОН

Восстановление обители	109
Уважение к монастырю	113
В обрыв за святыней	114
Обретение мощей преподобного Арсения	115
Труды, подвижничество и безмолвие	117
Покровитель бедных и сирот	120
Мученическое отношение к искушению	122
Борьба против сектантов и еретиков	124
“Водимый Духом...“	125
Бесовские нападения	127
Спасение по Промыслу Божию	128

Ночное посещение Пресвятой Богородицы	129
Похожее на правду бесовское видение	130
Дружба с дикими зверями	132
Другие события коницкого периода	133
Уход из Стомиона	137

Глава восьмая. ПУСТЫННИК НА БОГОШЕСТВЕННОЙ СИНАЙСКОЙ ГОРЕ

Переселение на Синай	143
Ниспослание дождя	146
Блаженная пустынная жизнь	146
Чудесное Божественное Причащение	150
Рукоделие и милостыни	150
“И бе в пустыни искушаемь...”	153
Друзья пустытника	155
Бесстрастие святых Иоакима и Анны	156
В келье Святых сорока мучеников	157
Кончина матери Старца	157
Имя Казандзакиса	157
Недопущение до Причастия и Божественное утешение	158
Невидимая брань и невыразимые состояния	159
Прощание со сладкой пустыней	160

Глава девятая. В ИВЕРСКОМ СКИТУ

Безмолвие или братство ?	165
Различные стороны скитской жизни	167
Помощь душе усопшего	169
Вмешательство Честного Предтечи	170
Диавольская злоба	171
Постриг в великую схиму	171
Пища от Ангела	173
Операция на лёгких	173
Основание исихастирия	175

Глава десятая. НА ПУСТЫННЫХ КАТУНАКАХ

В бедной Ипатьевской каливе	179
Подарки подвижнику	181
Бесноватый	181
Нищета Старца	182
“Доброе лицемерие”	182
Свет сладчайший	183

Глава одиннадцатая. В КАЛИВЕ ЧЕСТНОГО КРЕСТА

В святой Ставроникитской обители	187
Кончина батюшки Тихона	188
Жизнь в келье Честного Креста	190
“Свет стезям моим“	195
Явление преподобного Арсения	196
Батюшка Тихон и искуситель	198
Паломничество на остров Тинос	199
Прельщённый монах	200
Сострадая больному	200
Рясы и масличное дерево	204
Поездка в Фарасы	205
Святая Евфимия	207
Бесовские шуточки	211
Видение души почившего монаха	212
Снегирь по имени Олет	213
Спасение от смерти	213
Осуждённая душа	214
Молитва за бесов	215
Георгакис с Тибета	217
Поездка в Австралию	219
Ночной посетитель	222
Явление Христа	223
Рыба, поданная Богом	225
Дороги и автомобили	227
Икона, излучающая свет	229
“Святой, с которым поступили очень несправедливо“	229
Бесовское множество	232
Необычный защитник	232
“Помолися, и небо дождь даде“	233
Ангел Хранитель	234

Свидетельства паломников

Свидетельство духовника Старца	234
Поддержка молодого монаха	235
Незабываемое посещение	236
Молчание птиц	237
Необычный престольный праздник	238
Старец отвечает “по-своему“	242
Божественная Литургия в келье Честного Креста	244

Бог обязан помогать человеку	246
Прозорливость Старца	248
Забавные случаи и афоризмы Старца	248

Глава двенадцатая. В “ПАНАГУДЕ”.
ОТДАНИЕ СЕБЯ ТЕМ,
КОМУ БОЛЬНО

Переселение в келью “Панагуда”	257
Святые Пантелеимон и Лукиллиан	260
“Утешайте люди моя”	262
Явление святого великомученика Власия	266
Благоухание от иконы “Достойно есть”	267
Мощи святого Космы Прота	268
“Коза” на даче	268
Залитая Светом келья	269
Обетование Пресвятой Богородицы	270
Поездка на Святую Землю и Синай	270
Действия Божественной Благодати	272
Видение молящегося ребёнка	274
“Христе мой, благослови меня...”	274
Страшное видение	275
Пресвятая Богородица	276
Об антихристе, числе 666 и новых удостоверениях личности	276
Благоухание от Святых мощей	281
Операция по удалению грыжи	281
Богохульный фильм	283
Видение Благодати Священства	285
“Преображение”	286

Свидетельства паломников

Ответ на помысел	287
Необычное посещение	288
“Ведь у тебя поломаны ноги”	289
Исцеления болящих	290
“Мы возьмём Константинополь”	295
“Попроси у неё прощения”	295
“Имей духовное благородство”	296
Знамение от лампы	297
“Они идут...”	298
Покаявшийся кришнаит	299
Ученик гуру	300
Старец и юные	301

Глава тринадцатая. БОЛЕЗНЬ И БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА

Страдание и болезни	315
“Со мной произошёл один случай”	318
На пределах крепости	318
Последний выезд со Святой Афонской Горы.	
Дальнейшее развитие болезни	320
Приношение людям в мученических страданиях	323
Блаженная и незаметная кончина	327

Глава четырнадцатая. ПОСМЕРТНЫЕ ЧУДЕСА

“Не оступи от нас”	335
Благоухание	336
Изгнание беса	337
Спасение ребёнка	339
Явление во сне	339
Чудесное явление и помощь	340
Осязаемое присутствие	341
Помощь Старца в дорожно-транспортных происшествиях	342
Воскрешение от духовной смерти	345
Шарф Старца исцеляет опухоль	347
Исцеление бесноватой	348
Исцеление поражённого глаза	349

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы увидели свет различные книги и публикации о Блаженном Старце Паисии Святогорце. Они действительно оказали духовную пользу многим и сделали имя Старца ещё более известным. Однако в основном в них идёт речь об учении и чудесах Старца Паисия. Биографические сведения, содержащиеся в этих книгах, — минимальны.

Убедившись в необходимости составления систематического жизнеописания отца Паисия, одно из его духовных чад — наш Старец, иеромонах Исаак¹, — решился взять этот труд на себя. Отец Исаак вместе с монахами своего братства начал составление «Жития» Старца Паисия приблизительно через два года после его кончины (Старец Паисий почил о Господе 29 июня/12 июля 1994 года). Труд близился к завершению, когда кончина самого отца Исаака (3 июля/16 июля 1998 года) отложила издание на неопределённое время.

⁽¹⁾ Иеромонах Исаак /Аталлах/ (12/25.IV.1937–3/16.VII.1998) родился в селении Набай близ Бейрута (Ливан). После окончания Богословской школы в Баламанде преподавал там византийское церковное пение. Во время учёбы в Греции познакомился со Старцем Паисием, под влиянием которого остался на Святой Афонской Горе. Был пострижен Старцем Паисием в великую схиму. Переводил с греческого на арабский язык святых Отцов-аскетов. Был одним из уважаемых святогорских Старцев и духовников. — *Прим. пер.*

«Житие» оставалось неопубликованным, оно ещё нуждалось в исправлениях и дополнениях. Между тем, из-за трудностей, возникших после кончины нашего Старца, отца Исаака, продолжать работу над книгой было для нас невозможно. Кроме этого, осознавая свою очевидную непригодность для столь ответственного труда, мы более трёх лет вообще боялись прикоснуться к «Житию».

Завершить работу нас побуждало желание нашего Старца, отца Исаака, и труд, проделанный им ради того, чтобы «Житие» Старца Паисия увидело свет. Кроме этого, многие братья и сёстры во Христе также побуждали нас довести дело до конца.

Иногда у нас опускались руки. Мы были готовы оставить этот чрезвычайно сложный и ответственный труд. Нами овладевал страх того, что мы искажем облик Старца и вместо пользы принесём духовный вред и соблазн. Мы чувствовали себя подобно маленькому ребёнку, который, пытаясь говорить о чём-то великом, превосходящем его меру, не находит слов и не может выразить то, что он желает.

При жизни отца Паисия мы не считали необходимым записывать его слова, фотографировать его самого или собирать о нём биографические сведения с тем, чтобы когда-нибудь составить его жизнеописание. Нас наполняло само его присутствие, нам было достаточно уже того, что мы его видели и слышали. Возможно, кто-то посчитает это упущением. Однако наша совесть спокойна от того, что мы не делали ничего, что могло его огорчить.

Единственным исключением были немногие записи, сделанные нами для того, чтобы не забыть ответы отца Паисия на личные вопросы, связанные с нашей ежедневной монашеской жизнью. Отвечая нам, Старец приводил примеры из своего подвижнического опыта, рассказывал о пережитых им

сверхъестественных событиях и демонических искушениях. Однако в основном мы опирались на то, что сохранилось в нашей памяти. Много из того, что запомнилось, мы слышали от него неоднократно. И сейчас — к общей пользе наших братьев и сестёр мы передаём на бумаге его слова, начертанные им в наших сердцах.

Узнав о составлении «Жития», многие миряне и священнослужители — по собственной инициативе или по нашей просьбе — предоставили в наше распоряжение немало ценных документов: писем Старца Паисия, фотографий, записей и свидетельств очевидцев. Весь этот материал, превнесший в «Житие» Старца немало ранее неизвестных страниц, был использован с осторожностью и ответственностью. После многократного просеивания и отбора было оставлено лишь то, что действительно заслуживало доверия. Не всё в предоставленных сведениях соответствовало действительности и духу Старца. Некоторые люди от нерассудительного благоговения что-то преувеличивали, а другие, возможно, поняв Старца неправильно, передавали его слова искажённо. Были и такие — совсем немногие, — кто высказывался о Старце отрицательно — возможно, делая это по неведению, а не по злему расположению. Пусть Бог не вменит им этого в грех.

«Начáло словéс Тво́их íстина»², и поэтому главным принципом при работе над «Житием» мы тоже избрали истину. Мы старались представить Старца таким, каким мы его знали, таким, каким он был, — избегая порождаемых любовью и восторженностью преувеличений.

Значительная часть «Жития», по сути, является автобиографией Старца Паисия, поскольку главным источником сведений был он сам. Большинство по-

⁽²⁾ Пс. 118, 160.

вестований исходят непосредственно из его неложнейших уст. Однако в действительности мы написали очень немногое. Будучи скудным и слабым, наш труд не даёт исчерпывающей картины духовного богатства Старца. Мы не только не превозносим, но — отнюдь не желая того — во многом преуменьшаем его образ. Причины этого в следующем.

Его внутренняя жизнь — как жизнь любого святого — проходила *«втайне»*, невидимо для других. Чтобы помочь нам в нашей монашеской жизни, Старец открывал немногое — по большей же части происходившее с ним осталось неизвестным. Когда он был жив, в нашем общении с ним преобладала скрывавшая его духовное величие человеческая сторона. Но главная причина в том, что наши сердечная слепота и несовершенство помешали нам увидеть Старца более духовно — что помогло бы воссоздать его образ с большей достоверностью. Будь наше духовное состояние лучше, это, безусловно, отразилось бы и на настоящем труде. Как известно, наиболее верно описать жизнь Святого может человек, восшедший в такую же меру и такое же состояние. Сам Старец Паисий говорил, что жития Святых, написанные Святыми, восхитительны.

Итак, поскольку *«студенец есть глубок и почерпала не имамы»*³, то есть наших духовных сил недостаточно для того, чтобы показать духовное величие Старца, мы ограничились простым и точным изложением сведений о нём, стараясь быть лишь достоверными свидетелями и ничем больше.

Но, несмотря на это, даже сквозь неуклюже написанные нами страницы, проявляется образ Старца Паисия — человека, который с лёгкой простотой движется в пространстве между землёй и Небом, насмеяется над дьяволом — одновременно сострадая его

⁽³⁾ Ср.: Ин. 4, 11.

падению — и общается со множеством Святых. Старец предстаёт перед читателем совершенно нищим, но при этом низводящим своей молитвой с Неба на землю богатейшие благословения. Он выглядит физически слабым и немощным, но при этом настолько могучим и наполненным огнём Божественной Благодати, что перед ним отступают даже законы естества. Он живёт в пустыне, но при этом — очень близок к нуждам людей; строгий аскет по отношению к себе самому, он до самопожертвования человеколюбив по отношению к убогим, страдающим и несправедливо обиженным.

Поместить в один том все сведения о Старце было бы невозможно. Поэтому из множества описанных случаев выбраны наиболее характерные и поучительные. В книгу не вошло учение Старца (объёмом в несколько томов), множество писем и более двухсот свидетельств о совершённых им чудесах. Но мы и не ставили перед собой цели представить читателю просто «список чудес». Вполне естественно, что в человеке, восшедшем на вершину добродетелей и стяжавшем Божественную Благодать, действительно открываются благодатные дарования и он творит чудеса. Однако вопрос состоит в том, *как* достичь этой вершины, каким путём надо идти и каким образом подвизаться против страстей и искушений. Поэтому даже более, чем чудеса Старца, нас трогали и трогают его великое самоотречение, его любочестные подвиги ради любви ко Христу, его монашеская акривия⁴ и тонкое чувство духовной жизни, его редкая рассудительность, жертвенная любовь к каждому человеку и святоотеческое мудрование, способное принести покой каждому сердцу.

⁽⁴⁾ Точность, строгость, бескомпромиссность (греч.).

Книга «Житие Старца Паисия Святогорца» состоит из двух частей. В первой части вниманию читателя предлагается *«Пространное житие»* Старца. Мы старались как можно проще, но и в наиболее целостном виде показать подвижнический путь Старца от рождения до кончины, следуя хронологии и внешнему течению его жизни. Основа каждой из четырнадцати тематических блоков первой части — то географическое место, где Старец жил в те или иные годы. Главы содержат биографические сведения о Старце, описания его подвигов, свидетельства о чудесах, многообразных дарованиях и помощи людям.

Вторая часть книги, озаглавленная *«Добродетели, дарования и приношение Старца миру»*, — это необходимое дополнение и пояснение к первой части. Знакомство с её содержанием позволит читателю узнать Старца глубже и понять его полнее. Каждая из двух частей книги независима от другой — они могли быть изданы и как два отдельных тома, — но всё же они связаны между собой глубоким внутренним единством. Вторая часть — это тоже жизнеописание, однако оно не следует хронологической канве, а содержит биографические сведения, разделённые по различным темам⁵.

⁽⁵⁾ Разделение второй части на три тематических блока («Добродетели», «Дарования» и «Приношение миру») имеет в своём основании следующие слова Священного Писания: *«вина́ и сикéра не ѓмать пѓти»* (подвижничество, борьба), *«и Дѹха Свята́го испóлнится ещѣ из чрѣва ма́тери своея́»* (Божественная Благодать), *«и мно́гих от сыно́в изра́илевых обратѓт ко Го́споду Бо́гу их»* (приношение миру) (Лк. 1, 15–16). Великий Предтеча прошёл через все эти стадии, хотя и в иной последовательности, поскольку он стал Пророком ещё в материнской утробе. Все Святые сначала подъяли подвиг, для того чтобы очиститься от страстей, и — соблюдая Божественные заповеди, от которых рождаются добродетели, — впоследствии прияли Божественную Благодать. В третьей стадии дарования Святых используются и раздаются ради спасения людей.

Центральное понятие второй части — Божественная Благодать. Для того чтобы Её стяжать, Старец сначала подъял борьбу против страстей и греха и впоследствии явился *«дóбрым стро́ителем различных Благодáти Бóжия»*⁶.

В тематическом блоке «Добродетели» различные случаи из жизни Старца описываются так, чтобы читатель мог извлечь для себя практическую пользу. Они разделены по главам, основное содержание которых составляет добродетель, поставленная в название каждой главы. Учение Старца о той или иной добродетели в главы не включено — за исключением немногих лаконичных и наиболее характерных отрывков. Однако там, где было необходимо что-то подчеркнуть, для того чтобы лучше показать дух Старца, отрывков из его поучений приводится больше.

О проявлениях дарований Старца — многообразных и сверхъестественных — ярко свидетельствуют другие люди и поступки самого отца Паисия. Из множества свидетельств были выбраны немногие — наиболее показательные. Эти свидетельства, также разделённые по тематическим главам, приводятся без комментариев — за исключением случаев, где пояснения были необходимы.

Масштабы, глубину и достоинство Приношения Старца миру было бы невозможно описать и объективно оценить на немногих страницах этой книги. Имея в себе разнообразие Божественных дарований, Старец естественно и непринуждённо, без человеческих потуг и надрывных усилий передавал богатство Божественной Благодати погибающим от

⁽⁶⁾ См.: 1 Пет. 4, 10.

голода душам. В нашей книге упоминаются лишь некоторые из сторон его *Приношения* — то, в чём он особенно помог людям.

Желая избежать неточностей и ошибок, мы представили написанное нами на суд и проверку духовных чад Старца Паисия и других отцов. Выражаем многую благодарность и признательность нашим духовным братьям за сделанные ими исправления и дополнения. Их помощь в работе над книгой шла от всего сердца и была существенной. Без неё «Житие» Старца вышло бы очень несовершенным и содержало бы много ошибок.

Мы благодарны братьям и сёстрам, принявшим участие в работе над книгой и предоставившим в наше распоряжение различные сведения, а также всем, кто проверял и правил текст, потратив много времени и труда ради того, чтобы эту работу закончить. Выражаем также признательность тем, кто старался сделать издание лучше и содействовал его выходу в свет через десять лет после кончины Старца.

Особую благодарность выражаем нашему многоуважаемому Старцу Григорию, постриженнику Старца Паисия и духовнику женского монастыря Честного Предтечи в селении Метаморфоси на Халкидике, за то, что он всячески поддерживал нас во время работы над книгой и взял на себя издержки, связанные с типографскими и другими расходами по греческому изданию настоящего «Жития».

Считаем необходимым сделать некоторые замечания, облегчающие читателю знакомство с книгой.

Многое из действий и слов Старца становится понятным из общего контекста его жития. Не следует нерассудительно обобщать всё, что говорил Старец. Некоторые его слова были произнесены по конкретному случаю и не предназначались для всех. Как го-

ворил сам Старец: «Одно и то же лекарство может принести и пользу, и вред — в зависимости от организма человека».

В книге говорится об отношении Старца к различным общецерковным, национальным, общемонашеским и другим проблемам. Необходимо подчеркнуть, что позиция Старца была совершенно духовной и бесстрастной. Поэтому и в книге эти вопросы освещаются без малейшего желания кого бы то ни было задеть или скомпрометировать.

Свидетельства очевидцев помещены в книгу в том виде, в каком они были нам переданы. Некоторые обширные свидетельства были сокращены без изменения общего смысла. Были учтены желания тех, кто подавал свидетельства с просьбой не называть их имени.

Даты приводятся по старому стилю. Там, где дата приводится по новому стилю, стоят буквы: «н. ст.».

Заканчивая вводную часть, признаёмся в том, что на этих страницах мы не в состоянии по достоинству выразить Старцу нашу признательность и благодарность за всё то, что он нам дал. Мы можем лишь сердечно просить его простить нас, если в чём-то мы согрешили против его любви, и в особенности за то, что дерзнули издать его «Житие». Однако просим Старца молиться о том, чтобы Бог просветил умы читающих эту книгу, чтобы они поняли её правильно и получили духовную пользу. Осознавая свои несовершенства и недостатки, мы с благодарностью примем любые замечания и советы, происходящие от стремления к более ясному проявлению истины.

Если читатель встретит в описании благоуханных подвигов Старца какие-то ошибки, то виноват в них не Старец Паисий и не его биограф отец Исаак, но те, кто завершил работу над этой книгой и её издал.

Однако если чья-то душа, согревшись огнём подвигов Старца Паисия, сама начнёт духовную борьбу, то пусть она прославит поклоняемое имя Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, *«Емѹ же сла́ва и поклонѣние со Отцѣм и Святѣм Дѹхом во вѣки. Ами́нь»*.

Братство Старца Исаака.
Святая Гора Афон

глава первая

**ПРЕДКИ
ПО ПЛОТИ И ДУХУ**

Акритские Фарасы. Современный вид.

Акритские Фарасы

Родина Старца Паисия — акритское¹ селение Фарасы, или Варасио. До Обмена Населением² это было зажиточное греческое село — оплот православной веры, греческого языка и культуры в каппадокийской земле. К Фарасам относились ещё шесть более мелких селений. Сёла эти находились примерно в двухстах километрах южнее главного города Каппадокии — Кесарии. Несмотря на свою оторванность от единоплеменников и единоверцев в глубинах Малой Азии, фарасиотам удавалось неискажённо хранить Православие, эллинское самосознание и греческий язык.

Фарасиоты славились мужеством. Благодаря их отваге нога турецких разбойников-четов не ступила в их село, сохранившееся как свободный островок

⁽¹⁾ Акриты (от *ἄκρον* — крайняя точка, предел) — в Византийской Империи жители приграничных районов, охранявшие границы Империи от вторжения врагов. Акриты пользовались славой мужественных воинов, их подвиги воспеваются в средневековом греческом эпосе, в акритском эпосе и народных песнях. — *Прим. пер.*

⁽²⁾ Имеется в виду Обмен Населением 1924 года, когда жившие в Турции греки переселились в Грецию, а жившие в Греции турки — в Турцию. — *Прим. пер.*

Эллады на окраинах далёкой Каппадокии. Поэтому в Фарасах находили прибежище многие греки, гонимые турками. Фарасиотов по справедливости называли маккавеями³.

Не уступали мужчинам в мужестве и героизме и фарасиотские женщины. Однажды турки гнались за группой фарасиотских женщин, желая их схватить. Эти женщины — среди которых были и родственницы Старца, — чтобы не подвергнуться унижениям в турецких гаремах, предпочли броситься в реку и утонуть, сохранив таким образом свою веру и честь.

В Фарасах насчитывалось пятьдесят церквей. Некоторые из них в византийскую эпоху были монастырями и переживали расцвет. Также в округе находилось множество святых источников, славившихся своими чудесами по всей Каппадокии. Центральный храм Фарас, освящённый в честь святых преподобномучеников Варахисия и Ионы, был построен на месте, где, согласно Преданию, эти Святые в середине четвёртого века приняли мученическую кончину.

Фарасиоты были продолжателями выдающегося, берущего своё начало от великих Отцов-каппадокийцев, аскетического Предания. Они любили Церковь, имели благоговение и подвижнический дух. Весь год в посты и постные дни большинство фарасиотов вкушали пищу и пили воду один раз в день — в девятом часу по византийскому времени⁴.

Последним ярким и совершенным выражением следования этому Преданию был приходской свя-

⁽³⁾ Иудейский священнический род, вставший во главе борьбы иудейского народа против Антиоха IV Епифана (175–164 гг. до Р.Х.) В переносном смысле маккавеями называют ревностных борцов за Веру и Отечество. (Далее примечания составителей “Жития” даются без указаний).

⁽⁴⁾ То есть около трёх часов пополудни. — *Прим. пер.*

щенник села — святой Арсений Каппадокийский⁵ (1841–1924). Видя его святую жизнь и многие чудеса, к нему стекались не только христиане, но и мусульмане со всей Каппадокии.

Семья Жившие в этой благословенной сре-
Старца де предки Старца Паисия отличались
особенным благоговением.

Его бабушке, Хаджи-Христине, принадлежал небольшой храм в честь святого Архангела Михаила, расположенный в значительном расстоянии от села. Время от времени она уединялась в этом храме и проводила время в безмолвии, молитве и посте. Однажды, когда зимой её завалило в этой церквушке снегом, она каждый день находила на церковном подоконнике горячий хлеб. Она молилась и ела этот Божественный дар. У Хаджи-Христины был также свой дом в Адане⁶. Там она принимала святого Арсения, когда тот пешком приходил в Адану, совершая паломничества на Святую Землю.

Первоначально предки Старца носили фамилию Хаджидигенис. Потом они были вынуждены взять как фамилию имя прадеда Старца, которого звали Феодосий.

Отца Старца сначала звали Продромос Феодосиу, однако из-за преследований со стороны турок Продромос был вынужден ещё раз сменить фамилию и стал называться Эзнепидис, что значит «иностранец». Отец Старца принадлежал к благородной фарасиотской семье, которая из поколения в поколение начальствовала в Фарасах. Имея административный дар, Продромос оставался старостой несколько

⁽⁵⁾ См. *Старец Паисий Святгорец*. Преподобный Арсений Каппадокийский. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997.

⁽⁶⁾ Адана — город и средиземноморский порт на юге Турции. — *Прим. пер.*

десятилетий. Он был верующим и благоговейным человеком и особенное благоговение имел ко святому Арсению, во всём оказывая ему послушание.

Отец Старца был хорошим мастером, его руки прекрасно справлялись с любой работой. Он трудился в Фарасах как крестьянин, но, кроме этого, имея плавильную печь, занимался выплавкой железа. Мужественный, отважный и легко идущий на риск человек, он уже в юности начал исследовать нехоженые места вокруг Фарас и подниматься на неприступные скалы. В шестнадцать он ранил льва и вступил с ним в схватку. Он очень любил Родину, имел меткий глаз, твёрдую руку стрелка и бесстрашный воинский дух. Он много раз спасал своё село от чetов. Однажды, одевшись богатой турчанкой, он пришёл в их логово, разыскал главаря, отнял у него винтовку и вместе с другими молодыми фарасиотами прогнал разбойников. Много раз Продромос подвергался опасности, однажды турки даже взяли его в плен, но молитвы преподобного Арсения его хранили.

Когда, будучи старостой села, он ходил в Аданы на приём к Кемалю⁷, тот, отдавая должное его мужеству, приветствовал его так: «Добро пожаловать, ромейский паренёк-молодец».

Когда началась греко-итальянская война⁸, Продромос, уже живший в Греции, невзирая на свои немолодые годы, был захвачен юношеским пылом и хотел идти на фронт добровольцем.

Этот человек отличался справедливостью, братолюбием и милосердием. Когда греческое прави-

⁽⁷⁾ Ататюрк Мустафа Кемаль (1881–1938) — вождь турецкой (так называемой кемалистской) революции 1918–1923 гг., первый президент (1923–1938) Турецкой Республики. — *Прим. пер.*

⁽⁸⁾ Война в октябре-ноябре 1940 г. между Грецией и фашистской Италией. — *Прим. пер.*

тельство выделило земельные участки для переселенцев из Малой Азии, старик Продромос, оставаясь старостой беженцев-фарасиотов и в Конице, в первую очередь позаботился о том, чтобы участки получили другие фарасиоты. Для своей семьи оставил самый плохой надел — наиболее бесплодные участки земли. Расчищая и разрабатывая эти никогда не паханные наделы, он жёг заросли колючих кустарников. Тогда от огня и дыма повредились глаза старика.

Мать Старца звали Евлогией⁹. Она происходила из рода Франгопулосов и приходилась родственницей преподобному Арсению Каппадокийскому. Это была благоразумная, трудолюбивая и очень благоговейная женщина, воспитанная на наставлениях преподобного Арсения. Замуж за Продромоса Эзнепидиса Евлогию выдали совсем юной, в пятнадцатилетнем возрасте.

Эти благословенные люди родили десятерых детей. Первенцы — Екатерина и Сотирия — умерли во младенчестве. Когда преподобный Арсений крестил их третьего ребёнка, тоже девочку, он велел дать ей имя Зоя, что значит «жизнь». С тех пор никто из их детей не умирал. Имена детей Продромоса и Евлогии (по старшинству) следующие: Зоя, Мария, Рафаил, Амалия, Харалампий, Арсений (впоследствии Старец Паисий), Христина и Лука. До сих пор живы Рафаил и Христина.

Крещение и отъезд из родных мест

Итак, в Фарасах, на каппадокийской земле, вырастившей многих Святых,

25 июля 1924 года, в день Успения святой Анны, родился Старец.

⁽⁹⁾ Старец говорил, что хотя при Крещении его матери было дано имя Евлогия (с этим именем она записана и в помяннике Старца), в Конице все её звали Евлампия.

При Крещении родители хотели дать ему имя деда — Христос. Однако преподобный Арсений сказал бабушке младенца: «Послушай, Хаджианна, ведь я окрестил тебе столько детей! Неужели ты не дашь хоть одному из них моё имя?» А родителям Старца преподобный Арсений сказал: «Хорошо, вот вы хотите оставить кого-то, кто пошёл бы по стопам деда. А разве я не хочу оставить монаха, который пошёл бы по моим стопам?» И, повернувшись к крёстной матери, произнёс: «Скажи: Арсений»¹⁰. То есть Преподобный дал Старцу своё имя и своё благословение, а также предвидел, что он станет монахом, как и произошло в действительности¹¹.

В том же году, когда родился Старец, произошёл Обмен Населением и греки Малой Азии были с корнем вырваны из родного отеческого края. Вместе с остальными фарасиотами и преподобным Арсением семья Старца отправилась в горький путь эмиграции. На корабле, в давке и толчее, кто-то наступил на младенца, и его жизни угрожала опасность. Но Бог сохранил избранного Своего живым, потому что ему предстояло стать поводом для многих душ в Небесное Царство. Потом сам Старец — разумеется, по смирению — говорил: «Если бы я умер тогда — только что получив Благодать Святого Крещения, — то меня бросили бы в море и моё тело съели бы рыбы. Какая-нибудь рыбёшка сказала бы мне за это, по крайней мере, “спасибо”, и моя душа пошла бы в Рай». Старец подразумевал, что, оставшись в живых, он якобы не сделал ничего доброго.

⁽¹⁰⁾ Восприемницей при Крещении была супруга певчего преподобного Арсения Продромоса Корциноглу — Анастасия. По греческой традиции имя крещаемого произносит его восприемник. — *Прим. пер.*

⁽¹¹⁾ См. *Старец Паисий Святогорец*. Преподобный Арсений Каппадокийский. Ук. изд. С. 53.

Приплыв в Грецию, беженцы недолгое время пробыли в порту Пирея, а затем были переведены в крепость острова Керкира¹², где преподобный Арсений скончался и был погребён, согласно его собственным пророческим словам: «Я проживу в Греции сорок дней и умру на острове». С Керкиры беженцы перебрались сначала в одно селение недалеко от Игуменницы¹³, а окончательно осели в Конице¹⁴.

Новопросвещённый Благодатью Святого Крещения сорокадневный младенец Арсений был привезён своими родителями на землю Матери-Эллады. Тогда — среди множества беженцев — он был никому не известен. Пройдут годы, и — став известным во всём мире — он будет вести множество людей к познанию Бога.

С первых дней своей жизни он узнал, что такое боль и страдания людей. Позже сам он станет пристанью утешения для тысяч измученных душ.

⁽¹²⁾ Остров в Ионическом море, итальянцы называют Корфу. — *Прим. пер.*

⁽¹³⁾ Город в Эпире. — *Прим. пер.*

⁽¹⁴⁾ Город в Эпире. — *Прим. пер.*

глава вторая

**ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ
УРОКИ
ПОДВИЖНИЧЕСТВА**

*Будущий Старец в пятилетнем возрасте
с родителями.*

Воспитание в «обучении и наставлении Господнем»

Маленький и благословенный Арсений, впитывая материнское молоко, учился у своих родителей благоговению к Богу. Вместо сказок и детских историй они рассказывали ему о жизни и чудесах преподобного Арсения. В мальчике зародилось восхищение и любовь к Хаджифенди — так звали Преподобного в Фарасах. Уже с малых лет он хотел стать монахом, чтобы походить на своего Святого.

Вторым человеком, который после преподобного Арсения оказал самое благотворное влияние на всю жизнь Старца, была его мать. Он чувствовал к ней особую любовь и помогал ей, насколько было в его силах. От неё он научился смиреномудрию. Она советовала ему не стремиться побеждать сверстников в играх, чтобы потом не гордиться этим, и даже не стремиться первым занимать место в шеренге одноклассников, потому что, как она говорила, «первым или последним ты туда встанешь — никакой разницы нет».

Кроме этого, мать учила его воздержанию: не разрешала ничего есть до тех пор, пока не придёт

время принятия пищи. Нарушение этого правила она считала тяжёлым грехом, подобным блуду.

Мать помогала ему приобрести простоту, трудолюбие, хозяйственность и быть внимательным в общении с другими. Она учила его никогда не произносить имя искусителя — дьявола.

Дважды в день вся семья молилась перед домашним иконостасом. Однако мать продолжала молиться и занимаясь делами по хозяйству — она творила Иисусову молитву. Родители Старца отличались таким благоговением, что брали с собой антидор даже на гумно¹.

Маленький Арсений, имея острый ум и живой интерес ко всему, быстро усваивал всё доброе, услышанное от родителей.

Следуя их примеру, он научился поститься, молиться и ходить в храм Божий. Он был самым любимым из всех детей в семье. «Мой отец, — рассказывал Старец, — любил меня, потому что я имел склонность к машинам и инструментам и мои руки справлялись с любой работой. А вот моя мать любила меня за то ложное (то есть небольшое) благоговение, которое у меня было».

Детское подвижничество

Выучившись хорошо читать, Арсений раздобыл Священное Писание и каждый день читал Святое Евангелие. Также он где-то доставал Жития Святых и читал их, получая истинное наслаждение. Он собрал целую коробку с Житиями. Возвращаясь из школы, он не хотел даже есть — сперва бежал к своей коробке, доставал какое-нибудь Житие и зачитывался. Его старший брат — несмотря на то

⁽¹⁾ То есть, работая до вечера, они по постным дням ничего не ели и не пили, а в конце рабочего дня вкушали антидор. — *Прим. пер.*

что был человеком благоговейным — прятал от него Жития. Он опасался, что Арсений слишком увлечётся церковными книгами и это плохо отразится на его учёбе. Арсений ничего не говорил, находил другие Жития и продолжал питать себя духовно. Однажды, видя, что Арсений снова читает какое-то Житие — старшему брату не доводилось даже слышать имя этого Святого, — брат поразился: «Где же ты его снова раздобыл — этого Святого?»

Благоговейная жительница Кониц Екатерина Патера вспоминает о Старце: «Он очень любил Церковь и всё церковное. Однажды я его спросила:

— Дитя моё, ты сегодня что-нибудь кушал?

— Нет. А как я могу есть, когда моя мать всё варит в одной кастрюле: и мясное, и постное. Кастрюля впитывает в себя мясо, и я не могу есть даже постную пищу, которая в ней приготовлена.

— Дитя моё, но ведь твоя мать такая чистюля, она хорошо моет посуду водой с золой...

— Нет, — отвечает, — я из этой посуды есть не могу.

Он без конца всё постился и постился и куда-нибудь уходил, чтобы быть одному и молиться».

Об этом свидетельствует и брат Старца: «Арсений со второго класса начальной школы читал духовные книги, уединялся и много молился. В играх — подобно другим детям — он участия не принимал».

Врождённое призвание к монашеству проявилось в Арсении рано. Он чувствовал великую любовь к Богу, и его молитва была выражением этой любви. Под великие праздники он не ложился спать, зажигал лампадку и молился, всю ночь простаивая на ногах. Старший брат не давал ему вставать по ночам и читать Псалтирь, силком укладывая в кровать и закутывая одеялами. Но, в конечном итоге, все чинимые братом препятствия не только не сломили ревности Арсения, но ещё и приумножили его

любовь к Богу. Когда Арсения спрашивали, кем он станет, когда вырастет, он с твёрдостью отвечал: «Монахом». Бог устроил так, что, вступив на добрый путь ещё ребёнком, Арсений впоследствии не мучился вопросом о том, какую жизнь ему избрать. Перед ним открывался только один путь — ангельская жизнь иноков.

Прочитанное в Житиях он старался применить к себе. Как-то он прочёл, что если ты боишься находиться в каком-то месте, то надо приходить туда почаще, чтобы этот страх изгнать². Поскольку Арсений боялся ходить через кладбище, он решил пойти туда затемно, чтобы избавиться от этой боязни. Тогда он учился в четвёртом классе начальной школы.

«Днём, — рассказывал Старец, — я приглядел на кладбище одну пустую могилу. Когда стемнело, моё сердце отчаянно забилося, однако я пошёл на кладбище и залез в эту могилу. Сначала было страшно, но потом я освоился. Просидев в могиле немало времени, я осмелел, привстал в ней, вылез наружу и стал бродить от одной могилы к другой. Но я старался, чтобы меня не увидели и не приняли за призрак. Именно это и было нужно: сходить на кладбище три раза, просидеть там до поздней ночи и — страх улетучился».

Ещё Старец рассказывал: «Учась в школе, я читал Жития Святых и уже тогда желал стать подвижником. Часто я уходил за село — в горы. Как-то раз, когда мне было одиннадцать лет, я бродил по горам и обратил внимание на одну большую скалу. Рано-рано утром следующего дня я пошёл туда, чтобы забраться на её вершину и стать столпником. Придя к подножию скалы, я увидел, что она очень высо-

⁽²⁾ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Сергиев Посад, 1908, С. 142.

кая. Поднявшись на неё с трудом, я начал молиться. Выбившись из сил, я подумал: «Пустынники возделывали хоть какой-то огородик и ели... Немножко водички, немножко фиников... А у тебя на скале ничего нет. Как же ты будешь здесь жить?» Наконец я решил спуститься, но уже наступила ночь. Спуск был более тяжёлый, чем подъём, потому что я ничего не видел. Спустился я с огромным трудом. Матерь Божия сохранила меня, и я не разбился».

Сестра Старца Христина вспоминает, что однажды, когда родители были в поле, начался дождь. Арсений, думая о том, каково сейчас родителям, подвёл младших брата и сестру к иконостасу и встал вместе с ними на колени. Дети помолились, и дождь перестал.

Когда сверкали молнии, Арсений обычно произносил слова: *«Велѣко ѡмя Святѣя Трѡицы»*.

Плотницкое ремесло

По свидетельствам одноклассников Старца, в начальной школе он был внимательным, благоразумным ребёнком и его все любили. Особенно чутко он относился к урокам Закона Божия. Арсений был хорошим учеником; умным, ловким и любочестным мальчиком. Его сочувствие к другим доходило до жертвы. Его глаза были живыми, выразительными и настолько сияющими, что его прозвали «Гумбися», что на фарасиотском диалекте означает «светлячок».

Начальную школу юный Арсений закончил с общим баллом восемь³ и с примерным поведением. Однако гимназии в Конице не было, и учиться дальше он не стал. Ему хотелось стать плотником, потому что он полюбил ремесло нашего Господа.

⁽³⁾ По десятибальной системе оценок. — Прим. пер.

Работая вместе со старшим мастером в разных домах, Арсений не садился есть вместе с ним, но под каким-нибудь предлогом шёл домой, быстро обедал и бегом возвращался. Потом его мастер и учитель понял, что он делал это для того, чтобы не нарушать поста.

Хорошо выучившись плотницкому ремеслу, Арсений сделал в родительский дом прекрасный иконостас и Крест — похожий на те, которые держат в руках Святые Мученики, виденные им на иконах.

Позже он открыл собственную столярную мастерскую. Он изготавливал окна и двери, нашивал потолки и стелил полы, делал иконостасы и даже гробы. Однако за последние он никогда не брал с людей денег — сочувствуя таким образом человеческой боли.

У него были золотые руки плотника. Его работа приходилась людям по сердцу. Все в Конице говорили: «Какой же сын у кыры-Евлампи!⁴ Хороший мастер, порядочный и спорый, а по характеру — справедливый и искренний». Поэтому заказчики предпочитали Арсения. Таким образом он зарабатывал себе на жизнь, помогал родным и давал милостыню нуждающимся.

Благословенный юноша

Среди жителей Коницы ходил слух о том, что сын Эзнепидиса Арсений видел святого Георгия и после этого много дней постился. Сам Старец никогда не рассказывал о таком событии, и от других свидетелей узнать о нём также ничего не удалось. Но, даже если это были просто слухи, они свидетельствуют о том немалом почтении, которое испытывали к нему земляки. Жители Коницы считали, что Арсений наделён от Бога особой Благода-

⁽⁴⁾ Кира́ — уважительная приставка к женскому имени (от греч. κυρία — госпожа) — *Прим. пер.*

тью. Одна турчанка первого числа каждого месяца приглашала его в свой дом — чтобы весь месяц прошёл хорошо. Вместе с детьми этой женщины Старец учился в школе, и некоторые из них крестились и стали христианами. Потом, когда эта турчанка увидела Арсения уже монахом, она выразила своё почтение к нему следующими словами: «Я ради тебя пожертвую всем». Растроганная мусульманка стирала пыль с обуви молодого монаха и с верой натирала этой пылью свою парализованную руку.

**Ведомый
Крестом**

Старец рассказывал: «Однажды мои братья и сёстры трудились в поле. Мать приготовила им пищу, но отнести её было некому. Мать расстроилась. Поле было в двух часах ходьбы от нашего дома. “Давай я отнесу им обед”, — предложил я. “Но как ты узнаешь дорогу?” — “Спрошу кого-нибудь”, — отвечаю.

Я вышел из дома и зашагал, держа в руке Крест — подобно Святым Мученикам, которых я видел на иконах. Я так и не понял, какой шёл дорогой. Дойдя до поля, я оставил братьям обед и тут же поспешил домой, потому что меня ждала мама».

Боговидение

Старец рассказывал: «С одиннадцатилетнего возраста я читал Жития Святых, постился и совершал бдения. Мой старший брат отбирал у меня Жития и прятал их. Но ему не удалось добиться своего. Я уходил в лес и продолжал читать Жития. Тогда один из друзей моего брата, Костас, сказал ему: “Я тебе его исправлю — сделаю так, что он оставит церковные книжки, посты и тому подобное”.

Костас пришёл к нам в дом и начал рассказывать мне теорию Дарвина. Тогда я колебался и решил: “Пойду помолюсь, и если Христос — Бог, то Он явит-

ся мне, чтобы я перестал колебаться в вере. Он даст знак — тенью, голосом или чем-то подобным”. Э, настолько в те годы у меня хватало ума. Уединившись, я начал класть поклоны и молиться несколько часов подряд. Но я ничего не увидел и не услышал. Совершенно выбившись из сил, я остановился. Тут я вспомнил одну сказанную Костасом фразу: “Я признаю, что Христос был Человеком выдающимся — праведным, добродетельным. Его соплеменники позавидовали Его добродетели и осудили Его на смерть”. Тогда я решил: “Раз Христос был таким, то — даже если Он был просто Человеком — Его стоит полюбить, послушаться и принести себя в жертву ради Него. Мне не нужен ни Рай, ни что-нибудь подобное. На все жертвы стоит идти ради лишь Его святости и Его добродетели». То есть Старец включил в работу добрый помысел и любочестие.

«Бог ждал, как я отнесусь к этому искушению. После того как я включил в работу такой помысел, явился Сам Христос. Он явился в преизобилии Света. Я видел Его от пояса и выше. Он взглянул на меня со многою любовью и сказал: “*Аз есмь воскрешение и живóт. Вéруяй в Мя, áще и ўмрет, оживёт*”⁵. Те же самые слова были написаны в раскрытом Евангелии, которое Он держал в Своей левой руке».

Это событие рассеяло в пятнадцатилетнем Арсении помыслы сомнения и потрясло его детскую душу. Благодатью Божией он познал Христа как Истинного Бога и Спасителя мира. В Богочеловечестве Господа его убедили не люди и не книги, но Он Сам — Открывшийся ему — и к тому же в столь юном возрасте. Уже утверждённый в вере Арсений воскликнул: «А ну-ка, Костас, теперь я готов поговорить с тобой о Христе!»

⁽⁵⁾ Ин. 11, 25.

Подготовка к монашеской жизни

После этого события Арсений стал подвизаться с ещё большей ревностью и начал серьёзно задумываться над тем, как посвятить себя Богу. Он посетил епархиальное управление города Янина⁶ и спросил протосингела⁷, может ли он поскорее стать монахом. «Сейчас ещё рано, — ответил протосингел, — поговорим попозже, когда подрастёшь». Арсению тогда было пятнадцать лет.

Его понятия о монашестве были очень высокими, и он старался как можно лучше подготовить себя к этому пути. Если кто-нибудь предлагал сосватать ему невесту, он решительно возражал: «Я буду монахом». После того как на одной свадьбе отец поднял тост и пожелал ему: «Ну, дай Бог, чтобы и на твоей свадьбе тоже погуляли», Арсений перестал целовать отцу руку. Он делал это не от неуважения, но в знак молчаливого несогласия. Он хотел, чтобы осуществилось не пожелание отца, но пророчество преподобного Арсения.

Родные это поняли. Уговаривать их Арсению не было необходимости. Доказательством серьёзности стремлений была его жизнь и подвиги.

Часто свободное время он проводил в небольшой церквушке святой Варвары в обществе других благоговейных юношей, среди которых были будущий игумен Великой Лавры святого Афанасия на Святой Горе отец Павел (Зисакис) и отец Кирилл (Мантос) — будущий Старец афонской Свято-Никольской общежительной кельи Буразери. Каждый день юноши вычитывали богослужебные последо-

⁽⁶⁾ Город в Эпире, в 70 км от Коницы. — *Прим. пер.*

⁽⁷⁾ Старший священник в епархии, ближайший помощник правящего архиерея. Приблизительно, эта должность соответствует секретарю епархии в Русской Православной Церкви. — *Прим. пер.*

вания. Вечером они совершали Вечерню, Повечерие с акафистом Божией Матери, после чего читали Священное Писание и Жития Святых.

Поскольку действующих монастырей поблизости не было, Арсений искал добродетельных старцев в других местах. Однажды вместе с будущим отцом Павлом (Зисакисом) они посетили отца Иакова Балодимоса. Впоследствии отец Паисий рассказывал много удивительного об отце Иакове, которого он считал святым человеком и превосходным духовником.

Арсений старался приучить себя к условиям монашеской жизни. Он предпочитал безвкусную пищу, которую вдобавок не солил, чтобы не пить много воды. Свою одежду он стирал сам, не разрешая делать это матери и сёстрам.

С самого юного возраста он строго постился и, чтобы «помешать» себе много есть, очень туго затягивал пояс. Однажды он довёл себя постом до того, что в изнеможении повалился на кровать. Впоследствии Старец рассказывал: «Мои руки были тонкие, как у африканских детей, потому что, когда я был маленьким, мой организм недополучил основных питательных веществ. Моя шея стала тоненькой, как стебелёк от вишенки. “У тебя голова отвалится”, — дразнили меня дети».

Одно время, когда вместе со своими братьями и сёстрами Арсений ходил работать в поле, по дороге он отставал и шёл позади. От любопытства братья решили подсмотреть, что он делает. То, что они увидели, их глубоко поразило. Арсений снимал обувь и босиком бежал по полю со скошенным клевером, который был очень колючим — всё равно что тонкие гвозди. Острия скошенной травы протыкали кожу на ступнях, ноги были в крови. Однако мальчик с радостью терпел боль, подражая Мученикам,

о которых читал в Житиях. Он старался стать общником и сопричастником их страстей — таким мученическим мудрованием и Божественным рачением была распалена его душа.

Арсений имел обычай раз в неделю подниматься на гору. Там в безмолвии он проводил день в посте, молитве, чтении духовных книг и поклонах. Его влекло безмолвие, и он желал удостоиться жить так, как жили аскеты и пустыnnики. С собой у него был Крест. «Тогда, поднимаясь с Крестом на гору, — рассказывал Старец, — я имел такую веру, что ничего не боялся».

Родители радовались за Арсения и любовались им. Имея благоговение, они понимали, ради чего он совершал свои подвиги и не беспокоились. А вот старший брат Рафаил, видя, как Арсений предаётся великим подвигам, снова попытался ему помешать. Однако на этот раз Арсений — до пятнадцатилетнего возраста молчаливо принимавший братскую опеку — «возвысил голос» и оказал брату сопротивление. После этого уже никто не дерзал мешать Арсению. Позже, повстречавшись с младшим братом уже как с монахом, Рафаил попросил у него прощения.

Арсений подвизался не только с юношеским пылом, но и со старческим благоразумием, сочетая подвиги с многим вниманием и самоконтролем. Каждый день он подвергал себя рассмотрению: что он сделал, как говорил, не ранил ли кого-то своим поведением?

Забота о других Примером своей жизни и советами Арсений духовно помогал и другим детям. Обычно он общался с теми, кто помладше. Он собирал их в церковке святой Варвары, где они вместе читали Жития Святых, а Арсений побуждал их делать поклоны и поститься.

Некоторые матери забеспокоились и стали удерживать своих детей от общения с Арсением. Родители мальчика, работавшего вместе с Арсением у одного мастера, испугавшись, что сын станет монахом, запретили ему дружить с Арсением, подвизаться и молиться вместе с ним. Позже этот юноша уехал работать в Германию, где трагически погиб. Его родители мучались угрызениями совести и говорили: «Уж лучше бы он стал монахом». Другого юношу, тоже фарасиотского происхождения, Арсений хотел взять с собой, когда собирался уходить в монастырь, — и с этой целью пытался уговорить его мать отпустить сына. Ещё одного парня он поддержал в желании стать священником. Один священнослужитель, родом из Коницы, также признался, что последовать своему монашескому призванию ему помог ещё бывший мирянином Старец Паисий.

Арсений очень болел душой, желая, чтобы люди познали Бога. Некий старый пастух жил совсем один высоко в горах и был в церкви всего два-три раза за свою жизнь. Арсений нашёл подход к этому человеку и сумел привести его ко Христу.

У жившего в Конице мусульманина по имени Байрам заболела мать. Юный Арсений по ночам приходил в их дом, помогал ухаживать за больной. После этого Байрам захотел стать христианином.

Как подмастерье плотника, Арсений получал небольшие деньги и раздавал их в милостыню детям из сиротского приюта. Он также приводил бедных детей к себе в дом на обед.

Житель Коницы, господин Апостолос Хаджирумбис, в своём письме, озаглавленном «Мои воспоминания об одном Святом», пишет: «С Арсением мы жили не близко — на разных улицах. Впервые увидев его, я поразился живости этого человека. Будучи подмастерьем плотника, он выделялся замечатель-

ной ловкостью, расторопностью, рвением, но больше всего — своей человечностью. Потом его мастер говорил: “Да, таких, как Арсений, больше нет!”

Как и все крестьянские дети, мы пасли лошадей на общественных пастбищах. Тогда мне открылось душевное величие Арсения. Из наших пустяковых детских ссор стало ясно, что он был единственным, кто предпочитал не обижать, а быть обиженным.

С каждой новой встречей я всё больше убеждался в том, что его постоянным старанием было исповедовать Господа. У него в кармане всегда была духовная книга, которую он часто читал нам вслух. Помню, как он дорожил своими слушателями-сверстниками. Он был готов сделать что угодно: пойти сторожить наших лошадей, носить за нас воду и тому подобное — лишь бы мы со вниманием слушали Священное Писание.

Я никогда не забуду, с каким старанием и выразительностью он говорил, если речь заходила о Крестной Жертве Христа. Его речь становилась настолько образной, что ему удавалось приковать к себе внимание даже самых непоседливых детей. Я отчётливо видел в его юношеском лице радость от того, что он мог учить слову Божию столь чистых слушателей. Насколько я помню, он продолжал собирать нас для чтения духовных книг около четырёх или пяти лет — пока не ушёл в армию».

Опасности и испытания

Итак, юношеские годы Арсений провёл без попечений и в аскетических подвигах. Но вот пришли тяжёлые годы греко-итальянской войны, оккупации, а потом и Гражданской войны⁸. В это время

⁽⁸⁾ Оккупация Греции в 1941–44 гг. Германией, Италией и Болгарией. В 1944–48 гг. в Греции шла Гражданская война между правительственной армией и коммунистами. — *Прим. пер.*

он испытал немало трудностей, подвергся многим опасностям.

Во время оккупации многие бедняки приходили к его матери, чтобы обменивать драгоценности или дорогие вещи на пару пригоршней муки. Мать Старца давала несчастным муку и хлеб, но взамен не брала с них ни денег, ни их семейных драгоценностей. Кира-Евлампия часто пекла хлеб, который быстро заканчивался, потому что она раздавала его голодающим. Брат Старца Рафаил бесплатно давал беднякам немного кукурузы или же менял кукурузу на оливковое масло, которое отдавал в церковь. Позже Старец сожалел, что из-за своего возраста он не мог в трудные годы голода и оккупации помогать людям больше — так, как он этого хотел.

Во время Гражданской войны коммунисты схватили Арсения и бросили его в тюрьму. Сидя в тюрьме, он очень мучился от блох и страшной тесноты. В одну маленькую камеру затолкали много заключённых. Старец вспоминал, что, когда все заключённые укладывались спать на пол, он “вклинивался” последним, с трудом втискивая между ними своё тело.

В тюрьме он подвергся и нравственному испытанию. Однажды коммунисты перевели его в одиночную камеру и привели туда двух почти раздетых девок-коммунисток.

Арсений начал усиленно молиться Пресвятой Богородице и сразу ощутил «силу свыше», которая укрепила его. Он стал смотреть на девушек бесстрастно — подобно тому как Адам смотрел на Еву в Раю. Потом Арсений по-доброму поговорил с девушками. Те пришли в чувство, им стало стыдно, и, заплакав, они ушли.

На допросе следователь спросил Арсения:

— За что тебя взяли?

— За то, что мой брат воюет в отряде у Зерваса⁹.

— А почему он воюет у Зерваса?

— А кто из нас старше: я или мой брат? По-вашему, я могу требовать у брата отчёта в том, что он делает?

Оценив искренность и смелость Арсения, коммунисты выпустили его на волю.

Впоследствии Арсений приносил хлеб голодным и измученным мятежникам-коммунистам — хотя он знал, что они хотят убить его брата. Будучи не в состоянии понять несвоекорыстную любовь Старца, коммунисты посчитали его действия подозрительными и даже собирались его судить. Впоследствии Старец защищал этих людей от мести тех, кто потерял на войне с мятежниками своих близких.

Много испытаний и опасностей выпало на долю Старца. В доме его отца мятежники обустроили своё логово, и Арсений два месяца был вынужден скрываться в одном турецком доме. Снежной зимой он прятался от коммунистов в горах под открытым небом. Однажды мятежники схватили его и увели для тяжёлой рабской работы в Македонию. Потом два месяца Арсений вместе со своей сестрой Христиной прожил в Янине. Там их посетил один из его друзей, незадолго до этого совратившийся в протестантскую ересь евангелистов, и оставил им чемодан, набитый еретическими книгами. Арсений велел сестре сжечь эти книги, потому что, как он сказал, «в них содержится много отравы».

Во время Коницкой битвы он, как доброволец, помогал ухаживать за ранеными и погребать убитых.

⁽⁹⁾ Наполеон Зервас (1891–1957) — лидер антифашистского движения «Национальный Греческий Демократический Союз», действовавшего против нацистов в Эпире и некоторых других областях Греции. — *Прим. пер.*

Поддержка семьи

Часто Арсений видел, как мать плачет и переживает за его братьев, сражавшихся на войне. В это время он был утешением и поддержкой матери и на время отложил мысль о монашестве, потому что родные сильно нуждались в его присутствии. Позже Старец скажет: «Странничество — это не значит самому устроиться поудобнее, а родные пусть пропадают пропадом». Конечно, он продолжал подвизаться, однако отложил до времени своё желание «*воздѣти моли́твы своя́ Го́сподеви*»¹⁰.

В доме он взял на себя все крестьянские работы, которых было очень много. В помощь ему родители наняли работника, но этот человек оказался нагловатым. Он садился на лошадь и ехал верхом, а Арсений едва поспевал за ним пешком. Работник выглядел как хозяин, а Арсений — как батрак. Арсений никогда не приказывал ему работать, но много работал сам, а работник — когда имел настроение. Беря лошадей на пастбище, Арсений снимал с них сёдла и нёс их на своей спине. Он предпочитал страдать и уставать сам, но не утомлять животных. Когда его спрашивали, зачем он снимает сёдла, он отвечал: «Чтобы за ветки не цеплялись». Во время жатвы, в полдень, когда его братья и сёстры отдыхали, он шёл собирать колоски, чтобы подкормить их лошадку. Смоквы он тоже отдавал лошадям. О животных он думал больше, чем о себе самом.

* * *

Несмотря на то что война заставила Арсения отложить уход в монахи, его ревность к ангельскому иноческому житию не охладела. К своим подвигам

⁽¹⁰⁾ Ср.: Пс. 115, 5; 9.

и аскетическим упражнениям он приложил новые и более высокие. Видя, что его Родине угрожает опасность, он отозвался на призыв защищать её с оружием в руках. Перед уходом в армию он пришёл в церквушку святой Варвары и попросил Пресвятую Богородицу: «Пусть мне будет плохо, пусть будет опасно, но только бы мне не убить никакого человека и потом удостоиться стать монахом».

Именно тогда Арсений дал обет, что если Божия Матерь сохранит его на войне, то он поможет заново отстроить Её святую обитель Стомион¹¹, которую сожгли немцы, и три года будет служить Ей в этой обители.

⁽¹¹⁾ Монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, недалеко от Коницы. — *Прим. пер.*

глава третья

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Любочестный радист

В 1945 году Арсений был призван на службу Родине. Он прибыл на сборный пункт в город Навплион¹ и отправился в учебную часть для получения воинской специальности радиста. Потом его перевели в другую часть — располагавшуюся в Агринионе². «С кем у тебя высокие связи, что ты получил такую хорошую воинскую специальность?» — выпытывали у Арсения сослуживцы. «Да нет у меня никаких связей», — отнекивался он. «Да ладно тебе...» — не верили те, и тогда он отвечал: «Я знаком с... Богом».

И действительно, «бѣше Господѣ с ним и бѣше муж благополучен»³.

Его любовь к другим доходила до жертвы. Он выполнял за своих сослуживцев их обязанности, очень много работал. Если кто-то из солдат просился в увольнение, Арсений с готовностью замещал его на службе. Многие злоупотребляли его добротой и считали дурачком. Однако сам он чувствовал радость от жертвы, на которую шёл ради других. Од-

⁽¹⁾ Город на Пелопоннесе. — Прим. пер.

⁽²⁾ Город в Центральной Греции. — Прим. пер.

⁽³⁾ Ср.: Быт. 39, 2.

новременно, отсиживая за кого-то на боевом дежурстве или находясь в наряде, он имел благоприятную возможность быть одному и молиться. «Что будет с этим человеком? — удивлялся командир части. — Он никогда не просится отдохнуть».

Однажды у него поднялась температура, на градуснике было 39 и 5, но освобождения от службы он не попросил. В конце концов организм не выдержал, и он потерял сознание. Когда его несли на носилках в госпиталь, сослуживцы с иронией называли его монашескими именами: «Ну что, Венедикт-Акакий?..» Они догадывались, что он хотел стать монахом. Однако постепенно ирония уступила место уважению и даже восхищению. Образ жизни Арсения, его великая любовь, его цельный, чистый характер изменили отношение сослуживцев к нему. Его считали уже не дурачком, а сокровищем и благословением для их подразделения.

Но надо сказать и о том, что воинская специальность радиста освободила его от необходимости прямого вооружённого участия в боевых действиях. Таким образом Божественной Благодатью он был сохранён от того, чтобы убивать людей. Кроме того, воинская специальность Арсения оказалась подготовкой к его последующей монашеской «специализации» — посылать Богу сигналы своей молитвой.

Невзгоды Полубатальон, в котором служил Арсений, принимал участие в боевых действиях. Невзгоды и испытания, которые пережили солдаты этого батальона, кому-то могут показаться невероятными.

Старец рассказывал, что однажды, когда закончилось продовольствие, их пищей был снег. В другой раз они остались без пищи на тринадцать дней и выжили, питаясь лишь дикими каштанами. Ещё

чаще на их долю выпадали мучения от жажды, и тогда они были вынуждены утолять её водой, застоявшейся в следах от лошадиных копыт. Самым страшным врагом был холод. Воины спали в палатках и по утрам, просыпаясь под снежными завалами, начинали считать обмороженных. Однажды утром Арсений мотыгой выкопал из-под снега двадцать шесть обмороженных сослуживцев. В другой раз их завалило снегом на трое суток, и он, как радист, посылал в штаб сигналы о помощи. Он и сам обморозил ноги, целые куски мяса отделялись, подобно древесной коре. Его отправили в госпиталь, и только милостью Божией он избежал ампутации. Был ещё случай, когда мул ударил его копытами. Грудь почернела, и на ней были видны отпечатки подков. От удара Арсений потерял сознание, но, придя в себя, продолжил путь.

Он был рад мокнуть под дождём, мёрзнуть и уставать ради того, чтобы не мучились другие. К сожалению, некоторые солдаты, совершая какой-то проступок и желая оправдаться, сваливали вину на Арсения. Офицер ругал его, и Арсений, не желая компрометировать своих сослуживцев, со смирением, молча претерпевал незаслуженные обличения.

Однако командир части высоко ценил Арсения и доверял ему. На трудные задания командир посылал именно его, потому что знал его безотказность и способность справиться с любым порученным делом.

За всё время службы будущий монах только однажды получил отпуск и навестил родных. Дома он заболел, потерял много крови и был госпитализирован в янинскую больницу, где пролежал пятнадцать дней. Поправившись, он возвратился в свою часть.

Духовные упражнения и опыты

Находясь в таких невзгодах и испытаниях, он не оставлял и своего духовного аскетического подвига. В столовой он обычно съедал лишь половину порции, а после отбоя выходил на плоскую крышу казармы для молитвы.

«Однажды, — рассказывал Старец, — я не был на Божественной Литургии целых пять месяцев, потому что в горах, где мы сидели, не было ни священников, ни церквей. Потом командир послал меня в Агринион за запчастями для рации, и по дороге я оказался рядом с храмом, где нараспев читали акафист Пресвятой Богородице. Я перекрестился, приложился к иконам и заплакал. “Пресвятая моя Богородица, — прошептал я, — во что же это я превратился?” Разве я мог тогда представить, что придёт время и Бог устроит так, что я буду иметь церквушку прямо у себя в каливе!» И из глубины сердца Старец славословил Бога за этот дар.

Сравнивая пережитое им на войне с аскезой, совершённой в монашеские годы, он с самоукорением говорил: «Для Христа я не сделал ничего. Если бы такую же аскезу, как страдания на войне, я совершил как монах, то стал бы святым».

Будучи солдатом, он переживал опыты посещения Божественной Благодати. Однажды Старец рассказывал следующее: «Как-то мы пришли на стрельбище в Триполи⁴, и я увидел, как от оврага исходит необычный свет, который для других оставался невидимым. Свет разливался по всему стрельбищу, несмотря на то что был день. Тогда я не мог понять, что это за свет. Позже понял, в чём было дело. На этом стрельбище расстреливали осуждённых, и, возможно, там были несправедливо убиты

⁽⁴⁾ Город на Пелопоннесе. — *Прим. пер.*

и некоторые невинные... Поэтому был виден этот свет. По милости Божией, меня не посылали в расстрельную команду. Конечно, расстреливать я бы не смог».

Жертва ради других

В то время духом жертвенности отличалось большинство сослуживцев Арсения, но он был особенно бесстрашен к опасностям и смерти. Много раз он мог попасть в плен, много раз видел смерть в нескольких шагах от себя.

Однажды солдаты бросали жребий, кому идти в деревню за продовольствием. Арсений сказал: «Пойду я». Но случилось так, что мятежники приняли его за своего. Взяв продукты, он вернулся обратно к товарищам.

Когда кого-то из сослуживцев назначали участвовать в опасной операции, патрулировании или тому подобном, Арсений спрашивал его: «Какая у тебя семья?» Если солдат говорил, что женат и имеет ребёнка, Арсений отвечал: «Хорошо», шёл к дежурному по части и просил отправить его на операцию вместо семейного сослуживца.

Второму радисту их отряда Арсений не давал носить ни рацию, ни аккумуляторы, чтобы в случае опасности тот был налегке и мог спастись.

«В одном бою, — рассказывал Старец, — я вырыл себе небольшой окопчик. Один солдат подполз и попросился ко мне. Я потеснился, и с трудом мы сидели в тесном этом окопчике. Потом, когда приполз ещё один солдат, я выбрался из окопчика и дал ему возможность укрыться. Вдруг — один осколок чиркает меня по голове! Я был без каски — только в капюшоне. Щупаю голову рукой и никакой крови не чувствую. Снова щупаю — ничего! Осколок сбрил на голове волосы, оставив голую полосу шесть сан-

тиметров шириной. Не осталось даже царапины. Уступив ребятам место в окопчике, я сделал это от сердца. “Лучше, — подумал я тогда, — если меня сейчас один раз убьёт, чем убьёт кого-то ещё, а потом и меня всю оставшуюся жизнь будет убивать совесть. Как я вынесу мысль о том, что я мог его спасти и не спас?” Конечно, Бог очень помогает тому, кто жертвует собой ради других».

Благоденствие и клевета

Старец рассказывал: «Как-то раз мы с сослуживцами вскладчину купили лампы и подсвечники для одной затерянной в горах церквушки святого Иоанна Предтечи, рядом с которой стоял лагерь наш полубатальон.

Была зима. К нам пришли “транспортники” — так называли мобилизованных женщин и детей с мулами, нагруженными боеприпасами и продовольствием для располагавшихся в горах частей. Поскольку погода испортилась и валил снег, несчастные устроили себе шалашики из еловых веток и стали устраиваться на ночлег.

И вот служивший в нашем полубатальоне младший лейтенант — больше похожий не на человека, а на животное — стал приставать к девушке. Несчастливая предпочла умереть, но не поддаться греху. Она убежала в горы, а по её следам поспешила одна пожилая женщина. Блуждая по сугробам, они оказались возле той самой церквушки святого Предтечи, но, поскольку дверь была заперта на ключ, остались стоять под навесом, дрожа от холода.

В ту самую ночь мне внезапно пришёл настойчивый помысел пойти в церковь и зажечь лампы. Снега навалило сантиметров восемьдесят. Я пошёл и, не зная, что произошло, нашёл возле храма двух окоченевших, почерневших от холода женщин.

Я дал каждой по перчатке, открыл дверь, и мы вошли внутрь. Немного придя в себя, несчастные рассказали мне о том, что произошло. «Я, — сказала девушка, — сделала всё, что могла, и решила: «Теперь пусть Бог сделает остальное»».

Мне стало больно за несчастных и непроизвольно у меня вырвалось: «Всё, закончились ваши муки. Завтра будете дома». И действительно, наутро их отпустили домой».

Младший лейтенант узнал, что Арсений помог женщинам и они остались в живых. Возможно, желая скрыть свою вину, он распустил клевету о том, что, дескать, Эзнепидис ввёл в церковь «транспортников» с мулами. Командир полубатальона вызвал Арсения к себе. «Неужели, господин командир, я настолько бессовестный, что могу завести в храм животных?» — спросил Арсений. Однако о вине младшего лейтенанта он не сказал ни слова. Да и себя оправдал только потому, что его обвиняли в поругании Дома Божия.

Спасение своей части

Старец рассказывал: «Однажды наш полубатальон попал в окружение, против нас было тысяча шестьсот мятежников. Мы окопались за скалами, которые представляли собой как бы естественное оборонительное сооружение. Все мои сослуживцы быстро подтаскивали к скалам боеприпасы, и командир приказал мне помогать другим, а рацию бросить. Он даже стал угрожать пистолетом, думая, что я уклоняюсь от этого, потому что якобы хочу спрятаться.

Я присоединился к ребятам, стал носить ящики с боеприпасами, а в промежутках бегал к рации, пытаюсь соединиться с главным штабом. После многих попыток я установил связь и сообщил, что мы

находимся в опасности. На следующий день, когда мятежники приблизились к нам так близко, что мы уже слышали их брань, — прилетела наша штурмовая авиация и разбила их в пух и прах».

Впоследствии Старец приводил этот случай в пример тем, кто спрашивал его: «Какую пользу приносят монахи, сидящие в пустыне и не желающие выйти в мир, чтобы помочь людям?» — «Монахи, — отвечал Старец, — это радисты Церкви. Если своей молитвой они устанавливают связь с Богом, то Он спешит на помощь и помогает более действенно. Лишний одиночный выстрел погоды не сделал, а вот когда прилетела авиация — это решило судьбу сражения».

Самопожертвование Сослуживец Старца — господин Пантелис Дзекос (ныне монах Арсений с острова Керкира) — рассказывает: «Однажды, когда мы были в Навпакте, я принимал радиосообщение с Патры. Вдруг ко мне подходит Арсений и говорит: “Знаешь, а ведь мы с тобой братья!” — “С чего ты взял?” — удивился я. “У нас с тобой одинаковые пальцы, — ответил он и показал мне два больших пальца своих рук⁵. — Вот видишь: твои пальцы такие же, как мои, и поэтому мы с тобой братья».

Пантелиса и Арсения соединила братская дружба, и однажды, рискуя собственной жизнью, Арсений спас друга. Сохранилась магнитофонная запись, на которой слышно, как голос господина Пантелиса дрожит и рассказ прерывается слезами умиления и благодарности своему другу и спасителю: «Возле Навпакта был у нас один бой. Мы отступали, пото-

⁽⁵⁾ Большие пальцы на руках Старца действительно были не совсем обычные: их крайние фаланги были маленькими, а ногти — почти в половину меньше обычных.

му что мятежники превосходили нас численностью и силой. Когда мы бежали, я упал и сильно ударился, потому что за спиной у меня была тяжёлая рация. Когда остальные добежали до резервной линии окопов, которую определили как место отхода, Арсений увидел, что меня нет. Вот тогда он снимает рацию и бежит обратно... Ему кричат офицеры, солдаты: “Оставь его!.. Он всё — пропал!..” А он — потом другие мне рассказали — подбежал ко мне, взвалил на плечи себе и потащил к нашим окопам. Очнулся я и слышу, как Арсению говорит капитан Вудурис: “Тебя, видно, какой-то Святой крепко любит, раз он тебе помог, да и этого ты тоже выручил”. Я их спрашиваю: “А что было, ребята?” И они мне объяснили. А ведь место, где я упал, было в сотне метров от мятежников и в сотне — от окопов, где наши сидели».

**Молитвы
под пулями**

«Однажды, — продолжает господин Пантелис, — мы окопались на одной высоте, которая называется Фониас⁶. Мятежники нас обложили, и мы не могли никуда ускользнуть, потому что все пути были закрыты. Тогда Арсений встал в полный рост. Пули вокруг свистят, осколки падают. Я его схватил за рукав и тяну к земле. А он не ложится. Глядит вверх, а руки вот так — крест накрест. Не иначе как пожалел нас Господь — прилетели штурмовики и расчистили нам путь к отступлению. Начали мы отходить, и я его спрашиваю: “Слушай, голубь ты мой, да почему же ты не ложился?” — “Я, — говорит, — молился”. — “Молился?! — я ушам своим не поверил».

Какую же силу имела его молитва и насколько велика была его вера, если он пренебрегал свистящими вокруг пулями! Вероятнее всего, он просил

⁽⁶⁾ Убийца (греч. φονιάς).

Бога о том, чтобы убили его, но остались в живых другие. Поэтому он стоял во весь рост, не прячась от осколков и пуль. И Праведный Бог, видя его самопожертвование, вместе с другими спас и его самого.

Непослушание богохульнику

Рассказ Старца об одном случае, происшедшем незадолго до его увольнения в запас: «Война закончилась, и мы возвращались из Флорины. По дороге я услышал, как наш ротный хулит Бога и святыни нашей веры. Я подошёл к нему и сказал: “С настоящего времени я отказываюсь исполнять Ваши приказания, потому что, хуля Бога и христианские святыни, Вы оскорбляете и мою веру, и мою воинскую присягу — клятву защищать Родину, Веру и семью”. Услышав это, ротный передёрнулся от злобы и обозвал меня наглецом. Он велел мне что-то сделать и добавил: “Я Вам приказываю!” — Я ему на это ответил: “Я только что заявил Вам, что выполнять Ваши приказания больше не буду”. Тогда ротный сказал: “Ну ладно-ладно, давай считать вопрос закрытым”.

Как только мы прибыли в расположение полка, я немедленно пошёл к командиру и доложил ему о происшедшем. Командир сказал, что за отказ от выполнения приказаний начальника или старшего по званию положен трибунал. Тогда я снова заявил, что отказываюсь выполнять приказания своего ротного, потому что он — клятвопреступник и нарушитель воинской присяги. Он хулит Бога, перед Которым мы оба клялись защищать Родину и Веру. И с негодованием я добавил: “*Повиновáтися по-добáет Бóгови нáче, нéжели челове́ком*”⁷».

⁽⁷⁾ Деян. 5, 29.

* * *

В марте 1950 года, отдав защите Родины около пяти лет своей жизни, Арсений получил свидетельство об увольнении в запас. В тот день он находился в селении Макрокоми близ города Ламия.

Когда он прощался со своим другом Пантелисом, тот стал звать его на Керкиру, чтобы построить дома по соседству и создать там семьи. Арсений отказался. Он ответил, что станет монахом.

Закончив воинскую службу, он желал быть вписанным в иное воинство и быть причисленным к другому — монашескому — чину, для того чтобы служить Небесному Царю.

глава четвѣртая

ПОИСКИ И ПОДГОТОВКА

Первое посещение Святой Горы

Недолго пробыв в Конице, Арсений в солдатской форме приехал на Святую Афонскую Гору. В первый день его приняли на ночлег в лаврской келье святого Иоанна Богослова — чуть пониже монастыря Кутлумуш. Арсений искал старца, чтобы отдать себя в послушание. Он посетил много калив, скитов и келий, так как склонялся к безмолвной жизни. Слыша, что где-то есть добродетельные старцы, он спешил с ними встретиться, подобно пчеле, спешащей на благоухание цветка.

В числе прочих он посетил одну келью в Кавсокаливии и остался там на какое-то время. Старец кельи, хотя уже имел послушника, стал просить: «Арсений, останься здесь, чтобы позаботиться обо мне в старости и закрыть мне глаза на смертном одре». От волнений и неудач в поисках такого старца, который извещал бы его внутренним извещением и которому он мог бы отдать себя в послушание, Арсений провёл ночь без сна — в молитве и поклонах. Утром послушник старца сказал ему: «Ты стучал всю ночь ногой в пол, чтобы мы подумали, что ты делаешь поклоны?» Арсений ничего не ответил. Однако он удивился, что у брата были такие помыслы.

Идя из Кавсокаливии в скит Святой Анны, Арсений дошёл до «Креста», и, сбившись с пути, стал подниматься к вершине Афона. Там он встретил отшельника со светлым лицом, в старой латаной рясе и беседовал с ним¹.

В Святой Анне он встретил епископа Милитупольского Иерофея. От усталости и волнений Арсений совершенно выбился из сил и очень похудел. Увидев его в таком состоянии, добродетельный архиерей принял его с любовью и предложил ему обед, поставив на стол, кроме прочего, полный стакан вина.

— Ваше Преосвященство, я не смогу его выпить, — стал отказываться Арсений.

— Пей, пей, — ответил епископ, — это вино пойдёт тебе на пользу.

Он дал юноше полезные наставления и преподал ему своё благословение.

Придя в Новый скит, Арсений попросил иеромонаха Неофита из кельи Святого Димитрия принять его на какое-то время к себе, чтобы решить, что делать дальше. В этой келье он прожил недолгое время — пока не пришёл в себя после усталости и волнений. Находясь там, он узнал об отшельнике Серафиме², который был пострижен в этой келье в монахи и потом стал подвизаться в пещере недалеко от афонской вершины.

Арсений вёл себя с простотой и искренностью. Каждому — кто бы его ни спрашивал — он открывал свой помысел, и потом это приводило к искушениям, которые доставляли ему страдания. Позже Старец писал: «Будучи новоначальным, я очень устал и из-

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий*. Святогорские отцы и святогорские истории. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2002. С. 45–47.

⁽²⁾ Там же. С. 43–45.

мучился, пока не нашёл того, чего желал. Конечно, причиной этого были мои многие грехи, и произошло это для того, чтобы я расплатился за некоторые из них. А второй причиной моих страданий была моя деревенская неотёсанность, из-за которой я вверял себя всякому встречному. Благодарю Бога за всё, потому что это принесло мне большую пользу»³.

Также Арсений пострадал и от некоторых, не имевших рассуждения зилотов. Он думал, что их называют зилотами из-за того, что у них много ревности⁴ и они много подвизаются. Но зилоты заморочили ему голову и даже хотели его заново крестить, несмотря на то что он был крещён святым Арсением и к тому же по старому календарю. Позже Старец говорил: «Вначале, пока я духовно не оперился, никто мне не помог, все меня отталкивали. Потом я встретил Святых».

Несмотря на то что он не нашёл того, чего искал, пройденные испытания пошли ему на пользу и многому научили. Подвергаясь опасности, — как он сам говорил — «потерять и тот немногий ум, который имел», Арсений решил по семейным обстоятельствам вернуться домой.

Как раз в это время он получил письмо от своего отца, который просил его о помощи. Старший брат женился, и отцу приходилось трудно. Осознавая ответственность и обязанности перед семьёй — особенно перед младшими братьями и сёстрами, — Арсений откликнулся на отцовскую просьбу.

Однако он имел мужественную душу. Безрезультатное посещение Святой Горы не притупило его ревности и не угасило его упования.

⁽³⁾ *Старец Паисий. Письма. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001. С. 13.*

⁽⁴⁾ Зилот — букв. «ревнитель» (от греч. ζήλος — ревность).

Труд и подготовка

Снова он начал трудиться плотником в Конице и в окрестных селениях. Он поддерживал отца материально и помогал ему в крестьянских полевых работах. Младшей сестре он купил швейную машинку и собрал для неё приданое — пятьдесят золотых монет.

Тайно он давал милостыню многим беднякам. Он помогал семьям, которые потеряли на войне близких, и безвозмездно делал им двери и окна. Он был любим всеми.

Его жизнь в миру была постоянной духовной борьбой и подготовкой к жизни монашеской. Днём он напряжённо работал и держал пост, а большую часть ночи проводил в бдении — с молитвами и псалмопениями, совершал поклоны. Он выбрал себе для жизни сырой подвал, а для большей аскезы спал прямо на цементном полу. После усталости многотрудного дня тело просило покоя. Однако любочестный Арсений считал, что у него было бы оправдание отдыхать лишь в том случае, если бы у него были ампутированы ноги. Так, делая над собой усилие, он совершал свой любочестный подвиг.

После армии он уже не ел мяса, оправдываясь перед другими тем, что оно якобы вызывает у него отвращение. На самом деле он избегал мясной пищи для того, чтобы приучить себя к условиям монашеской жизни. Живя в миру, он подвизался и вёл себя так, словно был монахом. В то время он отпустил себе бороду. Построив маленькую хижину в углублении обрыва, он уходил туда и пребывал в безмолвии. Но, когда хижину обнаружили, перестал туда ходить. Часто он жил в доме одного из своих друзей, где была церквушка в честь святого новомученика Георгия из Янины. На один из многодневных постов он уехал в монастырь на Пелопоннесе, где провёл время в аскетических подвигах.

В деревнях, где Арсений плотничал, он был очень внимательным, говорил мало, а во время работы напевал что-то церковное. Когда не было возможности достать постной пищи, проводил день в сухоядении.

От родственников Арсений не скрывал, что собирается стать монахом. Но от душевной чуткости и благородства он говорил им, что остаётся в миру якобы потому, что ещё не готов к монашеству — чтобы родные не переживали из-за того, что исполнение его желания задерживается из-за них.

По-человечески он сделал всё, что было возможно, и в мирской жизни не оставил ничего недоделанным и неулаженным. «Когда я уходил в монахи, никто не мог мне ничего возразить», — говорил он, имея в виду то, что он безукоризненно исполнил свой долг по отношению к семье.

В марте 1953 года Арсений был уже готов к тому, чтобы последовать монашескому призванию, которое проявилось в нём ещё в младенческом возрасте. После горячей молитвы он выбрал из трёх возможных вариантов один — вновь отправиться на Святую Афонскую Гору.

глава пятая

**МОНАХ В ЭСФИГМЕНСКОМ
ОБЩЕЖИТЕЛЬНОМ
МОНАСТЫРЕ**

После пострига в рясофор.

Препятствие перед уходом из мира

Когда Арсений собирался в путь к священному Афону, произошло следующее. Все свои сбережения он раздал нищим, оставив лишь деньги на билет до Святой Горы. В это время у одного бедного крестьянина окошел бык, и он стал просить Арсения помочь купить быка. Арсений отнёсся к этому с рассудительностью. Он сказал крестьянину: «Прости, сейчас я тебе помочь не могу».

Если бы он отдал бедняку деньги, то его уход из мира снова был бы отложен — до тех пор пока он снова не собрал бы сумму, необходимую на билет. Этого и хотел диавол. Чуткое сердце Арсения сострадало бедняку, но его рассудительность подсказала ему иное решение. «Можно оставить одно добро ради другого — большего добра»¹.

***Насельник
Эсфигменского
общежития***

Учитывая опыт своего первого посещения Святой Горы, Арсений рассудительно решил пожить в общежительном монас-

⁽¹⁾ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Ук. изд. С. 264.

тыре, чтобы духовно опериться. Он рассчитывал попробовать остаться в монастыре Констанит, потому что слышал, что это была безмолвная и аскетическая обитель. Однако в день его прибытия к Афону на южной стороне полуострова разыгрался шторм — и Арсений принял это как проявление Промысла Божия. Поэтому он сел на кораблик, который шёл вдоль северного побережья, и вышел на берег в монастыре Эсфигмен (тогда эта обитель ещё не была раскольнической). Он был принят игуменом Каллиником, положил установленный поклон и начал послушническое испытание.

Монастырь Эсфигмен отличался хорошим порядком и устройством. Его насельники имели подвижнический, аскетический дух. Кроме многочасовых богослужений, монахи и послушники несли тяжёлые послушания и исполняли келейное правило. Старец рассказывал: «Для того чтобы прожить в тогдашнем Эсфигмене сорок дней Великого поста, надо было взойти на настоящую Голгофу. В сутки — только одна тарелка водянистой похлёбки без масла. Это было самое строгое общежитие. Первую седмицу Великого поста все отцы почти целый день проводили в церкви».

Ещё один рассказ Старца: «Будучи в общежитии, я получил большую помощь от одного из отцов. Он совсем не разговаривал, ни с кем. У него была потребность беседовать со Христом. Его сердце не лежало к тому, чтобы говорить с людьми. Достаточно было просто видеть этого человека. Он помог мне больше, чем Жития Святых. За определённую вину он был отлучён от Причастия на три года, хотя за подобное обычно не отлучают и на двадцать дней. Монахи, находящиеся в таком состоянии, молчат, но даже мирские люди, видя их, изменяются к лучшему. Это и есть проповедь монахов».

В монастыре, среди других добродетельных отцов, был ещё один благоговейный монах, отличавшийся подвижническим духом. Он вызывал у Арсения восхищение. Без зависти и ревности Арсений молился Богу и просил, чтобы этот благоговейный брат походил на Святого, имя которого он носил. А о себе он просил, чтобы Бог привёл его в такое же духовное состояние, как у этого брата. Себя он ставил ниже всех.

Испытания и служения

Молодой послушник с радостью преуспевал в трудах общежительной жизни. Вначале ему дали послушание помощника в трапезной и в пекарне. Месить хлебы было очень тяжело. Месили руками в большой квашне. Замешивали много муки. Чтобы отделять куски теста, надо было по плечи погружать руки в квашню.

Позже, узнав, что Арсений владеет плотницким ремеслом, ему дали послушание в столярной мастерской. Весь день, не вкушая пищи, он строгал каштановые брусья большим ручным рубанком. В любой работе он был искусен, очень способен и спор. Даже выючные сёдла для монастырских мулов он делал «как мебель».

От любочестия Арсений взял благословение помогать в архондарике², когда в монастыре было много посетителей. Также он был ответственным за два небольших храма, находившихся вне монастыря. Каждый день он зажигал там лампы, поддерживал порядок и чистоту, заботился о том, чтобы время от времени там совершалась Божественная Литургия.

⁽²⁾ Место для приёма гостей в греческих монастырях. — Прим. пер.

Новоначальные подвиги

Взяв за образец преподобных отцов, Арсений старался им подражать. Положив в основание своей монашеской жизни смиренномудрие и послушание, он отдался подвигам, превосходившим его силы. Днём он трудился телесно, а ночи проводил без сна в молитвах и славословии Бога. Он чувствовал огромную усталость, но, несмотря на это, не уступал и подвигов не убавлял. Он постоянно прибавлял к ним новые и новые — всегда делая это с благословения и под наблюдением игумена. Всё он совершал с радостным расположением.

Старец рассказывал: «Целыми днями мы работали в токарной мастерской. Работа была тяжёлой. Вечером я шёл в архондарик и с 10 до 11 помогал там. У меня не оставалось времени даже на келейное правило. Поэтому, закончив дела в архондарике и вернувшись в келью, я не ложился спать, но только на четверть часа клал ноги повыше, чтобы они немного отдохнули и оттекла кровь, которая собиралась в ногах от долгого стояния. Потом, чтобы не уснуть, становился в таз с водой и молился по чёткам. Спал я от получаса до часа и потом шёл в церковь читать Полунощницу. Я поступал так потому, что у меня тогда был помысел сомнения: смогу ли я впоследствии исполнять схимническое монашеское правило? И поэтому я попросил у игумена благословение исполнять это правило уже с послушничества. Он меня на это благословил. Я попросил не от эгоизма, но из боязни, что не смогу в будущем исполнять великосхимнические обязанности. Я делал это не от гордости. “Если мне это не по силам, — думал я, — то нечего себя и обманывать”».

В церкви он совсем не садился в стасидии, всё время был на ногах. Если им начинал овладевать сон, он сразу же подскакивал.

Зимой, у себя в келье, он не топил печку. В келье была такая сырость, что плесень свисала со стен, как вата. Когда холод становился невыносимым, он брал шкуру — из тех, что шли на сёдла для мулов, — и заворачивал в неё ноги. На улице зимой он работал в одном подряснике, под которым — чтобы было потеплей — обёртывал себя бумагой.

В Эсфигмене была традиция: накануне Великого поста всем отцам выдавали по банке сгущённого молока. Своё молоко Арсений отдавал старцу Никите, у которого была предрасположенность к туберкулёзу. Когда на великопостных трапезах была фасоль, он глотал её не прожёвывая, чтобы она переваривалась дольше и давала больше энергии. Ради аскезы он спал на каменных плитах, а иногда на кирпичах, которые считал «более человеколюбивыми».

Потихоньку братья монастыря начали замечать его подвижничество и благоговение. Священники, когда шли служить Литургию в параклисах³, стали предпочитать в качестве певчего именно Арсения.

**«Меня палила огнём
любовь моих родных»**

Словно мало было аскезы и труда на послушаниях, молодого послушника начал искушать диавол, который пытался расстроить его различными помыслами. Диавол нашёл «болезненное место» Арсения — его сильную любовь к родным. Потом Старец рассказывал: «Вначале диавол “поджаривал” меня воспоминаниями о моих родных. Он приносил мне воспоминания то о матери, то о других родственниках. Иногда показывал мне их во сне больными, а иногда — умершими. Старший на послушании замечал, что я расстроен, и спрашивал, что со мной. Я шёл на ис-

⁽³⁾ Придельные боковые храмы в византийском соборе или отдельные небольшие храмы вне собора. — *Прим. пер.*

поведь к игумену и вновь обретал мир. Вначале отрыв от своей маленькой плотской семьи и вхождение в великую семью Адама, в семью Бога, связан для монаха со скорбью и болью».

Бесовские явления Дьявол не довольствовался одной лишь бранью помыслов, тем более, что не мог сдерживать ими подвижничество юного послушника. Дьявол являлся ему и в чувственном виде. Арсений видел дьявола воочию и разговаривал с ним. Искушитель всеми способами пытался его утратить и помешать его подвигам. Вероятно, из опыта он догадывался о том, что получится из этого юноши.

Послушник Арсений не приходил в смущение и страх от дьявольских явлений. Он говорил: «Приходи-приходи, ведь ты мне помогаешь! Когда я забываю о Боге, ты помогаешь мне вспомнить о Нём и молиться».

Позже Старец вспоминал: «Ну разве останется искушение после таких слов? Оно исчезало в одно мгновение. Ведь искушитель не дурак, чтобы приносить монаху победные венцы».

— Геронда, под искушением Вы подразумеваете помыслы? — простодушно спросил его один монах.

— Брат ты мой! Искушитель — сам дьявол! Понимаешь? Какие там ещё помыслы? — ответил старец.

Юный, но мудрый послушник Арсений «человеческим вымыслом преодолел бесовское коварство»⁴.

Постриг в рясофор 27 марта 1954 года после установленного испытания послушник Арсений был пострижен в монашество. Он принял рясофорный постриг и был переименован

⁽⁴⁾ Ср.: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Ук. изд. С. 28.

в Аверкия. Игумен предлагал ему постриг в великую схиму, но тот отказался. «Я мог стать сразу великосхимником, потому что мне говорили: “В армии ты отслужил, и никаких препятствий у тебя нет”, — рассказывал Старец. Но я ответил: “Хватит рясофора”».

Он считал себя недостойным великой схимы и, кроме того, не хотел связывать себя обетами пребывать в этой обители до последнего издыхания. Он любил жизнь в безмолвии и желал со временем ей последовать.

Трепещущий Агнец

Старец рассказывал: «Я помогал в церкви, неся послушание пономаря во время Всенощных бдений. Однажды, стоя в алтаре, я наблюдал за совершавшим Проскомидию священником. Когда священник произнёс слова “жрётся Агнец Божий”, я увидел, что Агнец на дискосе трепещет, как живой ягнёнок, которого режут. Разве мог я после этого случая дерзнуть ещё раз приблизиться к священнику во время Проскомидии! Из этого видно, что Таинство начинается ещё с Проскомидии, чтобы там ни говорили некоторые... [будто оно начинается лишь во время Евхаристического канона]».

Трезвенный делатель

С этого времени он начал делать выписки из прочитанных книг. То, что помогало ему в духовной борьбе, он выписывал в отдельную тетрадь и старался претворить в дело. Его невидимый внутренний подвиг был следующим: немного чтения практических аскетических сочинений, многое внимание, непрестанная молитва и упорная работа над тем, чтобы очистить себя от страстей и стяжать Божественную Благодать.

Как во время послушания, так и на общих работах, куда выходила вся братия, он старался не прерывать молитвы. Работал быстро и молча. Старец Герасим Кутлумушский, бывший в то время в Эсфигмене, вспоминает: «Выходя на общие работы, мы разговаривали, смеялись, а он — молчал. Работал в сторонке и избегал многословия и осуждения. Он был очень внимательным монахом».

Однажды монастырь послал нескольких монахов — в том числе и отца Аверкия — за пределы Святой Горы — сажать на принадлежавшем Эсфигмену участке серебристые тополя. Вблизи участка была дорога, по которой проходили мирские люди. Отец Аверкий понудил свой помысел и свои глаза никого не видеть. И действительно, он совершил подвиг, подобный подвигу аввы Исидора Скитского⁵, который ходил в Александрию и не видел в ней никого, кроме патриарха. Глаза молодого монаха Аверкия были открыты лишь для того, чтобы видеть добрые примеры преуспевающих отцов и получать пользу.

Послушание до крови

Старец рассказывал: «В то время в монастыре был один брат столяр, отец И. Отцы приняли его по нужде, потому что сперва в Эсфигмене было семь столяров и плотников, а потом не осталось ни одного. Даже какую-то мелочь некому было сделать. Поскольку монастырь нуждался в этом монахе, ему многое позволяли, и он сильно возомнил о себе. Потом отец И. стал членом Духовного Собора и вообще перестал с кем-либо считаться. Кого бы из братии ни посылали к нему в ученики, никто больше недели выдержать не мог. Я, Благодатью Божией, проработал с ним два с половиной года. Слов нет передать,

⁽⁵⁾ См. Скитский патерик. М., 2001. С. 223–224.

что я пережил. Но, знаете, какую я получил пользу! Он постоянно ругался, кричал. Видел он плохо и часто велел мне что-то делать неправильно. Я видел, что мы совершаем ошибку и потом придётся всё это исправлять, переделывать. Но, если я дерзал говорить ему об этом, он начинал кричать: “Ты что, ещё не научился? Тебе надо говорить только два слова “простите” и “благословите”. Я умолкал. Вещь, которую мы делали, выходила наперекосяк. Помню, окна для церкви у нас получились все переделанные и перелатанные. Если отцы спрашивали, почему мы сделали окна так плохо, я ничего не отвечал. Ведь отец И. был членом Духовного Собора и, если бы хотел, мог сказать правду. А если он этого не хотел, ну так что же — значит, я откладывал себе про запас драхму-другую, то есть зарабатывал духовную мзду. Я тогда харкал кровью, а он кричал: “Эй, что ты там делаешь? Давай работай! Ведь так или иначе ты всё равно не жилец на этом свете!” Когда моё состояние ухудшилось и врач сказал, чтобы я обязательно лёг на два месяца в монастырскую больницу, отец И. пришёл туда и начал кричать: “А ну, быстро спускайся вниз, нет у тебя никакой болезни!” Я оказал послушание, спустился и пошёл на гору, где мы пилили каштаны и обтёсывали брёвна. Пошёл я по одной заброшенной тропинке, чтобы отцы меня не увидели и старец И. не был скомпрометирован. По дороге у меня началось артериальное кровотечение, и я был вынужден вернуться. Потом отец И. снова пришёл в больницу и строго спросил меня: “Ты почему не пришёл работать, а?”

Я не имел на этого брата никакого худого помысла. Я думал о том, что Бог попускает всё это от Своей любви, чтобы я расплатился за какой-то из своих грехов. Когда я был в миру, Бог даровал мне быть хорошим плотником. Люди спешили ко мне с за-

казами и — помимо моей воли — я забирал работу у других столяров и плотников. Все заказчики спешили ко мне, а отцы семейств оставались без работы. Чтобы избежать этого, я говорил, что не смогу делать работу быстро, что у меня много других заказов, но люди отвечали: “Ничего, подождём”. И вот в столярной мастерской Эсфигмена я расплачивался за свои грехи. В конце концов я получил от этого брата такую огромную пользу, что Благий Бог не оставил и его. Он потерял зрение, смирился перед всеми и спасся. Из-за него я харкал кровью, но он сделал меня человеком».

Святые Отцы называли послушание исповедничеством. Но для отца Аверкия послушание было мученическим, это было послушание с кровью. К тому же это было послушание не игумену, но просто одному из старших братьев. Однако всё он перенёс с радостью и терпением.

Когда другие члены Духовного Собора видели, что окна сбиты кое-как, и делали ему замечания, он не оправдывал себя, говоря, что так велел ему сделать старец И. Он молчал и претерпевал несправедливые обвинения, словно был действительно виноват. Впоследствии Благий Бог открыл истину и соборные отцы, поняв, в чём дело, восхищались добродетелью новонаначального монаха.

Когда отец Аверкий лежал в монастырской больнице, добрый больничар, чтобы хоть как-то укрепить его силы, кормил его орехами с мёдом. Отец Аверкий расстраивался из-за того, что лежал в кровати и не мог помогать «труждающимся отцам и братьям». Больничар сказал ему: «Если ты молишься по чёткам, то это имеет бóльшую цену. Бог, услышав молитву, даст силу отцам и пошлёт благословения в монастырь». Так, с любочестием, монах Аверкий трудился в молитве за всех отцов и братьев.

Когда он немного пришёл в себя, игумен дал ему благословение ради поправки здоровья завести у себя в келье примус и небольшой кофейник с ручкой, чтобы готовить горячее питьё. Спрашивая у отцов, где можно найти примус, отец Аверкий пришёл в сильное умиление от того, что ни у кого в монастыре примуса не оказалось. С трудом он раздобыл примус и один-два раза попил в келье горячий отвар из трав. Но потом его начал обличать помысел, и он, выбросив из окна в море свой «кофейник» — консервную банку с приделанной ручкой, — возложил своё здоровье и всего себя на Бога.

**Посещение
Божественной
Благодати**

Жёсткость аскезы отца Аверкия уладило одно ранее незнакомое ему явление — посещение Божественной Благодати. Старец рассказывал: «Когда мои аккумуляторы совсем сели (то есть когда истощились телесные силы), я пережил одно необыкновенное событие. Однажды ночью я стоял и молился. Вдруг я почувствовал, как что-то опускается сверху и всего меня омывает. Я чувствовал необыкновенное радование, и мои глаза стали подобны двум источникам, из которых ручьём текли слёзы. Я видел и ощутимо переживал Божественную Благодать⁶. До этого я много раз испытывал умиление и подобное этому, но такое посещение было впервые. Это событие имело такую духовную силу, что оно укрепило меня и продержалось во мне около десяти лет, до того момента, когда уже позже,

⁽⁶⁾ «Божество, то есть Божественная Благодать сама по себе, одна, не бывает явною, если не низойдёт в разумную душу. Как чувственный огонь не является в чувственном, если не найдёт горючего вещества; так и умный огонь не является в умном, если не найдёт вещества заповедей Божиих». *Преподобный Симеон Новый Богослов. Творения. Т. I. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 38.*

на Синае, я несколько иным образом пережил нечто большее.

Удаление на безмолвие

Когда Арсений пришёл в Эсфигмен, он просил игумена позволить ему прожить там какое-то время, а затем — благословить его уйти на безмолвие. Игумен согласился. Конечно, отец Аверкий получил пользу от всех Эсфигменских отцов и, живя в этой многострадальной обители, заложил добрый фундамент своей монашеской жизни. Но и горячее стремление к жизни безмолвной становилось всё сильнее и сильнее. Во время молитвы его ум был восхищаем в созерцание. Его сердце было распалено «*у́гльми пусты́нными*»⁷, и он чувствовал, как его зовёт к себе пустыня.

Он взял благословение на уход из монастыря ради безмолвной жизни. Оставив в обители труды и служения, кровь и пот, он вышел из неё с упованием на то, что Бог и Пресвятая Богородица направят его «*в зéмлю пусты́нную*».

Прежде всего он отправился в Иверский монастырь и приложился к Иверской иконе Пресвятой Богородицы. Когда он прикладывался, лик Божией Матери изменился и стал очень нежным и сладким. Из этого изменения он понял, что его уход на безмолвие согласен с волею Божией.

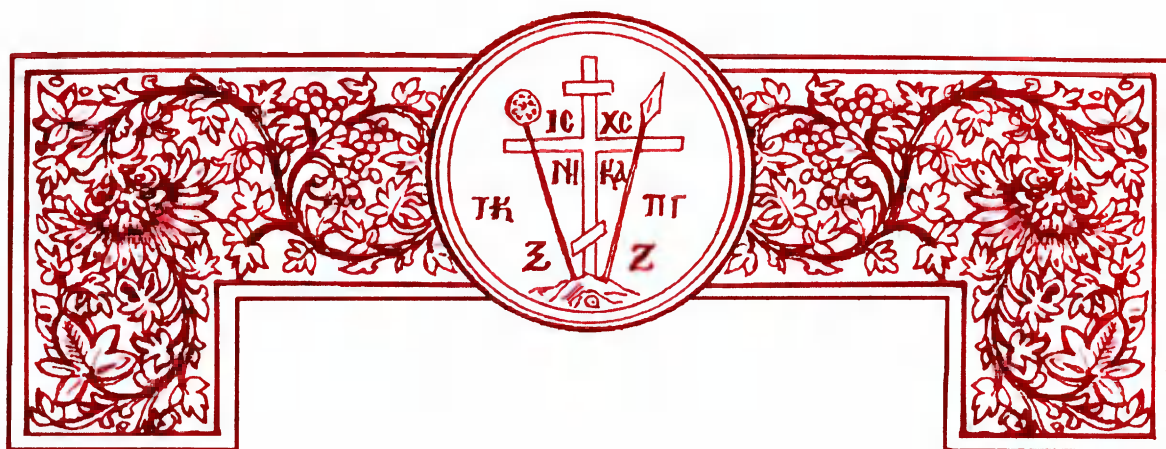
⁽⁷⁾ Пс. 119, 4.

глава шестая

**В ОСОБНОЖИТЕЛЬНОМ
МОНАСТЫРЕ ФИЛОФЕЙ**

Молодой монах Паисий.

Послушник у Старца

В Кутлумушском скиту святого Пантелеймона, в каливе Введения во храм Пресвятой Богородицы подвизался добродетельный Старец — иеромонах Кирилл. Отец Аверкий, будучи привлечён его добродетелями, о которых он слышал от других, пришёл к нему и попросился в послушники. Старец оставил его у себя. Они стали подвизаться вместе, и отец Аверкий надеялся остаться в послушниках у Старца навсегда.

Спустя два-три месяца после прихода к отцу Кириллу, отец Аверкий попросил у него благословения съездить в Коницу и привезти на Святую Гору своего брата Луку¹, чтобы и тот стал монахом.

— Он что, не знает дороги и не может приехать сам? — спросил Старец.

— Знает.

⁽¹⁾ Старец говорил, что его младший брат Лука «был человеком благоговейным и чистым, хотел стать монахом». Однако Лука полагал, что, как монаху, ему надо будет изнурять себя такими же сверхчеловеческими подвигами и проводить такую же строгую аскетическую жизнь, какую проводил его брат Арсений, ещё находясь в миру. Осознавая, что такое самоотречение ему не по силам (он отличался болезненным складом), Лука отказался от мысли стать монахом.

— Э, тогда оставь его. Вот если он приедет, то ты ему поможешь и даже отдашь брату свою келью.

Итак, отец Аверкий нашёл себе по сердцу святого Старца и тихое пристанище спасения. Однако диавол не мог успокоиться и наводил на него различные искушения. Несмотря на то что отец Аверкий ушёл из Эсфигмена с благословения игумена, антипросоп² монастыря стал настаивать, чтобы тот вернулся в обитель, потому что в нём нуждались как в плотнике. Антипросоп угрожал, что если отец Аверкий не вернётся, то он изгонит его со Святой Горы.

Тогда отец Кирилл спросил Аверкия, нет ли у него знакомых или родственников в другом монастыре. В монастыре Филофей у отца Аверкия был дальний родственник и земляк — иеромонах Симеон, который был знаком ещё с преподобным Арсением Каппадокийским. Узнав об этом, Старец Кирилл посоветовал Аверкию перейти в Филофей и быть под покровительством отца Симеона, потому что, как он говорил, «иначе ты не найдёшь себе покоя».

Отец Аверкий послушался и перешёл в монастырь Филофей, который в то время был ещё особножительным³. Живя там, он время от времени ходил пешком к отцу Кириллу и советовался с ним по духовным вопросам.

Часто Старец Кирилл, получая извещение от Бога, заранее знал о посещении Аверкия и о том, на какой духовный вопрос тот хотел получить ответ. Старец ничего не говорил и лишь показывал

⁽²⁾ Представитель каждого из двадцати афонских монастырей в Священном Киноте Святой Горы. — *Прим. пер.*

⁽³⁾ В святогорских особножительных (идиоритмичных) монастырях общим было только богослужение. В таких обителях не было игумена, общей трапезы, все монахи получали за свои послушания денежное вознаграждение и продукты и сами заботились о своём пропитании, одежде и тому подобном.

отчёркнутое место в той или иной книге. Это и являлось ответом на вопрос молодого монаха.

Впоследствии Старец Паисий в одной из своих книг⁴ описал то чудесное, что он видел в этом святом Старце. Отец Кирилл имел дар прозорливости, изгонял бесов, а когда читал Евангелие, из его глаз ручьями текли слёзы.

*Усердный труженик
и незаметный
подвижник*

Отец Аверкий искал безмолвной жизни, однако, оказав послушание Старцу, оказался в особножи-

тельном монастыре. Ему дали ответственное послушание келаря и трапезника. В его обязанности входило раздавать отцам продукты и вино. Потом его поставили старшим в столярную мастерскую, и, кроме того, он помогал месить тесто в пекарне. Отец Аверкий уставал на послушании, но, несмотря на это, был всегда готов жертвовать собой ради других и помогать там, где была нужда.

Один старый насельник монастыря Филофей вспоминает: «На всех нас производили впечатление кротость, доброта и мирное устройство Аверкия. Это в нём было очень ощутимо. Как трапезник, он быстро и ловко раздавал братии продукты. Всё время, пока он был в трапезе, он ни разу не вызвал нарекания ни у кого из отцов. Он раздавал продукты с таким благоговением, словно антидор. Он всех нас умиротворил, оказал влияние на братию примером своей жизни, своим характером и безупречным поведением. Стареньким монахам он носил воду и дрова. Помню, старец Евдоким на него показывал и говорил: “Вот хороший монах”. Ещё он помогал архондаричному, отцу Авксентию, человеку болез-

⁽⁴⁾ *Старец Паисий. Святогорские отцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 126–129.*

ненному и слабому. Когда отец Аверкий ушёл из Филофея, отец Авксентий говорил: “Лишились мы благословенного человека Божия!”

Видели мы его только на послушании и в храме, где он читал Девятый час и Полунощницу. Друзей и приятелей он себе не заводил — сидел у себя в келье и молился. Мы слышали, что он много постится и мало спит. В словах он был очень внимателен. Всё молчал, говорил только “благословите”».

Отец Аверкий неопустительно участвовал в богослужебной жизни монастыря. Кроме этого, у себя в келье он тайно совершал большие подвиги и много молился. Он поставил себе духовную цель: как можно лучше подготовиться к жизни в пустыне. У него была возможность подвизаться незаметно для других, так как условия особножительного монастыря были для этого благоприятны.

Старец рассказывал: «В келье вместо подушки у меня был обрубок каштанового пенька. Вместо кровати — две доски с пустым местом посередине, чтобы позвоночник не прикасался к доскам и не нагревался. Каждый день я постился до Девятого часа. Кроме этого, старался много дней подряд есть какой-то один вид овощей — например, одни помидоры, один латук, одну капусту, до тех пор пока эта пища не надоедала, так что я ел её уже без желания. Каждую ночь я совершал бдение. Спал немного. В храме не садился в стасидию, чтобы меня не поборол сон».

Монастырь Филофей находится на значительной высоте. Зимой там выпадает много снега и бывает очень холодно. Однако отец Аверкий ради аскезы не топил у себя в келье печку. Благодать Божия согревала его и сохраняла от серьёзных болезней, несмотря на то что совсем здоровым он никогда не был — постоянно страдал от какой-нибудь немощи.

Видя, что кто-то из старцев запирает свои дрова на замок, опасаясь, что их украдут, отец Аверкий расстраивался. Он считал подозрительность несовместимой с монашеским званием и просил такого монаха не запираеть дрова, обещая, что сам будет носить дрова ему или даже всем, чтобы никто не брал чужого.

**Помысел
гордости** «И вот, — рассказывал Старец, — хотя от аскезы я стал похожим на скелет, однажды ночью я почувствовал искушителя — как бы женское дыхание прямо у себя над ухом. Я тут же поднялся, начал церковное песнопение и зажёл свечу. Когда я исповедал происшедшее духовнику, он мне сказал: “Должно быть, в тебе есть тайная гордость. Если человек совершает такую аскезу, то подобным искушениям оправдания нет”. И действительно, исследовав себя, я убедился, что иногда мой помысел говорил мне, что я что-то из себя представляю и будто бы делаю — как бы это сказать? — ну, якобы делаю что-то значительное. Ух, какая же это чушь собачья!..»

Для того чтобы отец Аверкий смирился и очистился от тайной гордости, его духовник велел приходить к нему каждый день и брать у него приготовленную пищу. Сам отец Аверкий пищи на огне не готовил, тогда как отец Симеон, заболев туберкулёзом, следил за своим питанием. Целый месяц отец Аверкий приносил ему крупу, рис, макароны и забирал у него готовую пищу. Когда искушение прошло, он снова начал поститься. Но наученный опытом искушений, подвизался уже с большим смирением и познанием себя.

**«Тангалашкины
шуточки»** Первое время диавол приносил ему хульные помыслы.

Диавол приводил ему на ум ту грязь, которую он слышал от сослуживцев в армии. Тогда он не обращал на неё внимания, а теперь диавол нашёптывал все эти грязные вещи о Святых во время молитвы и даже в храме.

Отец Аверкий исповедовался духовнику, уходил в придел Честного Предтечи и молился. Когда он прикладывался к иконе святого Предтечи, от неё исходило благоухание и отец Аверкий уходил из храма умиротворённым. Потом брань хульных помыслов восставала вновь. Он снова шёл в Предтеченский придел, молился и икона вновь благоухала.

Конечно, успокоиться диавол не мог. Иногда сквозь сон отец Аверкий слышал грохот и крики. Просыпаясь, он ничего не видел. «Тангалашкины шуточки»⁵, — комментировал Старец.

На одной Божественной Литургии отец Аверкий тихонько подпевал певчим «Святый Бóже...» Вдруг он увидел, как из дверей, ведущих в притвор, вываливается страшный зверь. Голова у диавола была пёсией, а из глаз и из пасти выходило пламя. Он качал головой вверх-вниз и издевательски пел: «А... а... а!..» Потом злобно повернулся к отцу Аверкию и, раздражённый тем, что тот пел «Святый Бóже», дважды оскорбительно погрозил ему лапой.

Старание помочь ближнему

Старец рассказывал: «Тогда в Филофее был один монах, старец Спиридон, который вёл себя как настоящий атаман и дебошир.

Монаху — а особенно великосхимнику — Бог попускает одержимость нечистым духом для того,

⁽⁵⁾ Тангалашкой (ταγκαλάκι) Старец называл диавола. Он услышал это наименование от одного старика-понтийца, и оно ему понравилось. Тангалашка — значит тот, кто повредился умом и вытворяет разные сумасбродные вещи.

чтобы он смирился и спасся. Это и произошло с отцом Спиридоном. Он пытался спрыгнуть с балкона и покончить с собой, потом выкидывал другие сумасшедшие номера, и его даже возили в лечебницу для душевнобольных. Психиатры собрали консилиум и пришли к выводу, что исцелить отца Спиридона может только Сам Бог.

Однажды я сказал отцу Спиридону: “Знаешь, я себя чего-то нехорошо чувствую. Давай сходим к священнику, чтобы он прочитал надо мной молитвы о болящих”. Мы пришли к священнику и я попросил его прочесть над отцом Спиридоном заклинательные молитвы. Заранее я попросил батюшку читать их тихим голосом, чтобы отец Спиридон не убежал, услышав, что именно над ним читают. Когда мы пришли в храм, я опустился на колени и сказал: “Отец Спиридон, встань тоже на коленочки”. А он подбоченился, смерил меня взглядом и ответил: “Если ты себя плохо чувствуешь, то я-то в чём виноват?”

Потом с ним случились другие приключения — он сломал ногу, лежал в кровати, не вставая. Он смирился, и Бог забрал его к Себе.

Однажды, будучи больным, он позвал меня к себе в келью, чтобы я помолился. Я молился по чёткам с крестным знамением и на каждом узелке говорил: “Господи Иисусе Христе, помилуй старца Спиридона”. — “Оставь ты этого «старца Спиридона»”, — говорит, — молись так: “помилуй Спирьку”. Раньше-то попробуй не назови его уважительно старцем Спиридоном — сразу выходил из себя. И вот — смирился. Да помилует его Бог».

Поездка в Коницу на лечение

В Филофее состояние здоровья отца Аверкия начало ухудшаться. Монастырские

старцы обеспокоились и летом 1956 года послали его на лечение в Коницу. Отец Аверкий не хотел ложиться в больницу, чтобы не давать людям мира сего повода обвинять монахов в том, что они доводят себя до больниц и санаториев.

Приехав в Коницу, он очень строго и внимательно хранил монашеский обет уклонения от мира, поэтому в родительском доме не остановился. Он поселился в отдалённой церквушке святой Варвары, с которой его связывали аскетические детские подвиги и сверхъестественные события. Там по ночам он зажигал свечу и совершал Всенощные бдения, молясь и делая земные поклоны на каменных плитах.

Это продолжалось до тех пор, пока Промыслом Божиим в этот маленький храм не пришла зажечь лампы его знакомая по детским годам — Екатерина Патера, которая приехала на родину в отпуск. «Было лето, — рассказывает госпожа Патера. — Я пришла в Варваринский храм и увидела там монаха. Он был очень худой, похожий на Преподобных с икон. У него был такой вид, как у Самого Христа. Сначала я его не узнала. Он приехал в Коницу на лечение. У себя в доме он жить не хотел — говорил, что монахи должны держаться вдали от родных. Тогда я ему предложила остановиться у нас в доме, чтобы порадовалась моя пожилая мать, которая жила совсем одна.

От благодарности он склонил голову и перебрался к нам. В монастыре ему дали на расходы одну “кокоракы” (монета достоинством в четверть золотой лиры), и он нам её отдал.

Он прожил у нас около трёх месяцев. Лечился стрептомицином. Из Коницы приходил врач и следил за его состоянием, а его родная сестра приходила делать ему уколы.

Жил он в комнате на верхнем этаже и целыми днями читал, молился и старался поститься. А я — в те немногие дни, которые оставались у меня от отпуска, — готовила ему калорийную, укрепляющую еду. Я отваривала мясо, заправляла бульон большим количеством оливкового масла — чтобы он не догадался, что ест мясное, — и делала ему суп. Организм у него был крепкий, и скоро он пришёл в себя. Увидев, что его ремень уже застёгивается с трудом и надо переходить на следующую дырочку, он перестал есть мои супы. Сам варил себе в баночке немного пшенички и питался только ею.

Однажды ночью моя мать проснулась от того, что сверху, из комнаты, где спал отец Аверкий, раздавался ритмичный стук: тук-тук, тук-тук... Она разбудила меня и послала наверх посмотреть, что делает монах. Было двенадцать ночи. Стучу я в дверь и говорю: “Молитвами святых отец наших...” — это он меня научил так говорить, когда стучишься. Открывает он и спрашивает: “Эй, сестра, ты что испугалась? Не волнуйся, я уже понял, что вас разбудил. Признаться, я обычно ночи так и провожу. Да я ведь сейчас вообще веду жизнь немонашескую, тогда как я обязан молиться и за тех, кто мне помогает”. Вот так: сам больной, а целую ночь — чётки да поклоны».

Промысл Божий

Старец рассказывал: «Когда я возвращался из Коницы на Святую Гору, в Урануполисе ко мне подошла одна девушка и попросила за неё молиться. Она решила стать монахиней, а её родители этого не хотели. Из дома она ушла тайком, ничего с собой не взяв. Это была исстрадавшаяся душа.

Я оставил себе только чуть-чуть денег — на билет до Дафни. Я подумал, что Бог мне поможет добраться от Дафни до монастыря. Все прочие деньги

я отдал этой девушке и ещё подарил ей будильник, потому что в монастыре — куда она направлялась — он бы ей пригодился. Как только мы приплыли в Дафни, я услышал, как меня зовёт один соборный старец из Филофея: “Эй, видишь мулов? Это наши, филофеевские. Давай-ка грузи на них свои вещи, да и сам забирайся. Слышишь, что говорю? Оказывай послушание”. До монастыря я добрался легко и без усталости. И в тот же вечер ко мне подошёл один монах и сказал: “Знаешь, мне привезли будильник, а у меня уже есть один. Тебе, случайно, не нужен будильник? Вот возьми, пожалуйста”. Я тогда буквально рассыпался в прах, почувствовал сокрушение — видя, насколько осязательно действует Промысл Божий, заботясь обо мне, окаянном».

Постриг в мантию

Согласно архиву монастыря Филофей, отец Аверкий поступил в обитель 12 марта 1956 года. После года невидимых другим подвигов он был пострижен в мантию и переименован Паисием — в честь ревностного митрополита Кесарийского Паисия II, который был родом из Фарас. Постриг совершился 3 марта 1957 года. Восприемником при постриге был Старец Савва. Отец Паисий чтит и уважал своего восприемника, потому что, по его словам, он был «муж добродетельный, учёный и благоговейный». Со Старцем Саввой отец Паисий переписывался и потом — уже из Стомиона. Он желал принять от его руки великую схиму — великий и ангельский образ. Старец Савва искренне любил отца Паисия иставлял его как своё чадо. После пострига отец Паисий послал матери свою фотографию, на обороте которой написал следующее стихотворение⁶:

⁽⁶⁾ Помещаем греческий текст стихотворения Старца (стр. 108) и его свободный перевод на русский язык. — *Прим. пер.*

Ματτούλα μου εὖ χαιρεῖς ἐγὼ θάω νά μονάω,
 Φεύγω τὴν μάταιαν βίωσιν, τὸν ὄχλον, νά χεράω.
 ἔκιν μοναζιάν εἰς τὴν ἔρημον τάνιατα νά περάω,
 διὰ τὴν ἀγάπην τοῦ Χριστοῦ, ὅλα θὰ τὰ θυσιάω.

Ὅλα τοῦ κόσμου τὰ ἀγαθὰ, εἰς εὐβάλλα θὰ ἀρίσκω,
 Νὰ ἐκτελέσω τὴν ἐρώτην ἐνδοχὴν, τὸν Θεὸν νά ἀγαπήσω.
 Μὲ τὸν ἐσταυρὸν εἰς τὸν βολυβοῦν, τὸν Ἰησοῦν νὰ κολλουθῶ,
 Καὶ εἰς τὴν αἰὲν Ἱερουσαλὴμ, εἴχομαι νὰ ἐξουαντήσω.

Φεύγω ἀπὸ τὴν μεγάλην εὐεξοργίαν, ματτούλα νὰ μαυρίσω
 διὰ νὰ ἤμιστα αἰῶντα μαζί, τὸν Ἰησοῦν, θὰ παρακαλέσω.
 Διὰ τὸ μικρὸς ἐθέλησα τὰ μαῦρα, διὰ νὰ γυρίσω,
 Νὰ ἀγερῶ εἰς τὸν κριστὸν, τοῦ Θεοῦ νὰ ἀρίσκω.

Καὶ διὰ μητέρα εἰς τὸ ἔξῃ, θὰ ἔχω τὴν Παναγίαν,
 Νὰ με γυλάξῃ ἀβλαβῆ, ἀπὸ τοῦ ἔχθρου, τὴν κατακρίαν
 Μάννα μου καὶ καὶ κωξιν, εἰς τὴν ἔρημον ἐδὼ εἰς τὴν ἔσχατον
 Θὰ εἴχομαι πάντα διὰ τοῦ, καὶ διόχην τὴν ἀολιτίαν.

Μ.Σ. Π.Β. Φιλοθεΐτου. Ἀγ. Ὁρος. 3-5-1937

σΑγιερούμε εὐν εὐεκοτὴν μου
 μητέρα Παιῖσιον

Родная матушка моя, поклон тебе от сына.
 В монахи ныне уходя от суетного мира,
 Лицом к обманщику-врагу, один в глухой пустыне,
 Всем из любви к Царю Христу он жертвует отныне.

Мирская сладость, красота мне чужда и несладка,
 В любви Спасителя Христа всё сердце без остатка.
 Иду тернистою стопой, путём Христовым крестным,
 Молясь, чтоб встретиться с тобой
 во Царствии Небесном.

Твоей любви живая связь, но, к жизни вечной Слову
 Умом и сердцем устремясь, я режу по живому —
 По плоти наших кровных уз — и — размыкаю звенья
 И сбрасываю ветхий груз земного тяготенья.

Моя отныне будет Мать — Мария, Матерь Бога,
 Своим Покровом охранять от вражьего прилога.
 В глухой пустыне буду жить, Царя Христа желая
 О мире мира умолить и о тебе, родная.

[Сочинение] Мон[аха] Паис[ия] Филофеита.
 Святая Гора. 3-5-1957

Посвящается моей уважаемой матери.
 Паисий.

Связь с добродетельными отцами

Слыша о добродетельных отцах, живущих подвижнически и духовно преуспевших, отец Паисий стремился познакомиться с ними и получить пользу. Он считал их советы сокровищем и подвизался, чтобы походить на них в добродетели. Слова и пример их жизни он хранил в себе как величайшую драгоценность и потом для общей пользы поделился ими в своей книге «Святогорские отцы и святогорские истории».

Уже на второй день перехода в Филофей отец Паисий посетил келью русского монаха Старца Августина, но Старец отсутствовал. Отец Паисий оставил ему какие-то вещи в благословение. В это

время Старец Августин в Духе видел отца Паисия из Ильинского скита, находящегося в четырёх часах пешего пути от Филофея. Впоследствии отец Паисий и Старец Августин духовно сдружились. В своей книге отец Паисий рассказал, как Старец вёл брань с бесами, созерцал Нетварный Свет, как в монастырской больнице его посещала Пресвятая Богородица и о других случаях⁷.

С Катунак в Филофей приходил и Старец Пётр, которого называли Петракис, и они с отцом Паисием беседовали на духовные темы. Восхищаясь им и благоговей перед ним больше, чем перед кем-либо из других знаемых им подвижников, отец Паисий хотел стать его послушником⁸.

Отец Паисий приобрёл доверие двух Христа ради юродивых — одного филофеевского монаха, старца Дометия, и жившего в каливе старца Е. Последний доверительно рассказывал молодому монаху Паисию о своём юродстве и подвигах.

Конечно, отец Паисий продолжал поддерживать связь и со своим прежним Старцем, иеромонахом Кириллом. Также он был духовно близок с подвижником, румынским иеромонахом Афанасием из скита Лакку. Впоследствии он познакомился и с другими добродетельными отцами.

**Благословения
от Пресвятой
Богородицы**

Отец Паисий рассказывал: «Шёл Успенский пост. После Божественной Литургии Старец послал меня на одну работу. Я был совершенно без сил от поста и Всенощного бдения, которое мы совершали ночью. После Боже-

⁽⁷⁾ См. *Старец Паисий*. Святогорские отцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 76–83.

⁽⁸⁾ См. *Старец Паисий*. Святогорские отцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 65–75.

ственной Литургии я не ел, потому что Старец мне насчёт еды ничего не сказал.

Дойдя до Иверского монастыря, я стал ждать катер. Обычно он приходит в полдень, однако уже наступил вечер, а катера всё не было. У меня совершенно не оставалось сил, и я подумал, что надо совершить одну чётку молитв Пресвятой Богородице с просьбой, чтобы она дала мне какую-нибудь пищу. Но потом я укорил себя: “Ах ты, бессовестный, тревожишь Матерь Божию по таким пустякам!” Не успел я закончить чётку, как вдруг из монастырских ворот вышел один брат. Я сидел в беседке перед воротами. Он подошёл ко мне, дал мне небольшой кулёчек и сказал: “Вот, брате, прими ради Госпожи Богородицы”. Развернув кулёк, я увидел половину хлебца, несколько смокв и немного винограда. Я едва смог удержаться, чтобы не расплакаться, пока этот брат не уйдёт».

В другой раз Старец получил осязательнейший опыт Промысла Пресвятой Богородицы, находясь на пристани того же монастыря. Два этих случая очень похожи, но, тем не менее, между ними есть значительная разница. И во второй раз Старец ожидал катер, будучи голодным и уставшим после Всенощного бдения.

Старец рассказывал: «От истощения я чувствовал себя плохо. Я даже испугался, что потеряю сознание и это увидят монастырские рабочие. Поэтому я собрался с силами, отошёл подальше и спрятался за штабелями досок. В какой-то момент я захотел попросить Божию Матерь о помощи, но тут же оборвал себя: “Несчастный ты человек, что же выходит, Божия Матерь нам ради хлеба нужна?” И как только я это произнёс, явилась Сама Пресвятая Богородица и подала мне горячий хлеб и кисть винограда. Э, дальше-то что уж рассказывать...»

Один человек, исцелённый Старцем от неизлечимой болезни, услышав этот рассказ, поразился:

— Геронда, а что же... после того как ты съел виноградины, веточка-то у тебя в руке разве не осталась?

— И веточка, и косточки! — горячо ответил Старец.

Полученное откровение

В течение своего недолгого пребывания в Филофее отец Паисий не переставал думать о пустыне. Он чувствовал уже очень настойчивое желание уйти на безмолвие, им овладели безмолвнические «*болѣзни ꙗко раждѡущия*»⁹. Он предпринимал различные попытки удалиться в пустыню, однако все они были безуспешными. Путь на безмолвие оказался закрыт. План Божий был другим.

Однажды отец Паисий договорился с лодочником, чтобы тот отвёз его на пустынный остров и оставил там подвизаться одного. Но в назначенный день лодочник не приплыл.

Также отец Паисий хотел перейти на Катунаки и стать послушником Старца Петра, но благословения на это не было. Тем временем Старец Пётр преподобнически скончался. Впоследствии отец Паисий говорил: «Какая же меня ждала беда, если бы я перешёл к отцу Петру! После его кончины я остался бы один и без тормозов бросился бы в аскезу. Что бы сделал со мной диавол!»

Затем отец Паисий договорился с ещё одним филофеевским монахом — отцом Ф. — перейти на Катунаки ради безмолвия и аскезы. Они договорились, что станут добывать себе пропитание так: отец Паисий будет делать рукоделье, а отец Ф. относить его в монастыри и менять на сухари. Но однажды ночью,

⁽⁹⁾ Пс. 47, 7.

ещё до того как ударили в било, отец Паисий поступал в дверь кельи отца Ф. и сказал ему, что им нет воли Божией идти на Катунаки. А отец Ф., в свою очередь, рассказал отцу Паисию, что видел следующий сон: «Мы бежали по крыше монастыря, и, когда уже собирались с неё спрыгнуть, одна Жена, одетая в чёрное, удержала нас сзади за одежду и сказала, что внизу пропасть и мы разобьёмся. Из этого я тоже понял, что Бог не желает нашего перехода на Катунаки».

Впоследствии Старец Паисий так рассказывал о том, что побудило его изменить решение и вместо Катунак перейти в монастырь Стомион: «Я молился у себя в келье, и вдруг у меня совершенно отказали руки и ноги. Я не мог не то что подняться, но даже пошевелиться, меня сковала какая-то невидимая сила. Я понял: происходит что-то необыкновенное. В таком состоянии — словно меня прикрутили винтами к полу — я пробыл более двух часов. Вдруг, как по телевизору, я увидел с одной стороны Катунаки, а с другой — монастырь Стомион в Конице. Я с горячим желанием обернул взор на Катунаки и услышал голос — это был голос Пресвятой Богородицы, — ясно говорящий мне: “Ты не пойдёшь на Катунаки, а поедешь в монастырь Стомион”. — “Матерь Божия, — сказал я, — я просил у Тебя пустыни, а Ты посылаешь меня в мир?” И снова услышал тот же самый голос, строго говорящий мне: “Ты поедешь в Коницу и встретишь такого-то человека, который тебе очень поможет”¹⁰. Одновременно, во время этого события я, как по телевизору, увидел ответы на многие волновавшие меня недоумения. Потом я вдруг разрешился от невидимых уз и моё сердце исполнилось Божественной Благодатью. Я пошёл

⁽¹⁰⁾ Этим человеком была Екатерина Руси, мать димарха (мэра) Коницы. Старец называл эту женщину «святая душа».

к духовнику и рассказал ему о происшедшем. “Это воля Божия, — сказал духовник, — однако никому не рассказывай об этом видении. Скажи, что по состоянию здоровья (а я действительно в то время харкал кровью) тебе надо выехать со Святой Горы, и поезжай в Коницу”. Я хотел одного, но у Бога был Свой план. Однако впоследствии оказалось, что я перешёл в Стомион главным образом для того, чтобы помочь восьмидесяти соевратившимся в протестантство семьям вернуться в Православие».

глава седьмая

**В МОНАСТЫРЕ
СТОМЛОН**

Монастырь Рождества Богородицы, Стомион. 50-е годы XX века.

Восстановление обители

От Го́спода стопы́ челове́ку исправля́ются»¹. И вот, Своим Откровением Господь направляет стопы человека Божия Паисия в монастырь Стомион Коницкой епархии. Он жаждал пустынной жизни и приутоговлял себя к пустыне, однако, по заповеди Пресвятой Богородицы, оказался в монастыре, находящемся в миру. Старец вспоминал: «Ещё будучи солдатом, я дал Божией Матери обет: если Её Благодать сохранит меня на войне, то я три года буду трудиться на восстановлении Её сгоревшей обители. Я думал, что поскольку стал монахом, то Божия Матерь не взыщет с меня исполнения этого обета. Но, видно, Она этого хотела». Так, в августе 1958 года Старец оказался в тихом монастыре Стомион. Люди были рады его переходу в обитель, и многие приходили его навестить.

Отец Паисий начал восстанавливать сгоревшую обитель, не имея ни денег, ни материалов. Ему помогали некоторые добрые христиане. Владыка благословил отцу Паисию ездить по деревням со святыми мощами и собирать пожертвования. Бедные жители деревень приходили поклониться святым мощам и

⁽¹⁾ Пс. 36, 23.

оставляли в пожертвование по тарелке пшеницы. Так Старец набирал один-два мешка пшеницы. Однако он не оставлял её для продажи и восстановления обители, но отдавал священникам села для раздачи самым нуждающимся семьям.

Сама Пресвятая Богородица, приведшая отца Паисия в Свою маленькую обитель, благоволила к его многотрудным усилиям. Она просветила некоторых людей, и те помогли восстановлению монастыря деньгами, материалами и личным трудом. Кроме того, часто отец Паисий чувствовал Её непосредственное содействие и попечение. Старец рассказывал: «Когда заливали бетон, пришли помочь семьдесят человек. Неожиданно, в самый разгар работы, мастера говорят мне: “Не хватает двадцати мешков цемента”. Что тут делать? Я оказался в трудном положении. “Оставлять работу недоделанной нельзя”, — говорят мастера. Чтобы привезти ещё цемента, надо было четыре с половиной часа везти мешки на мулах, которых перед этим надо было ещё забрать с пастбища. Я поспешил в церковь, зажѐг свечку и на коленях стал просить Божию Матерь о помощи. Потом вернулся к мастерам и велел им продолжать заливать бетон, не убавляя количества цемента в растворе. А когда мы закончили, у нас осталось ещё пять лишних мешков цемента!»

Тем временем женщины, готовившие обед, сказали Старцу, что хлеба и похлёбки не хватит на всех рабочих. Отец Паисий успокоил их и сказал, чтобы они нисколько не волновались. И действительно: *“ядо́ша и насъ́тишася, и взя́ша избы́тки укру́х”*² — уходя, люди уносили оставшийся хлеб в мешочках.

⁽²⁾ Мк. 8, 8.

И ещё: когда заливали бетон, всё небо вдруг затянулось чёрными тучами, вот-вот был готов разразиться ливень. Если бы он начался, то работа осталась бы недоделанной. Но вскоре засветило солнышко, и работа была закончена.

Трудно было не только доставать стройматериалы, но и перевозить их в монастырь по «козьей» тропочке, которая в некоторых местах становилась настолько узкой, что нагруженный мул проходил с трудом. С одной стороны тропы была пропасть.

Рассказывает один из рабочих, трудившихся в монастыре: «Когда мы готовились заливать бетон, отец Паисий возил с берега реки гальку и поднимал её в монастырь. Он носил её или на спине в мешке, или привозил на муле, если его удавалось найти. Он добился, чего хотел: бетон залили вовремя. Но Старец совсем выбился из сил».

Рассказывает господин Георгиос Майпас: «Однажды в Стомион поднялся профессор археологии господин Дакарис. Увидев, что пол в церкви выложен каменными плитами, он сказал отцу Паисию: “Я пришлю тебе белый мрамор”. И действительно, мрамор привезли и оставили возле моста. Старец попросил жителей Коницы, чтобы они на мулах перевезли мрамор в монастырь. Те пришли к мосту, однако увидели, что мраморные плиты большого размера, и испугались, что животные могут поскользнуться и упасть в пропасть. Услышав, что жители утверждают, будто перевезти мрамор на мулах невозможно, Старец ответил им только: “Ну ладно”. После этого спускается он к мосту и берёт на спину две мраморные плиты, чтобы нести их в монастырь. Некоторые из прохожих, увидев его, удивились: “Что ты делаешь, отче?” — “Да вот, — отвечает, — коницким жителям жалко своих мулов, поэтому я буду носить мрамор на себе”. Тогда эти

люди побежали в Коницу со словами: “Вы тут рас-
сиживаетесь по кофейням, а отец Паисий таскает
мрамор на собственной спине!” Тем стало стыдно,
они взяли мулов, подняли мрамор в монастырь, и
так пол в храме был покрыт белым мрамором».

Закупив древесину, отец Паисий сам сделал две-
ри, окна, стасидии, столы и многое другое. Также он
поменял крышу над церковью, устроил братские
кельи, архондарик, резервуар для воды. Выполнял
Старец и другие работы.

Сестра Старца, Христина, вспоминает: «Монас-
тырь был полуразрушен. Я приходила помогать.
Когда мы пришли первый раз, то привезли с собой
немного вещей на муле. Более-менее целыми оста-
вались одна комната, кухня и ещё одно помещение
возле самых ворот, однако он сделал себе крохотный
сарайчик из досок. В этом сарайчике поместиться
можно было только сидя — а лёжа уже никак. Я ему
говорю: “Как же ты здесь будешь жить? Ведь тебя
мыши съедят!” А он отвечает: “Если придёт какой
посетитель, то у него будет комната, чтобы остано-
виться”. Продукты он мне возвращал. “Уноси, — го-
ворил, — а то их мыши съедят”. В этом сарайчике он
и прожил до тех пор, пока в монастырь не пришли
ещё два отца, и тогда уже они устроили себе три
небольших келейки. Ещё позже он устроил келью
в углу монастырской ограды и жил в ней».

Господин Майпас рассказывал: «Отец Паисий
был превосходным плотником. Он положил много
трудов на то, чтобы восстановить разрушенный мо-
настырь. Он был болен, но усердно держал пост, ни-
когда не давал себе послабления».

А вот свидетельство господина Иоанна Хаджи-
румбиса: «Посетив Старца в Стомионе, мы увидели,
как по-хозяйски он всё сделал в монастыре. Его ра-
бота вызывала восхищение. Он рассказал нам о том,

что река, текущая ниже монастыря, зимой становится очень бурной и трудно перейти на другой берег. Мы предложили ему свою помощь. Он своими руками сделал опалубку для мостика, потом пришли восемь человек и помогли ему залить бетон».

Уважение к монастырю

Старец не только тратил время и силы на строительство, но своей добродетельной жизнью и рассудительными советами внушал паломникам уважение к монастырской святыне.

Во-первых, на возвышенном месте правее от входа в обитель он вырыл могилу, поставил над ней крест, каждый день зажигал перед ним лампадку и кадил ладаном. Он делал это и для того, чтобы помнить о смерти самому, но главным образом, ради мирских людей, чтобы они, видя перед собой могилу, не могли развлекаться на этом месте.

Прекратились пирушки и танцы, которым прежде предавались возле обители жители Коницы. Старец считал недопустимым, чтобы люди развлекались рядом с храмом, в котором совершается служба. Только на престольный праздник он оказывал мирянам снисхождение и позволял накрывать напротив монастыря, под буками, возле источника, праздничное угощение. Старец благоустроил это место и огородил его досками от ветра. Однако пить спиртные напитки пришедшим на праздник он не позволял. Как-то раз кто-то нарушил его запрет, принёс с собой ёмкость с узо³ и за деньги разливал людям. Догадавшись, что происходит, Старец спросил: «Что у тебя в бутылке?» — «Вода», — ответил тот. «Вода есть и в источнике», — сказал Старец и толкнул ногой стоявшую на краю обрыва бутылку. Та полетела вниз — к реке Аос.

⁽³⁾ Греческий сорт анисовой водки. — *Прим. пер.*

Ниже монастыря, немного не доходя до цементного мостика, в месте, которое называлось Гаврос, Старец повесил две таблички со стрелочками. На одной, указывавшей путь к монастырю, было написано: «К священной обители Стомион — благоприлично одетые», а на другой, указывавшей направление к реке: «К реке Аос — неприлично одетые». Особенно Старец был против того, чтобы в монастырь входили нескромно одетые женщины. У дверцы, ведущей в алтарь, он также повесил табличку: «Запрещается вход мирянам».

Как-то раз — дело было в пятницу — в монастырь поднялись мирские люди. Взяв в обители сковороду, они развели за монастырскими воротами костёр и стали жарить рыбу, которую принесли с собой. Сначала Старец их не заметил, потому что был занят. Но, узнав, что происходит, он возгорелся божественной ревностью, вышел за ворота, взял сковороду и вместе с рыбой выбросил её в пропасть⁴.

В обрыв за святыней Однажды Старец нёс в монастырь святые мощи. Они находились в мощевике, привязанном ремнями к плечам Старца. В месте, которое называется «Большая лестница», ремень оборвался и мощевик полетел в обрыв. От сильной любви и благоговения ко святым мощам Старец немедленно, без малейшего колебания, прыгнул в пропасть вслед за мощами. О себе он в этот момент не подумал. Мощевик катился вниз, ударяясь о скалы. В конце концов Благодатью Божией Старец остался целым и невредимым — на нём не было ни царапины. Мощевик со

⁽⁴⁾ Из этого случая видно, какое большое значение Старец придавал посту. Рыбу и пищу с растительным маслом по средам и пятницам в Греции не едят не только монахи, но даже и многие благоговейные миряне. — *Прим. пер.*

святыми мощами также остался невредимым, тогда как металлический ящик наподобие сейфа, в который он был вложен, — весь смялся от ударов. Обрыв был настолько глубоким и крутым, что Старец не мог подняться на тропу в этом месте. Ему пришлось долго выбираться, идя по берегу.

Обретение мощей преподобного Арсения

В тот самый год, когда Старец пришёл в Стомион, он решил обрести мощи преподобного Арсения Каппадокийского. С кончины Преподобного прошло уже более тридцати лет, и его останки ещё покоились на кладбище острова Керкира (Корфу). Поручив заботу о монастыре своему брату Рафаилу, в октябре 1958 года Старец поехал на Керкиру. Там он стал искать своего старого друга и сослуживца Пантелиса Дзекоса и застал его в мастерской за работой. Господин Пантелис не узнал отца Паисия и, не отрываясь от работы, спросил: «Отче, что Вам угодно?» Старец ничего не ответил. «Может быть, я чем-то могу быть Вам полезен?» — снова спросил господин Пантелис. «Вот этим», — ответил Старец и показал ему два своих больших пальца. Тогда, узнав своего друга и спасителя, господин Пантелис, полный радости и волнения от неожиданной встречи, стал его обнимать и целовать.

Приведя Старца в дом, он велел матери и супруге накрывать богатый стол и стал просить Старца доставить ему радость и остановиться в его доме. «Я тебе эту радость доставлю, — ответил Старец, — но и ты тоже доставишь мне одну радость». — «Сколько хочешь». Тогда Старец попросил поставить ему только тарелку варёной травы, которую он «заправил» двумя-тремя каплями растительного масла. Кроме этой травы и двух-трёх маслинок, он ничего не съел.

Старые друзья легли спать в одной комнате. Господин Пантелис делал вид, что спит. Ночью отец Паисий трижды приподнимался, глядел, спит ли его друг, потом вставал, опускался на колени возле кровати и молился.

Утром, когда они пошли на кладбище, начался проливной дождь. «Не бойся, — сказал Старец, — пока мы будем идти, дождь перестанет». И действительно, дождь делался всё тише и тише, пока не перестал совсем.

Во время обретения мощей Старец омывал останки преподобного Арсения вином и водой, обёртывал их белыми тряпочками — кусками чистой простыни и складывал в чёрный кофр, наподобие чемоданчика. Была найдена и пряжка от пояса преподобного Арсения. В какой-то момент отец Паисий поскользнулся и упал на господина Пантелиса. Чтобы удержаться, тот опёрся рукой о стену⁵.

Работник кладбища роптал на то, что они обрывают мощи в такой дождливый день, и поэтому чуткий Старец, несмотря на то что получил на обретение мощей благословение местного владыки, сказал господину Пантелису: «Чтобы этот человек не расстраивался, давай закончим побыстрее. Ничего страшного, если две-три косточки останутся в могиле. Мы их достанем, когда я приеду на будущий год».

После обретения мощей сквозь кипарисы пробился луч солнца и осветил могилу Преподобного.

С кладбища отец Паисий пошёл в гостиницу. Он не хотел идти с мощами в дом господина Пантели-

⁽⁵⁾ Господин Пантелис запомнил это место стены, ставшее ориентиром, по которому он через 37 лет показал высокопреосвященнейшему митрополиту Керкиры Тимофею место, где находилась могила преподобного Арсения, для второго обретения мощей Преподобного, совершившегося в субботу 8 августа 1995 года (н. ст.). Тогда были обретены часть правой ноги с пальцами и шесть позвонков преподобного Арсения.

са, который незадолго до этого женился, боясь, что женщины из суеверия поймут это неправильно. На следующее утро, встретившись с отцом Паисием, господин Пантелис увидел, что его облик изменился от Божественной Благодати. «Какой же ты сегодня красивый! — говорил господин Пантелис. — Нет, послушай, ты ведь правда красивый!»

Старец рассказал ему следующее: «Знаешь, что со мной произошло сегодня ночью? Я тебе расскажу. Когда я хотел открыть святыи моцци и приложиться к ним, меня начала давить кака-то сила. Я стал задыхаться, но успел произнести: “Святой Арсений, помоги мне!” — и мне стало легче»⁶.

В радости Старец вернулся со святыими моцциами в Коницу и переночевал в доме Екатерины Патера, где поставил моцци под иконостасом. Госпожа Патера зажгла лампадку и ушла заниматься домашними делами. Однако со стороны той комнаты, где стояли святыи моцци, она видела свет, подобный свету зарниц или молний, и подумала, что собирается дождь. Она даже поспешила приготовить зонтик, потому что утром собиралась идти в Нижнюю Коницу на Литургию. Старец пытался объяснить ей, что эти «молнии» сверкают не на небе, которое было чистым и звёздным, а исходят от святыих моццей. «Этот свет, — рассказывала госпожа Патера, — был каким-то странным — подобен молниям, но без вспышек».

**Труды,
подвижничество
и безмолвие**

Старец называл Стомион «сидиком Пресвятой Богородицы», желая, чтобы это назва-

⁽⁶⁾ Всё, связанное с обретением моццей преподобного Арсения, рассказано господином Пантелисом Дзекосом, ныне монахом Арсением. Об этом событии подробнее см. в кн. Старца Паисия Святогорца «Преподобный Арсений Каппадокийский». Ук. изд. С. 10.

ние напоминало ему о Саде Божией Матери — Святой Афонской Горе. Стомион отличался дикой девственной красотой — знающие люди говорят, что это одно из красивейших мест на земле.

Однако условия жизни в Стомионе были очень тяжёлыми. Монастырь не имел даже лошади или мула. Старец рассказывал: «У меня было много сил. Два часа пешего пути я проходил за сорок пять минут. Я пил воду, а организм перерабатывал её в кровь. Случилось, что я три-четыре раза в день ходил из монастыря в Коницу и приносил на своих плечах строительные материалы для сгоревшего монастыря». Такое пешее хождение даже само по себе — жёсткая и болезненная аскеза. Но это доставляло Старцу радость — потому что он любил труд.

Иногда он снимал обувь и босиком по заросшей тропинке шёл в находящийся напротив старый монастырь. Там он молился и через два-три часа возвращался в Стомион через ущелье реки Аос. Одному юноше, спросившему, зачем он это делает, отец Паисий ответил: «Да ведь я поздновато стал монахом». То есть Старец прилагал подвиги к подвигам для того, чтобы восполнить ту аскезу, которую он совершил бы, если бы стал монахом в более молодом возрасте.

Связавшись «с заботами Марфы» — как он называл стройку — и помогая людям в их нуждах, Старец продолжал и приумножал свой аскетический подвиг — притом, что состояние его здоровья оставляло желать лучшего. Он строго постился и всячески поработал своё неможное тело. В это время он проходил курс лечения уколами. Иногда пищей целых суток был для него стакан воды. В монастырском огороде он выращивал различные овощи, но, несмотря на это, обычно обходился чаем с сухарями или толчёными орехами.

Рассказывает госпожа Пенелопа Барбути: «На огород он ходил босиком, а вечерами вытаскивал из своих ног занозы и колючки. Он съедал один сухарь утром и один вечером. А иногда вообще обходился только чаем. Работал очень много и почти не спал. Он старался никому ни в чём не отказывать, хотел всем помочь и услужить. Никогда никому не говорил “нет”. На руках у него были мозоли от многих поклонов. А ноги — одни кости. Физическое здоровье у него было не в порядке».

Днём Старец очень много работал, а ночи проводил в бдении. Самостоятельно вычитывал богослужение суточного круга — как научился на Святой Горе. Он не оставлял ничего из предусмотренного монашеским уставом. С необыкновенной скрупулёзностью исполнял своё личное монашеское правило, а кроме того, молился по чёткам о живых и усопших вообще, а также о людях, имевших особую нужду в молитве.

Необходимое общение с людьми и занятие строительством не угасили его жажды к безмолвию. Напротив, они распалили эту жажду, и отец Паисий изыскивал различные способы непрерывного пребывания в умном делании и общении с Богом. Он всей душой стремился скрываться в безмолвных пещерах, чтобы, не отвлекаясь ни на что, молиться *«желая и взыскую Бóга»*. Это делание было его духовным радованием. Один с Единым Богом, в безмолвии, он услаждался и питался общением с Ним в вожденной для него умной молитве.

Несмотря на то что монастырь находился в пустынном и безмолвном месте, Старец время от времени удалялся в пещеру. Он уходил туда ночами и совершал бдения — молясь по чёткам и делая бесчисленные поклоны. Пещера, где он молился, находилась в холодном месте, куда не попадало солнце.

С потолка пещеры сочилась вода. Поэтому он вырыл себе другую — маленькую, как хлебная печь, — пещерку в солнечном месте. В этой пещере он мог поместиться, лишь согнувшись. Чтобы пещеру не было заметно, он прикрывал её ветками. Позже, найдя дупло в дубе — в солнечном и сухом месте, — Старец хотел расширить его и уходить туда на безмолвие зимой, когда в монастырь совсем не попадает солнечный свет.

Если не было паломников, Старец на несколько часов уходил к себе в келью. Там он читал, молился и занимался духовным деланием. Дверь кельи он оставлял чуть приоткрытой, чтобы видеть монастырские врата — не придёт ли кто-нибудь.

В дни, когда Старец был вынужден отвлекаться на приходящих паломников, он с рассуждением находил время для исполнения своего монашеского правила. Если паломников приходило много, Старец оставлял кого-то из знакомых следить за порядком в церкви, а сам уходил совершать своё монашеское правило, после чего возвращался. Уходя в келью, он всегда оставлял дверь трапезной открытой, чтобы приходящие могли найти хлеб, консервы, помидоры и перекусить.

Покровитель бедных и сирот

Одновременно со строительством монастырских зданий Старец заботился и о людях, которые испытывали нужду. А таких было немало. В то время в деревнях вокруг Коницы царили страшная нищета, заброшенность и горе. Старец собирал одежду, деньги, продукты и лекарства, упаковывал их в посылки и посылал нуждающимся. В этом ему помогали некоторые благоговейные женщины. Старец посылал женщин, которые были к этому расположены, опекать людей, нуждающихся

ся в уходе, главным образом, стариков, у которых не было никого из родных. Получив разрешение в полиции, Старец установил в каждом квартале Коницы по копилке и назначил ответственных за них. Ещё одна копилка находилась возле полицейского участка. Старец создал специальный попечительский совет, который распоряжался собранными в копилках деньгами и раздавал их нуждающимся.

Также Старец заботился о бедных детях и о сиротах, стараясь, чтобы они могли продолжить учёбу. Он посылал их к тем, кто мог в этом помочь. Но и сам он — как мог — помогал таким детям деньгами. Многие из них получили высшее образование и сейчас вспоминают Старца с благодарностью.

Земельные участки, принадлежащие монастырю, он отдавал бедным семьям для сельскохозяйственных работ. Арендную плату за эти участки Старец не требовал. Он говорил беднякам, чтобы они, если урожай будет хорошим, давали монастырю часть из него — сколько хотят сами. Если же год был неурожайный, то Старец не просил ничего.

Каждый раз, когда его сестра Христина приносила ему одежду или продукты, он их не принимал и говорил ей, чтобы она относила их в семьи, где люди не могли свести концы с концами.

На Богоявление Старец ходил по домам со Святой водой, и люди жертвовали что-то на монастырь. Однажды он вошёл в дом, где ребёнок был инвалидом. Мать — хозяйка дома — хотела положить в ящик для пожертвований какие-то деньги. Старец сказал ей: «От тебя Божия Матерь ничего не просит. Ты сама в нужде». Сказав это, он тут же выложил на стол деньги из ящика для пожертвований и оставил их в бедной семье.

Госпожа Екатерина Патера рассказывает: «Он помогал очень многим. Он был очень милостивым.

Однажды я связала ему свитер, а он, встретив на дороге сумасшедшую женщину, тут же снял с себя свитер и отдал его ей — чтобы несчастная не мёрзла. Я дарила ему и другие вещи, но он отдавал их первому встречному».

Господин Фома Тассиос свидетельствует: «Один старик жил в пещере, покинутый всеми. А отец Паисий каждую неделю приносил ему необходимые продукты и своими руками его мыл. Он выходил из монастыря ещё затемно и шёл к этому старику так, чтобы никто об этом не знал».

Господин Лазарь Стергиу также вспоминает о том, что Старец регулярно посещал нищую старуху, которая жила одна в каком-то сарае, и приносил ей продукты.

**Мученическое
отношение
к искушению**

Старец заботился не только о материальных нуждах людей. Намного большее попечение он проявлял о спасении их бессмертных душ. Он вспоминал: «Как-то, спросив знакомых об одной своей однокласснице, я узнал, что она пошла по плохому пути. Ну что же, тогда я стал молиться, чтобы Бог просветил её прийти в монастырь — чтобы я с ней поговорил. Я собрал говорившие о покаянии отрывки из Священного Писания и святоотеческих книг. И вот однажды она пришла в обитель ещё с двумя-тремя женщинами. Потом стала часто приходить со своим ребёнком и приносить в монастырь свечи и масло. Но как-то раз один человек сказал мне: “Отец, да ведь она же тебя обманывает! Здесь притворяется благоговейной, но внизу, в городе, крутит любовь с полицейскими”.

В следующий раз, когда она пришла в монастырь, я её строго отругал, и она ушла в слезах. Вскоре я почувствовал, как всё мое тело опалает сильное

плотское разжжение. Я стал молиться, но молитва не помогала. Недоумевая, отчего со мной произошло это искушение, я снова стал молиться, но опять совершенно безрезультатно. Тогда я взял топор, положил на пень левую ногу, придавил голень ноги остриём топора и стал бить по обуху молотком. Я отсёк семь кусочков мяса, надеясь, что плотское разжжение от этой боли хоть немножко уменьшится. Но ничего подобного: ботинок наполнился кровью, а плотская брань не уменьшалась. Тогда я поднялся, оставил монастырь открытым и пошёл в лес. “Пусть меня лучше сожрут медведи”, — говорил я себе.

В дороге я выбился из сил и в изнеможении упал на краю тропы. Я пытался найти причину постигшего меня искушения. Почему оно на меня обрушилось, что было этому виной? И тут, внезапно вспомнив о женщине, которую отругал, я подумал: “Боже мой, а если она почувствует такую плотскую брань, то как она, несчастная, сможет её вынести?” Так вот в чём была причина моего искушения! Раскаявшись в том, что я так строго обличил эту женщину, я попросил прощения у Бога и тут же почувствовал себя так, словно вышел из прохладной воды после купания. Плотское разжжение исчезло».

В заключение Старец прибавил: «Когда нас искушает плотская похоть, в этом не всегда виновата плоть. Ведь плотская брань может происходить также от помыслов осуждения и гордости. Сначала нам надо отыскать причину постигшего нас искушения и потом уже предпринимать соответствующие действия. Не надо сразу, не разобравшись, в чём дело, противодействовать плотской брани постом, бдением и тому подобным».

Этот случай свидетельствует о мученическом мудровании Старца, для которого было предпочтительнее умереть, стать жертвой диких зверей, но не

согрешить — даже в помысле. Он действительно дал кровь, чтобы приять Дух. Подобные случаи встречаются и в Житиях Святых. К примеру, когда авва Пахон подвергся плотскому искушению, он пошёл в нору гиены, а после этого подносил к своему телу ядовитую змею, но Бог сохранил его и даровал ему бесстрастие⁷.

Шрамы от топора сохранялись на ноге Старца до его кончины. Об этом свидетельствуют люди, их видевшие, осязавшие и слышавшие эту историю из уст самого Старца.

Борьба против сектантов и еретиков

В Конице к тому времени появились сектанты — так называемые

евангелисты. Они занимались прозелитизмом, и их число постоянно увеличивалось. У них был молитвенный дом для собраний — опасное осиное гнездо.

Своим лжеучением волки-протестанты прельщали православных христиан. И вот, для того чтобы изгнать еретиков, Бог использовал малограмотного, однако «исполненного Благодати и силы» и имевшего великую православную чуткость отца Паисия.

Сначала Старец как следует разузнал о догматах их лжеучения. Потом он написал текст о том, кто такие евангелисты и прикрепил его к монастырским дверям, чтобы его читали паломники.

На собрания сектантов Старец посылал доверенных людей, чтобы узнать, кто именно приходит слушать протестантских лжеучителей. Потом он приглашал слушателей еретических проповедей к себе и один на один увещал их. После эти люди уже не ходили на сектантские собрания. Некоторых из них он принимал в монастырь на работу и убеждал их

⁽⁷⁾ См. Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик. Коломна, 1992. С. 72–74.

порвать с сектантской организацией. Эти люди впоследствии стали христианами.

Кроме этого, Старец благословил коницких ребят пойти ночью к дому молитвенных собраний сектантов и снять с него вывеску. Старец также встретился с главарём сектантов, который приезжал в Коницу из Салоник, и убедил его больше не приезжать в Коницу. Молитвами Старца, а также благодаря его активным и рассудительным действиям, люди, совратившиеся в секту, вернулись в Православие, и Коница снова стала *«едѣнным ста́дом с едѣнным па́стырем»*.

После этого в Конице появились последователи Макракиса⁸, но и им Старец не позволил совращать людей. Действуя активно и своевременно, он открыл людям глаза на них, и макракисты, тоже ничего не добившись в Конице, уехали ни с чем.

Старец заботился и о живущих в Конице мусульманах. Он окружил их любовью и заботой, помогал им в их нуждах, каждую пятницу собирал их в одном из их домов. Он надеялся, что с помощью любви и правильного отношения они могли стать христианами. И действительно, некоторые из этих людей позже приняли Святое Крещение.

«Водимый Духом»

Старец рассказывал: «В Стомион приехали два монаха, для того чтобы жить вместе со мной. Я тогда жил в большой келье и решил разделить её на две части. Но поскольку у меня не было денег для этого, я решил взять в долг пятьсот драхм. По дороге в Коницу я проходил мимо часовни, перекрестился, за-

⁽⁸⁾ Макракис Апостолос (1831–1905) – греческий богослов и христианский писатель. Критикуя недостатки церковной жизни, уклонялся в крайности и радикализм. Имел немало последователей. – *Прим. пер.*

жѣг в этой часовне лампадку и пошѣл дальше. Когда я проходил мимо одного дома, что-то подтолкнуло меня постучаться. Было утро. Увидев меня, хозяин обрадовался. “Я как раз хотел тебя увидеть, — сказал он мне. — Я пообещал Пресвятой Богородице пожертвовать вот эти деньги на Её обитель”. И он дал мне пятьсот драхм — ровно столько, сколько мне было нужно.

Помня об этом случае, в другой раз я также почувствовал подобные внутренние побуждения — что-то подталкивало меня поехать в большой город — Янину. Будучи не в силах удержаться, я послушался внутреннего голоса и поехал. Зачем я туда еду, я не знал. Никакой определённой цели у меня не было. Проходя по улицам, я оказался возле магазина и зашѣл купить несколько стаканчиков для лампад в церкви — просто так, про запас. Купив лампадные стаканчики, я снова пошѣл по улице. Проходя переулком мимо одного дома, я вдруг почувствовал, что какая-то внутренняя сила подталкивает меня зайти внутрь. Я послушался и постучал в дверь. Открыла одетая в чёрное женщина лет сорока пяти. Увидев, что на пороге стоит монах, она упала мне в ноги и минут пятнадцать непрерывно повторяла: “Иисусе мой, благодарю Тебя, благодарю Тебя, Иисусе мой”.

Мы прошли в дом. Там были ещё две женщины. С одиннадцати часов утра и до пяти часов вечера мы сидели и беседовали. Потом мы отслужили молебный канон Пресвятой Богородице. Эта женщина стояла на коленях и пела молебный канон наизусть.

Она овдовела молодой, была очень богата. Часть своих земель она давала девочкам-сироткам, и на этих землях работали её родственники. Она собиралась правильно раздать своё имущество и потом уйти в монастырь. Ожидая этого, она побыва-

ла в Иерусалиме, где стала тайной монахиней. Она носила чёрные, похожие на монашеские одежды. Эта женщина настойчиво просила Бога послать ей какого-то монаха, чтобы он научил её монашеской жизни. Впоследствии, раздав своё богатство на дела милосердия, она ушла в женский монастырь, находившийся на одном из островов⁹.

Эта женщина рассказала мне ещё об одной тайной монахине, которая торговала в киоске. Я встретился и с ней. Она взяла на себя воспитание племянников, детей своего брата, сирот по отцу и по матери. Ум этой рабы Божией часто был восхищаем в созерцание. Люди, приходившие в киоск за покупками, не понимая, в каком она находится состоянии, думали, что от большого горя она немного повредила в уме и сейчас пребывает в прострации. Покупатели сами брали из киоска всё, что хотели, оставляя на тарелочке деньги. Обе эти женщины были избранницы Божии».

Бесовские нападения

Узнав о том, что в старину насельники монастыря Стомион спускались ради безмолвия в пропасть, Старец попробовал сделать то же самое. Он обвязал себя верёвкой, другой конец которой привязал к дереву на вершине пропасти. Спускаясь в пропасть, Старец обнаружил выровненную площадку — примерно один квадратный метр, встал на неё, и ему захотелось там помолиться. Взяв несколько камней, он положил их на краю, сделав небольшой бордюрик. Как только он начал молиться, налетел иску-

⁽⁹⁾ Монастырь Фанероменис на острове Саламин. Там эта матушка подвизалась в монашеских подвигах и почила о Господе. В миру её звали Афина Хаджи, в монашестве — монахиня Анна. В годы оккупации она принимала активное участие в борьбе против оккупантов.

ситель — подобно смерчу, сильному вихрю — и стал с силой сталкивать Старца в пропасть. Тогда Старец призвал Пресвятую Богородицу: «Пресвятáя Богорóдице, спаси́ мя». Смерч тут же прекратился, и Старец остался в живых. А он стоял уже на самом краю пропасти, упираясь ногами в камни. Эта пропасть так крута и ужасна, что один её вид уже вызывает головокружение.

Старец рассказывал ещё об одном бесовском нападении: «Я был в церкви и молился. Примерно в полночь я услышал, как без остановки прыгает дверная щеколда: так-так, так-так. Прошёл час, а щеколда всё дергалась. Одновременно слышались какие-то голоса и стук. В монастыре кроме меня не было никого. Я подумал, что если за этой дверью диавол, то из храма лучше не выходить. Я вошёл в алтарь и пробыл там до рассвета».

Спасение по Промыслу Божию

«Однажды, когда я вос-
становливал монастырь, —
рассказывал Старец, — мне
надо было срочно идти в одно место за строитель-
ными материалами. Пешком туда часа два идти. По
дороге, в одном опасном месте, которое я называл
“Голгофой”, я встретил своего знакомого с тремя
мулами, нагружёнными древесиной. Вьючные сёд-
ла сбились набок, один мул был уже на краю пропа-
сти — того гляди сорвётся вниз.

Я подумал, что если останусь помогать этому че-
ловеку, то потеряю время и задержусь. Но совесть не
позволяла мне оставить его без помощи. Я стал ему
помогать. “Бог тебя послал, отче”, — обрадовался он.

Я помог ему перевьючить мулов и ушёл, задер-
жавшись примерно на двадцать минут. Идя даль-
ше, я увидел, что дорогу только что смял длинный —
метров триста длиной — оползень. Люди, видевшие

его, сказали мне, что он сошёл только что. Если бы я не помог тому человеку, то наверняка оказался бы на этом месте как раз во время оползня и не смог бы спастись. Всё это произошло по Промыслу Божию. Бог, для того чтобы меня спасти, попустил этому человеку немножко помучиться. Я был спасён от верной смерти, а этот человек тысячу раз сказал мне “спасибо”. Но я тоже, наткнувшись на оползень, обернулся и издали стал кричать ему: “Дядюшка Анастасий, ты спас меня! Бог тебя послал!”»

Ночное посещение Пресвятой Богородицы

Две благоговейные женщины из Коницы, госпожа Пенелопа Мурелату и госпожа Пенелопа Барбути, помогали отцу Паисию работать на огороде. Однажды после Пове-
 черия они пошли в монастырскую гостиницу и рано легли спать. Ночью, услышав стук в монастырское било, они проснулись и, выйдя из комнаты, увидели, что Старец тоже выходит из своей кельи. Старец сказал им: «Благословенные души, разве я не просил вас ночью не стучать в било?»

Женщины с недоумением ответили, что даже и не дотрагивались до била. И вдруг они заметили, как внутрь храма входит и становится невидимой какая-то Женщина. Они увидели Её в профиль — от плеча и ниже — руку и омофор.

Это была Пресвятая Богородица, ночное посещение Которой было возвещено тем, что било начало стучать само собой.

Увидев Пресвятую Богородицу, Старец — до этого разговаривавший громко — от благоговения и священного трепета замолчал, дав женщинам знак уйти, а сам ушёл в свою келью.

Около полуночи он позвал их в храм, и они отслужили молебен Пресвятой Богородице. После молеб-

на он сказал им: «Бог удостоил вас увидеть Матерь Божию. Но не рассказывайте об этом никому».

**Похожее на правду
бесовское видение**

«Однажды ночью, — рассказывает Старец, — сидя в келье на скамеечке, я творил

Иисусову молитву. Внезапно в монастырском дворе послышалась музыка — звуки скрипок, барабанов, человеческие голоса и шум танца. Поднявшись, я выглянул в окно посмотреть, что происходит, но ничего не увидел. Во дворе было очень тихо. Я понял, что это диавольские проделки.

Не успел я сесть на скамью и продолжить молитву, как внезапно моя келья наполнилась сильным светом. Крыша исчезла. Этот свет достигал до неба, а на вершине этого светлого столпа я увидел как бы лицо белокурого юноши, похожего на Христа. Видно было только половину лица и светящуюся надпись: «Сла́ва в Вѣишних Бóгу». Я поднялся и стал всматриваться вверх, чтобы получше разглядеть лицо и вдруг услышал голос, говорящий мне: «Ты удостоился увидеть Христа!»

В то самое мгновение, когда голос говорил мне это, я поглядел вниз, ища, на что бы мне встать, чтобы разглядеть лицо получше, увидеть его полностью. Но одновременно я подумал: «Да кто такой я, недостойный, чтобы видеть Христа?» В то же самое мгновение исчезли и свет, и лже-Христос, и я увидел, что потолок был на своём месте».

Не сумев прельстить Старца ложным видением, диавол в отместку исцарапал его ноги так, что из ран текла кровь.

Помятуя об этом случае, Старец так говорил о правильном отношении к видениям: «Вот так и начинается прелесть. Если бы Господь не помог мне уразуметь, что это видение было бесовским, то по-

Старец в монастыре Стомион.

том начались бы “телепередачи” лукавого. Дьявол показывал бы мне: “Вот Христос, вот Божия Матерь, вот пророчества и тому подобное”. Так человек и впадает в прелесть. Поэтому мы не должны легко принимать видения — даже если они от Бога. Ведь и Бог, если можно так выразиться, радуется, если мы не принимаем видений, потому что, не принимая их, мы проявляем смирение и внимание, которых Он от нас хочет. Господь знает, каким образом показать нам то, что желает. Он знает, как научить нас чему-то не с помощью видения, а по-другому».

Дружба с дикими зверями

Великая любовь Старца к Богу и к Его образу — человеку — переливалась через край его сердца. Преизлияния этой любви хватало даже на неразумную тварь. Особенно Старец любил диких животных, которые, чувствуя его любовь, тоже не боялись к нему подходить.

Один оленёнок приходил к Старцу и ел из его рук. Старец масляной краской нарисовал на лбу у этого оленёнка крест и попросил охотников не охотиться возле монастыря и не стрелять, увидев оленёнка с крестом на лбу. Но, к несчастью, один охотник пренебрёг заповедью Старца и, увидев оленёнка, его убил. Старец очень расстроился и предсказал, что с этим охотником произойдёт несчастье. Пророчество исполнилось в точности. Мы не говорим об этом подробно, потому что тот человек ещё жив.

В лесах, прилегающих к монастырю Стомион, живут медведи. Однажды Старец поднимался по узкой тропинке в монастырь и вёл за собой нагруженного ослёнка. На дороге он встретил медведя. Медведь отошёл к краю тропинки, пропуская Старца. Старец в свою очередь делал медведю знак проходить первым. «А он, — рассказывал Старец шутя, — протя-

нул лапу, стал тянуть меня за рукав и показывать, чтобы первым прошёл я». Старец сказал медведю: «Завтра чтобы тебя здесь не было, потому что я жду посетителей. Если не послушаешься, то я возьму тебя за ухо, отведу в хлев и там привяжу».

Старец говорил, что у медведей есть эгоизм. Оказавшись в опасности, они делают вид, что им не страшно, но потом убегают со всех ног.

Один медведь часто приходил в монастырь и подружился со Старцем, который его кормил. В те дни, когда в монастырь приходили люди, Старец заранее просил медведя не показываться людям на глаза и их не пугать. Иногда медведь нарушал заповедь Старца, неожиданно показываясь и наводя на всех ужас. Этого медведя видели многие, в том числе и Екатерина Патера, которая рассказывала: «Однажды ночью я поднималась в монастырь с фонариком, желая успеть на Божественную Литургию. Вдруг я услышала треск, посветила фонариком и увидела зверя, похожего на громадную собаку. Этот зверь шёл за мной по пятам. Когда я дошла до монастыря, то спросила отца Паисия: “А собака-то эта что, монастырская?” А он мне ответил: “Это разве собака? А ну-ка погляди хорошенько. Ведь это же медведь”».

Другие события концового периода

Однажды обворовали дом госпожи Пенелопы Барбути. Воры взяли те немногие деньги, которые она скопила, — всего-навсего пятьсот пятьдесят драхм. Расстроенная, она тут же пошла в монастырь, чтобы рассказать о случившемся Старцу. Старец уже ожидал её возле монастыря под шелковицей. Издалека он закричал: «Не расстраивайся: найдутся! Сколько там было: пятьсот пятьдесят драхм, что ли? Через пятнадцать дней

найдёшь». Через тринадцать дней госпожа Пенелопа снова встретила Старца и сказала, что ещё не нашла сворованных денег. «Благословенная душа, — ответил он ей, — я тебе разве не сказал, что через пятнадцать дней? Почему ты такая нетерпеливая?» И действительно, ровно на пятнадцатый день госпоже Пенелопе одна женщина принесла деньги, которые украл её сын.

* * *

Когда по воскресеньям в монастыре не служилась Божественная Литургия, Старец спускался для службы и Причащения Святых Христовых Тайн в Коницу. В полночь с субботы на воскресенье он закрывал монастырь и через час приходил в Коницу, где в усыпальнице ждал начала службы и шесть-семь часов молился за живых и усопших — пока пономарь не открывал храм.

В одну из таких ночей, он увидел, как останки усопших излучают свет. Кто знает, может быть, это было знамение, которым усопшие души дали понять Старцу, что чувствуют его молитвы?

* * *

Одно время в монастыре работал господин Лазарь Стергиу. Он рассказывал: «Как-то в субботу я делал опалубку над стеной, чтобы залить над ней бетонную стяжку, а отец Паисий убирался в храм. Около одиннадцати часов дня он хотел что-то мне сказать и стал делать какие-то знаки. В обед мы пошли есть, но он молчал: потерял голос. “Что с тобой случилось, отец Паисий?” — спросил я его. Он выглядел спокойным, как будто ничего не произошло. “Пойти в город позвать врача?” — спросил я. Нет, он

мне не разрешил. Мы с ним общались знаками. Прошла неделя. В следующую субботу он мыл лампы. Вдруг я услышал, как он поёт. Он вышел из храма, держа в руках икону Пресвятой Богородицы. От радости я его расцеловал».

В те же дни в монастырь приходила и госпожа Пенелопа Барбути. Поняв, что Старец потерял голос, она заплакала. Потом, когда голос вернулся, она его спросила: «Что с тобой было, отче?»

Старец сказал ей, что такое уже случилось с ним на Святой Горе. Однако сейчас он получил извещение о том, что больше с ним такого не произойдёт. И действительно, больше ничего подобного с ним не случилось.

* * *

«Когда я строила дом в селе Святой Георгий, — рассказывает Екатерина Патера, — туда пришёл Старец, чтобы встретиться с моей матерью. Когда он пришёл, один мальчонка восьми лет — его звали Стефанис — упал с верхнего этажа, ударившись головой о цемент, разбил голову, и кровь лилась ручьём. Все бывшие там — его бабушка и мама — кричали, не зная, что делать.

— Что там случилось? — спросил отец Паисий.

Он спустился вниз, благословил мальчонку крестом, который у него был с собой, попросил кусочек ватки, приложил его к ране — и врач не понадобился! Даже шрама не осталось!»

* * *

Однажды Старец задержался в Конице, беседуя о вере с мусульманами. Чтобы не упустить Повечерие, он совершил его по чёткам, поднимаясь в монастырь. Бесы выхватили чётки у него из рук. Старец

опустился на колени и стал молиться. «Я не уйду отсюда, если вы не принесёте мне чётки», — сказал он. И нечистые духи вернули ему чётки, будучи не в силах противиться силе его молитвы!

* * *

Как-то раз монастырь посетил мэр Коницы с другими официальными лицами. Старец не заискивал перед ними и не угодничал — якобы для того, чтобы они помогли монастырю. Он не умел льстить и угождать людям. Он начал разносить угощение, начиная не с мэра, но с дяди Георгия — простого и благоговейного крестьянина, достойного уважения больше, чем другие. Хотя Старец и относился с почтением к людям, занимавшим высокое место, в этом случае он почтил добродетель — *«сла́ва челове́ка есть добродéтель»*¹⁰, — а не просто человека, облечённого мирской властью, но добродетели не имеющего.

* * *

Рассказывает господин Фома Тассиос из Коницы: «Однажды я встретил Старца на автовокзале города Янина. Мы поехали вместе, по дороге чуть не попали в страшную аварию: три автобуса и один грузовик врезались в линию электропередач. А наш автобус был словно перенесён невидимой силой на пять метров от дороги, и мы избежали столкновения. Я говорю Старцу: “Если бы тебя с нами не было, отец Паисий, мы превратились бы в соляной столп”. А он мне отвечает: “А ты заметил, чтобы кто-нибудь осенил себя крестом? Ты, когдаходишь в автобус, молись, чтобы доехать благополучно”».

⁽¹⁰⁾ Святой Иоанн Златоуст. Полное собрание творений в 12-ти томах. Т. V. М., 2005. С. 251.

* * *

Госпожа Пенелопа Барбути рассказывает: «Когда у него болела голова, он прислонял её к иконе Пресвятой Богородицы, и боль проходила. Тесто для просфор он замешивал без закваски. Он его осенял крестом, и оно поднималось. Однажды он мне сказал: “К нам идут три охотника. Приготовь фасоль”. И действительно, пришли три охотника и попросили поесть фасоли. У них с собой было мясо в мешке, но они оставили его за оградой монастыря на дереве, потому что Старец не разрешал печь мясо в монастыре».

* * *

В Янинах он познакомился с одной мирской женщиной, у которой был дар прозорливости. Он хотел купить стекло для керосиновой лампы, но у него не хватало денег. Нужно было тринадцать драхм. И вот, проходя мимо дома этой женщины, он услышал, как она говорит кому-то: «Дай монаху тринадцать драхм, чтобы он купил стёкла для лампы».

Уход из Стомиона

Жители Коницы и окрестных сёл звали Старца «монах» и относились к нему с благоговением. Они искренне любили его и помогали ему, хотя и не осознавали до конца, какое сокровище он в себе скрывал. В его лице люди видели что-то особенное. Они пленялись его любовью и добротой. Он был для них Ангелом-Хранителем, утешением, поддержкой в трудностях. Сегодня зрелые мужи вспоминают, как, будучи маленькими детьми, они видели исхудалого монаха. Он шёл быстрым шагом по коницким улицам, погружённый в себя, не глядя по сторонам.

Слух о его добродетели распространился и за пределы Коницы. Для встречи с ним люди приезжали из других мест. С ним подружилась группа студентов богословского факультета, которые переписывались с ним. Приезжая, они останавливались в монастыре. Старец помог им духовно. Почти все они избрали монашескую жизнь.

Но среди посетителей монастыря были и такие, кто не переставая расстраивал Старца своими мирскими причудами, не собираясь исправляться. Кто-то пытался провести к монастырю автомобильную и воздушную монорельсовую дороги. Кому-то не нравилось, что Старец отменил мирские развлечения на монастырском дворе в день престольного праздника. Эти люди действовали против Старца. Некоторые из них требовали его изгнания из монастыря, желая взять в свои руки монастырские владения и лес. Были и другие причины для ухода Старца из Стомиона.

Сперва Старец уехал из монастыря на месяц. За день до престольного праздника он пришёл в храм для того, чтобы совершить службу, а закончив её, увидел, что во дворе разожгли костры и начались танцы. Тогда он взял свою рясу и ночью, расстроенный, уехал на Святую Гору. «Они были ещё духовно незрелы», — говорил Старец. Но после просьб многих земляков он опять вернулся в Стомион.

В 1961 году он снова уехал на Святую Афонскую Гору. Жители Коницы, желая заставить его вернуться, написали письмо в монастырь Филофей и поставили под этим письмом свои подписи. Они просили, чтобы Старец пожалел их и вернулся в Коницу.

В одном из своих писем Старец писал: «Когда я уехал из Коницы, жители заволновались. Через несколько дней после того, как я приехал на Святую Гору и достиг Филофея, в монастырь пришло пись-

мо от мэра Коницы со многими подписями и ещё одно письмо от номарха¹¹ того района, с просьбой позволить мне вернуться в монастырь Стомион, поскольку там была большая нужда и тому подобное. Они также изложили свои причины, но в монастыре не все были согласны дать мне это благословение. Я узнал, что жители Коницы собираются дойти до патриарха Афинагора и до министра иностранных дел Аверова, с просьбой повлиять на губернатора Святой Горы, который подчиняется Министерству иностранных дел».

После настойчивых просьб Старец снова возвратился в Стомион, взяв отпускную грамоту от монастыря Филофей 7 августа 1961 года.

Брат Старца Лука и господин Димитрий Корциноглу, видя трудности, которые Старец испытывал в Стомионе, по собственному почину построили на окраине Коницы домик, в котором была келья, небольшой храмик и мастерская. Они надеялись, что Старец останется там жить. Они не хотели, чтобы он их покинул и они лишились бы его драгоценного присутствия.

Восстановив монастырь, изгнав из Коницы сектантов (возможно, это было самым большим из благодеяний отца Паисия родному городу) и оказав помощь многим, Старец стал мучиться помыслом, что, живя в Конице, он ничего не делает. Он часто укорял себя: «Ведь я монах. Что я забыл здесь, в миру?» И, жалуясь, он говорил Пресвятой Богородице: «Владычица моя, ведь я просил у Тебя пустыни, а Ты привела меня в мир».

Видимо, он получил ответ на свою молитву. Когда позже отец Косма — ныне игумен монастыря Стомион — спросил его, почему он ушёл, он отве-

⁽¹¹⁾ Глава номоса — округа, административной единицы в Греции. — *Прим. пер.*

тил: «Э, я попросил Матерь Божию, чтобы Она Сама показала мне место, куда идти. И Она сказала мне: “Иди на Синай”».

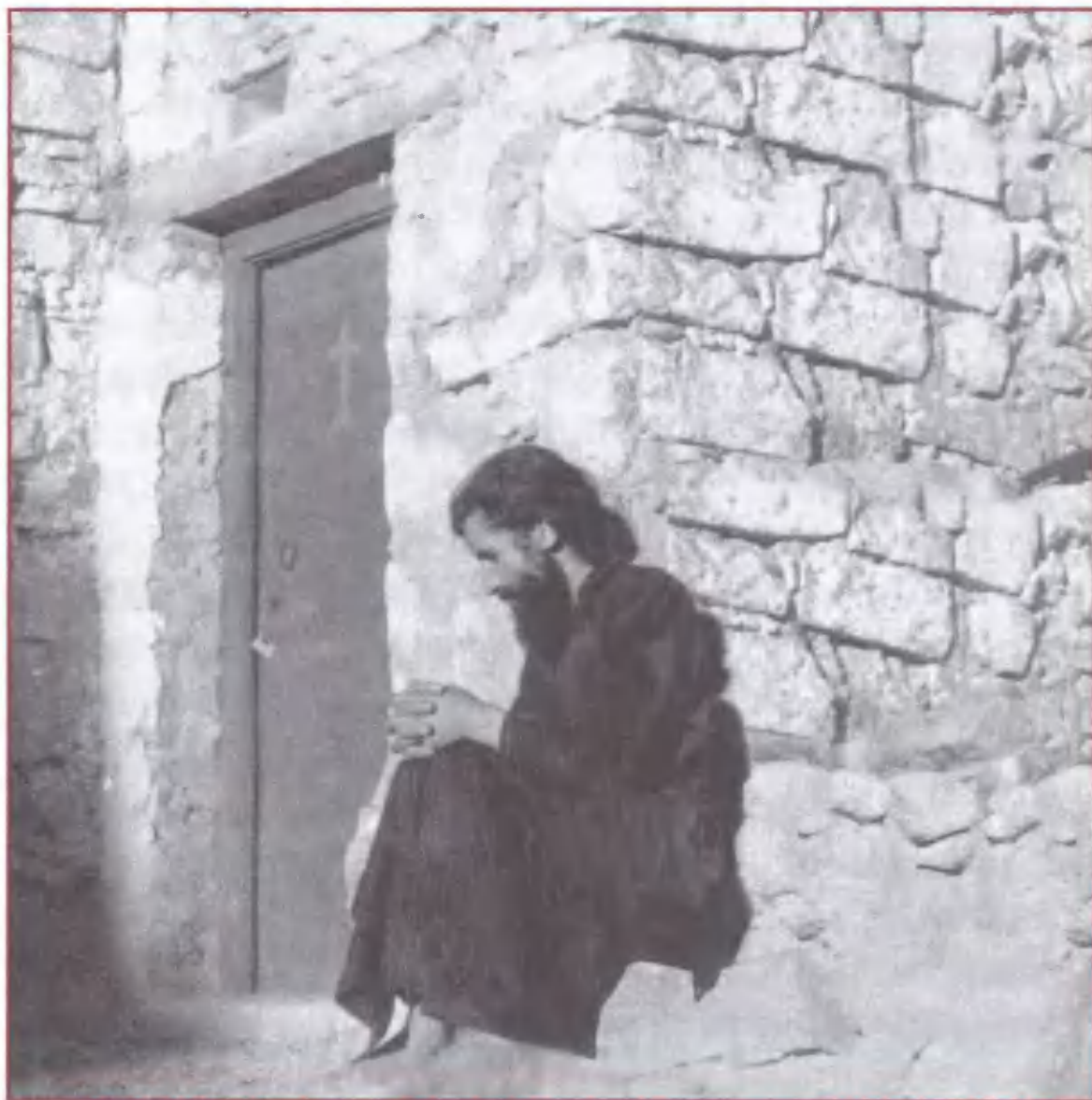
В то время Старца посетил выпускник богословского факультета, живший тогда на Синае, — ныне синайский архиепископ Дамиан. С его помощью Старец вступил в переписку с тогдашним Синайским архиепископом Порфирием. Он спросил Владыку, позволит ли тот жить ему на Синае, где-нибудь вне монастыря, ничем не обременяя обитель, и получил положительный ответ.

Итак, увидев, что его миссия в «мирской пустыне» закончена, и исполнив свой обет Пресвятой Богородице, Старец 30 сентября 1962 года окончательно оставил Стомион и удалился на Богошественную Гору Синай. Он не сказал никому о причинах своего ухода, потому что люди устроили бы смуту и стали возмущаться. Он объяснил, что уезжает на лечение. Когда он уходил, многие плакали, потому что он был их утешением.

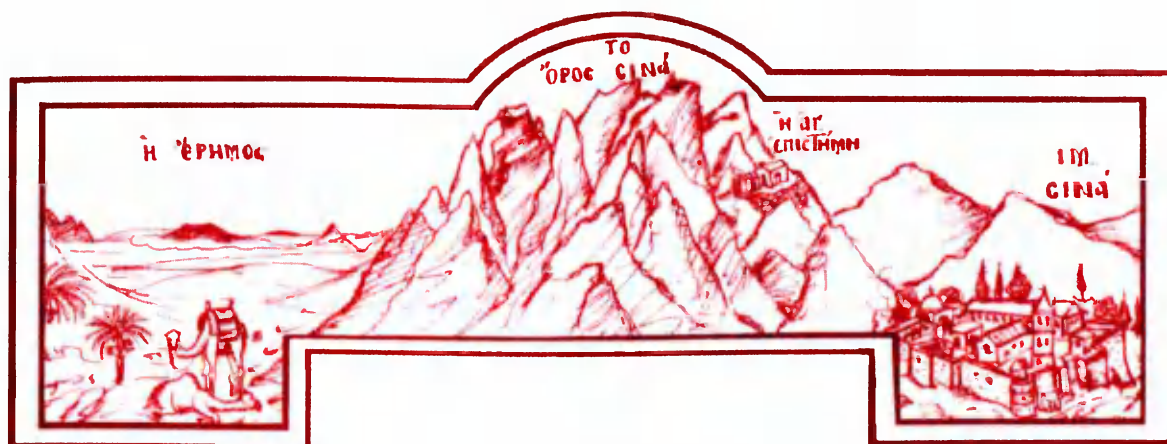
Старец не только восстановил монастырь, не только составил его «Историю» (хронику), но и продолжил её своей святой жизнью. На коницких скалах остались страницы его жития. Он написал его своими подвигами и пережитыми им сверхъестественными событиями. Жители Коницы с благоговением хранят память о «монахе», который сегодня известен во всём мире как Старец Паисий Святогорец.

глава восьмая

ПУСТЫННИК НА
БОГОШЕСТВЕННОЙ
СИНАЙСКОЙ ГОРЕ

*Возле пустынной кельи святых
Галактиона и Епистимии.*

Переселение на Синай

Господин Ставрос Балтоянис, художник-реставратор, живущий в Афинах, рассказывает: «Осенью 1962 года я отправился в Синайский монастырь по приглашению этой обители, чтобы заняться реставрацией монастырских икон. В Каире на монастырском подворье во время обеда я познакомился с монахом Паисием, который тоже ехал на Синай. Он был необыкновенно худым, ел совсем-совсем мало и почти постоянно молчал. Сильный грудной кашель свидетельствовал о том, что у него были проблемы со здоровьем.

Ожидая разрешения на поездку в Синайский монастырь, мы с отцом Паисием прожили в Каире около недели. За эти дни я смог убедиться в том, что он упорно избегал пищи, которую нам приносили, а когда ел, делал это лишь потому, что чувствовал, что должен оказывать послушание. С того времени и позже, живя вместе с ним в монастыре, я понял, что среди монашеских добродетелей, которыми он был украшен, было истинное и сознательное послушание.

Получив необходимые бумаги, мы загрузили наш багаж в такси и выехали из Каира. Помню, как отец Паисий молча сидел в уголке машины всё вре-

мя, пока мы ехали до Суэца. В Суэце я и ещё один человек, наш попутчик, сделали кое-какие покупки — в основном продукты. Во время долгой стоянки в Суэце, которая была также передышкой в путешествии, мы с нашим спутником проголодались. На наше приглашение присоединиться к обеду, отец Паисий никак не отреагировал. Он ограничился тем, что смачивал свои губы каплями сока, выжатого из маленького египетского лимона. Этот лимон и был единственным “запасом пищи”, который он имел с собой.

Переночевав в Фаране, утром мы отправились на Синай. Приехали в монастырь ближе к вечеру. Отца Паисия быстро отвели в его келью, а я остался с моим коллегой Анастасием Маргаритовым, который ожидал меня, чтобы вместе начать работу. Вскоре мы узнали, что, войдя в свою келью, отец Паисий первым делом снял с кровати матрас и выкрутил электрическую лампочку, которая освещала комнату.

Умеренность, аскетический дух, бесхитростное простодушие этого человека и его всецелая самоотдача Богу не замедлили проявиться во время его пребывания в Синайском монастыре. Молча он старался принимать участие в делах и заботах общежития и быстро стал полезным членом братства. Все быстро узнали о его способностях и знаниях, таких, например, как искусность в обработке дерева. Последнее обстоятельство натолкнуло нас с моим коллегой-реставратором на идею попросить у монастыря, чтобы новый насельник помогал нам в столярных работах, которые обычно необходимы при реставрации икон.

Отец Паисий стал очень тщательно работать над изготовлением деревянного киота для иконы Христа, которая от старости лопнула и разделилась на

две части¹. Работа ему удалась. Очень искусно и с большой находчивостью он изготовил второй деревянный ковчежец с рамой размером в икону — какой она была вначале. Мы поместили в этот ковчег обе части лопнувшей иконы, и между ними остался небольшой зазор. Мы специально оставили это пустое пространство, рассчитав, что оно будет незаметным взгляду человека, который поклоняется иконе. Так отец Паисий работал рядом с нами, со вниманием и ответственностью исполняя столярные работы, связанные с реставрацией. Он работал молча, с большой отдачей, распространяя вокруг себя атмосферу благородства и святости. Его постоянные уклонения от обеда в полдень, его страшная худоба и сильный, непрекращающийся кашель заставляли нас переживать о его здоровье, и мы часто старались отговорить его от такой строгой аскезы. Я никогда не забуду его посветлевшее лицо, когда однажды он был вынужден ответить мне на подобные замечания. “Ставрос, — сказал он, — ты эти вопросы оставь нам — монахам”.

Мы прожили в монастыре около сорока дней, а Паисий был всё таким же, как вначале: незлобливый, необыкновенно духовный, задумчивый и, вероятно, молящийся в те часы, когда он молча помогал нам в работе. В последний день, попрощавшись с ним, я покинул монастырь с уверенностью, что оставляю там святого человека.

Изредка до меня доходили слухи о том, что отец Паисий подвизался всё строже и строже. Вскоре после нашего расставания, как я и предполагал, отец Паисий удалился из монастыря на одну из скал Богощественной Горы и жил там в исключительном подвиге, спускаясь в монастырь в определённые дни».

⁽¹⁾ Речь идёт о знаменитой Синайской иконе Христа Пантократора.

Ниспослание дождя

Когда отец Паисий приехал на Синай, стояла сильная засуха.

Природные условия тех мест таковы, что дождь идёт крайне редко. Однако в год, когда приехал Старец, недостаток воды чувствовался особенно остро. В монастыре готовили караван верблюдов, чтобы привезти воду издалека. Старец сказал: «Подождите, не отправляйтесь за водой сегодня». Ночью он молился, и пошёл сильный дождь.

Блаженная пустынная жизнь

Взяв благословение жить одному в пустыне, Старец переселился в келью свя-

тых Галактиона и Епистимии. Этот аскетирий состоит из маленького храма и крохотной, продолжающей храм келейки. Аскетирий расположен в прекрасном возвышенном месте, прямо напротив Святой Вершины. Он отстоит от монастыря на расстоянии чуть меньше часа пешего пути.

В двухстах метрах выше аскетирия находится пещера святого Галактиона, а немного за ней — скит, в котором жила святая Епистимия с другими подвижницами. Это святые, благословенные места. Несмотря на сухость и духоту, эти скалы вдохновляют. Там, в орлиной вышине, Старец, как орёл духа, устроил своё гнездо, или, лучше сказать, возвёл свою сторожевую башню.

Совсем недалеко от аскетирия, на расстоянии «вержения камня», сочился небольшой родничок. За сутки набиралось два-три литра воды. Старец рассказывал: «Я ходил за водой с жестяной баночкой. Вода мне была нужна для чая или для того, чтобы смачивать лоб. Ожидая, пока вода наберётся, я с благодарностью читал акафист Пресвятой Богородице и мои глаза наполнялись слезами. “Боже мой, — говорил я, — мне надо только немного водички

для питья — больше я ничего не хочу”». Настолько драгоценными были эти немногие капли воды для него — пожелавшего жить в пустыне. Но и этой водой Старец делился с дикими животными и с жаждущими пустынными птицами.

— Геронда, как Вы жили на Синае? — спросил Старца один человек.

Старец ответил: «Моей пищей был чай с сухарями, которые я делал сам. Я раскатывал тонкий лист теста и высушивал его на солнце. Эти сухари были настолько жёсткими, что разбивались, как стекло. Иногда я варил толчёный рис в консервной банке. Эта банка была и кофейником, и кастрюлей, и тарелкой, и кружкой. Всё моё хозяйство состояло из этой банки да одной ложечки — чуть поменьше столовой.

Кроме этого, у меня была майка, которую я надевал ночью, чтобы было потеплей. Вечером я пил чёрный чай, чтобы не спать, и в чай клал чуть больше сахара — какую-нибудь лишнюю ложечку. Этот сахар заменял мне вторую майку. (Старец хотел сказать, что его согревали калории, которые давал дополнительный сахар.) У меня была ещё смена тёплой одежды, потому что ночью в тех местах бывает очень холодно. У меня не было ни лампы, ни фонаря — только одна зажигалка, которой я подсвечивал путь ночью, идя по каменной тропе со ступеньками. Зажигалка была нужна также для того, чтобы иногда разжигать огонь. Чтобы нагреть чай или воду, я собирал хворост и сухие веточки. Ещё у меня было несколько запасных кремней и маленькая бутылочка с бензином для зажигалки. Больше ничего не было.

Как-то раз я посадил один куст помидоров, но потом меня начал мучить помысел и я его вырвал, чтобы не искушать бедуинов. Мне казалось непри-

личным, что у бедных бедуинов не было помидоров, а у меня — монаха — будут.

Днём я творил Иисусову молитву и занимался рукоделием. Молитва и рукоделие — это был мой устав. Ночью несколько часов я делал поклоны — не считая. Службу не вычитывал, заменял её молитвами по чёткам.

Чтобы меня не донимали любопытные, зелёной масляной краской я нарисовал на скалах черепа с костями — знак опасности. Как-то раз один немец-турист захотел подняться ко мне. Увидев черепа, он решил, что попал на минное поле, но, видимо, был в таких делах специалистом и, ступая очень осторожно, всё-таки добрался до моей кельи. Я наблюдал за ним сверху. Я дал ему подняться, потом зашёл в пещеру святого Галактиона и завалил вход в пещеру охапкой колючих веток. Он меня искал, но, не найдя, ушёл».

Старец чрезвычайно упростил свою жизнь и всеми своими силами, не отвлекаясь на что-то ещё, отдался подвижничеству. «Пустыня избавляет человека от страстей. Если ты отнесёшься к пустыне с почтением и подстроишь себя под неё, то она даст тебе прочувствовать своё утешение», — с ностальгией говорил Старец позже. Так в немногих словах он выражал свой опыт жизни в Синайской пустыне.

Старец любил посещать места, где жили подвижники. Он восхищался маленькими аскетическими пещерами. Где-то он находил сохранившийся колодец, в другом месте скала была почерневшей от огня, на котором изредка готовили себе пищу те, кто подвизались там раньше. Эти древние места аскетических подвигов вдохновляли и умиляли Старца. Он посетил также аскетирий святого Георгия Арселаита. Это было совершенно пустынное место, удобное для жизни отшельников. Великий пост Старец

провёл в аскетирии святого Стефана (о нём говорится в «Лествице»²), расположенном немного ниже Святой Вершины. Старец провёл Великий пост, не вкушая почти ничего. У него была с собой только маленькая жестяная баночка, в которой он приносил себе воду из колодца, располагавшегося чуть ниже, в аскетирии святого пророка Ильи.

У Старца было правило не надевать ботинок. Его пятки потрескались, и из них сочилась кровь. Ботинки он носил в своей монашеской сумке и обувался, только спускаясь в монастырь либо встречая кого-то на дороге.

Тот, кто бывал в пустыне, знает, насколько болезненно идти босиком по скалам или по песку. Днём песок и камни раскаляются так сильно, что бедуины, зарывая в раскалённый песок яйца, их варят. А когда приходит ночь, скалы настолько остывают, что, идя по ним, ступаешь, будто по льду.

В монастырь отец Паисий спускался каждое воскресенье, либо раз в пятнадцать дней. Он помогал читать и петь на службе, причащался. В монастыре у него была маленькая уединённая келейка в башне, где в прежние времена держали сосланных на Синай. Старец принимал участие в общих монастырских работах, плотничал и помогал братьям в обрезке масличных деревьев. Но, несмотря на свою помощь монастырю, он не обременял обитель ничем. Продукты, которые ему полагались, он раздавал остальным отцам. Он не брал себе даже ту скромную денежную сумму, на которую тогда имели право все насельники Синайского монастыря.

Некоторые из насельников монастыря советовались с ним и получали пользу от его опыта и рассуждений. У Старца был послушник — Евфимий

⁽²⁾ См. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Ук. изд. С. 83–84.

Склирис (впоследствии насельник монастыря Ставроникита на Святой Афонской Горе монах Афанасий), который, хотя и жил в монастыре, пользовался духовным руководством Старца Паисия.

Но и тогдашний Синайский архиепископ Порфирий — добрый и смиренный иерарх — благоговел перед Старцем и прислушивался к тому, что тот ему советовал делать для того, чтобы в монастыре возродилась монашеская жизнь.

Чудесное Божественное Причащение

Вначале, приехав на Синай, Старец решил подняться в аскетирий и прожить там две недели, не спускаясь в монастырь.

Он сообщил об этом отцам, попросив, чтобы его не беспокоили. Один из монахов, отец Софроний, спросил его: «Геронда, а ты выдержишь там, наверху?»

— Постараюсь. Буду просить Бога о том, чтобы выдержать.

Позже Старец рассказывал: «Что я пережил там, наверху, от диавола за эти пятнадцать дней, нельзя выразить. Это невозможно себе представить! Я чувствовал себя так, словно был пригвождён ко Кресту. Потом, на второе воскресенье, я спустился в монастырь, чтобы быть на Божественной Литургии. Причастившись, я особым образом почувствовал вкус Божественного Причащения. Это были Тело и Кровь Христовы».

Получив силы от этого знамения и глядя из монастыря на аскетирий, Старец сказал диаволу:

— Если хочешь, приходи, вот теперь повоюем.

Рукоделие и милостыни

Рукоделием Старца была резьба по дереву. Он рассказывал: «Я вырезал на дереве иконы, изображающие пророка Моисея, получающего скри-

пальбу от Господа».

жали с заповедями. Дерево для рукоделия я заготавливал сам. Возле ручья, если идти по направлению к келье Святых Бессребреников, росли нужные мне деревья — один из видов левкады — это дерево, похожее на серебристый тополь. Я пилил эти деревья, сушил древесину, делал дощечки и вырезал иконки. Часто, даже ночью, я приоткрывал дверь кельи и при свете луны, творя Иисусову молитву, шлифовал и подготавливал дерево к резьбе. Вместо инструментов у меня были только два маленьких ножичка. Я сделал их из ножниц фирмы «Зингер», которые привёз с собой из Греции. Я разобрал эти ножницы на две части, заточил их и покрыл зелёной масляной краской, чтобы они не отражали солнечные лучи и не слепили мне глаза. Вначале на одну икону у меня уходило три дня. Потом я заканчивал икону в одиннадцать часов.

Рукоделие я отдавал в монастырь для продажи. Эти иконки шли у паломников нарасхват. Деньги за иконы я отдавал знакомым таксистам из Каира и просил купить на них одежду, шапочки, печенье, продукты и тому подобное. Потом я набивал этими вещами рюкзак и выяснял, где были стоянки бедуинов. Я подходил к их палаткам, подзывал бедуинских детей, отводил их в сторонку и раздавал им эти благословения.

Как-то раз, когда я пришёл в палатку одного бедуинчика, которого звали Сулейман, он от благодарности поймал петуха и уже собирался его заколоть, чтобы угостить меня обедом. Он хотел таким образом отблагодарить меня за те вещи, которые я принёс в благословение. “Да оставь ты, Сулейман, этого петуха, — сказал я. — Оставь, съедим его в другой раз”. Ну как ещё я мог ему объяснить, что не ем мяса?»

От mnogой любви к людям — творениям Божиим — Старец ставил себя на последнее место, он выбивал-

ся из сил, чтобы им помочь. Именно поэтому он не поехал в паломничество в Иерусалим — чего так хотел — не желая, чтобы “бедуинчики” лишились его благословения. И эти простодушные люди, понимая великую любовь Старца, в которой не было никакой личной выгоды и корысти, любили его сверх меры. Каждый раз, когда к ним приходил их любимый «Абуна Паизи» (по-бедуински «отец Паисий»), они от радости устраивали настоящее торжество.

Когда бедуины с потрескавшимися, израненными ногами — ведь они ходили босиком — приходили в аскетирий Старца, он замазывал трещины на их ногах воском и давал им по паре сандалий. Другим он раздавал шапочки — чтобы солнце не пекло им голову — или другие вещи, которые у него были. Однако бедуинов стало приходить так много, что денег, которые Старец выручал от рукоделия, уже не хватало.

Тогда он оказался перед выбором: «Для чего я сюда пришёл: помогать бедуинам или молиться о всём мире?» Он решил поменьше заниматься рукоделием, надеясь, что Бог устроит всё наилучшим образом.

В тот самый день, когда Старец принял это решение, его посетил один грек-врач, живший за границей. Старец заговорил с ним так, словно знал его многие годы: «Заходи. Я тебя ждал». Старец просидел с ним несколько часов, беседуя с любовью. Дал ему несколько добрых советов и, кроме того, открыл некоторые вещи из его жизни, о которых никто не знал.

Тогда, находясь под впечатлением от дарования Старца, врач дал ему сто золотых монет со словами: «Возьми эти деньги, чтобы помогать бедуинам, не нарушать распорядка своего дня и не оставлять молитвы».

«Я не мог удержаться от слёз, — рассказывал впоследствии Старец. — Я оставил его во дворе, зашёл в келью, потому что не мог сдержать слёз оттого, что Бог столь быстро дал мне ответ. Промысл и любовь Божия привели меня в такое состояние, что я рассыпался в прах».

Потом Старец проводил врача до монастыря по короткой тропинке, потому что уже наступила ночь.

Деньгами, выручаемыми от рукоделия, Старец также помогал одному не имевшему родителей юноше, который учился на богословском факультете в Греции.

**«И бе в пустыни
искушаемь...»**

Однажды, сидя на скале, на краю глубокой пропасти, Старец занимался рукоделием, творя Иисусову молитву. Внезапно ему явился диавол и сказал: «Прыгай вниз, Паисий. Обещаю, что ты останешься цел и невредим». Старец невозмутимо продолжал творить молитву и заниматься рукоделием. Он оставил диавола без внимания. Но лукавый подзадоривал его броситься в пропасть, повторяя своё «обещание». Эти «уговоры» не прекращались около полутора часов.

Наконец, Старец взял в руки камень и швырнул его в пропасть, говоря диаволу: «Ну ладно, так уж и быть, я успокою твой помысел». Диавол, потерпев неудачу сбросить Старца в пропасть, сказал ему, якобы с восхищением: «Вот это да, такого ответа мне не дал даже Христос! Ты ответил лучше». — «Христос — это Бог, — сказал Старец. — Он не такой, как я, клоун. *Иди́ за мно́ю, сатана́*».

Так, имея в себе Божественную Благодать, Старец избежал первого искушения — броситься в пропасть и разбиться о скалы. Кроме этого, он избежал и более глубокой пропасти — гордыни — не приняв

дьявольской похвалы, которая побуждала его возомнить себя выше Христа.

* * *

У себя в аскетирии Старец имел старый будильник, который надо было покачать, для того чтобы он ходил. Однажды, когда Старец по привычке раскачивал будильник, желая дать ему ход, лукавый стал внушать ему следующие помыслы: «Если бы ты был женат, то сейчас укачивал так своего малыша». О таких вещах Старец не думал никогда в жизни — даже будучи мирянином. Его реакция была молниеносной. Без задержки, он со всей силы запустил будильником в скалу напротив, находившуюся метрах в трёх от него. Будильник должен был разлететься на мелкие кусочки, но, не долетев до скалы сантиметров десять, он вдруг резко остановился, медленно опустился вниз, ровно встал и затикал: тик-так, тик-так... «Ах ты, диавол!» — воскликнул Старец, видя в этом бесовскую энергию. Он взял камень и прихлопнул будильник сверху.

Самым замечательным в этом событии была немедленная реакция пустытника на дьявольское искушение. Он ничуть не замедлил в приражении помысла, не стал с ним беседовать, не стал ему отвечать, но воспротивился молниеносно.

* * *

Старец рассказывал и следующее: «Однажды ночью я спускался по тропинке, на которой были ступеньки. Моя зажигалка барахлила. Я щёлкал ей, стараясь разглядеть, куда мне ступать. Вдруг я вижу перед собой руку, держащую светильник, который освещал и тропинку и всю местность вокруг.

Я тут же закрыл глаза, отвернулся от этого света и сказал диаволу: «Не нужен мне твой свет»». Старец сказал так, потому что знал: тот, кто даёт ему такой ложный свет, — это диавол.

Друзья пустынника

«Живя на Синае, — рассказывал Старец, — я дружил с двумя куропатками. Это время было для меня временем расстройств и огорчений. Птицы прилетали посидеть со мной за компанию и меня утешить. Куда бы я ни шёл, они — слыша мои шаги — прилетали и садились рядом. Когда я вырезал иконки, они усаживались мне на плечи. Однажды целую неделю я болел и не выходил из кельи. Выздоровев, я по обыкновению поднялся на вершину холма и стал звать птиц, чтобы их покормить. Птицы не появились. Я оставил им корм и ушёл. На следующий день, когда я поднимался на вершину холма, птицы вылетели навстречу и стали летать вокруг меня, радостно хлопая крыльями. Корм они оставили нетронутым. Но, увидев меня, они его съели.

Дикие животные — это очень любочестные создания. У диких животных я нашёл больше любочестия, чем у многих людей. Лучше дружить с животными, чем с людьми мира сего. Если — после Бога — ты хочешь иметь истинного друга, то подружись со Святыми. Если же у тебя нет друзей Святых, то дружи с дикими животными».

* * *

Также Старец рассказывал: «Однажды я сварил в консервной банке немного рисовой каши. На следующий день, очищая банку, я бросал засохшие кусочки риса мышам. После этого каждый раз, когда я вырезал иконы и из-под резца вылетали стружки,

мышки, видя падающие кусочки дерева и принимая их за рис, собирались вокруг меня. Если мы живём правильной жизнью, то рядом с нами умиротворяются даже дикие животные».

Бесстрастие святых Иоакима и Анны

Будучи на Синае, Старец пережил в Святом Духе сверхъестественное

событие: ему было дано постигнуть целомудренную и освящённую связь святых богоотцов Иоакима и Анны, от которых была зачата и рождена Пресвятая Богородица. Старец был извещён, что «святые Иоаким и Анна были совершенно духовными людьми, без всякого мирского мудрования. Такой бесстрастнейшей супружеской пары, как они, никогда не было. Сначала наедине они помолились со слезами Богу о том, чтобы он даровал им дитя, а потом сошлись как муж и жена — по послушанию Богу, а не по плотской похоти. Поскольку зачатие Пресвятой Богородицы было без наслаждения, Она была Всечистой. Конечно, Она не была освобождена от первородного греха, как прельщённо думают паписты, потому что Она была зачата естественным образом, то есть не бессеменно. Но Её зачатие произошло совершенно бесстрастно, именно таким образом, как Бог хотел, чтобы рождались люди».

В другой раз в беседе Старец снова говорил об этих истинах и подчёркивал их значение. Видя, что один из собеседников ему не доверяет, Старец приподнялся и решительно сказал: «Я пережил это событие!» Он хотел ясно дать понять, что то, о чём он говорил, — не просто его собственные благоговейные помыслы, но — Божественное Откровение.

***В келье Святых
сорока Мучеников***

Во время Святой Пятидесятницы Старец вместе с другими отцами пошёл служить

Литургию в келью Святых сорока Мучеников. С собой они взяли много красных пасхальных яиц. После Божественной Литургии к келье подошли бедуины, и монахи стали раздавать им пасхальные яйца. Яиц было сорок и бедуинов, которые пришли к келье сорока Мучеников, тоже оказалось ровно сорок.

***Кончина матери
Старца***

Однажды Старец почувствовал особое тёплое чувство, необъяснимое утеше-

ние и очень сильную любовь к Пресвятой Богородице. Он удивился, не зная, что это значит и почему его посетило такое утешение, — и записал дату этого события³. Позже он узнал, что в тот самый день скончалась его мать, которую он любил чрезвычайно, но оставил ради любви ко Христу и к Пресвятой Богородице. Этим утешением Матерь Божия словно говорила Старцу: «Не расстраивайся, твоя Мать — это Я». Божия Матерь, если можно так выразиться, усыновила Старца с того времени, как он стал монахом. Кроме этого, Старец удостоился неоднократно видеть Пресвятую Богородицу, беседовать с Ней и даже принимать пищу из Её Пречистых рук.

***Имя
Казандзакиса***

Старец и два других Синайских отца поднялись на вершину святой Екатерины, чтобы отслу-

жить там Божественную Литургию. После Литургии отцы начали спускаться вниз, а Старец подошёл к скале, на которой когда-то написал своё имя бо-

⁽³⁾ Это было 6 октября 1963 года.

гохульный писатель Казандзакис⁴. Зубилом Старец сбил с камня имя этого известного безбожника. Он считал неприличным, чтобы паломники видели на святой вершине Синайской Горы имя этого богохульника — *«сквэрну безбóжия на мёсте святе»*⁵.

Один из спускавшихся отцов — родом с Крита — услышав, как Старец бьёт зубилом по скале, подумал, что он поправляет камни на тропе и стал его торопить: «Эй, отец Паисий! Оставь ты эту тропинку! Пойдём вниз». Старец с улыбкой ответил ему: «Что могу — то делаю, батюшка...»

Испытывая отвращение к Казандзакису из-за его безбожия и богохульств, Старец не желал ни видеть, ни слышать его имени.

**Недопущение до
Причастия
и Божественное
утешение**

В один из воскресных дней Старец увидел из своей кельи, как на Святую Вершину поднимаются паломники. Заметив среди них священ-

ников и поняв, что будет служить Божественная литургия, Старец пошёл вслед за ними. На вершине он поисповедовался священнику в том, что накануне, то есть в субботу, он «не постился» — а именно, добавил себе в пищу ложку растительного масла, не зная о том, что на вершине будут служить Литургию. Притом, что всю предшествовавшую неделю Старец провёл в сухоядении и масла не вкушал, священник не разрешил ему причащаться. Старец смиренно послушался и не стал подходить к Святой

⁽⁴⁾ Казандзакис Никос (1885–1957) — известный греческий богохульный и антихристианский писатель, автор богохульнейшего романа «Последнее искушение» (известного многим по фильму М. Скорцезе) и других книг, хулящих Христа, Церковь и святыни христианской веры. — *Прим. пер.*

⁽⁵⁾ Ср.: Мф. 24, 15.

Чаше, однако почувствовал такое утешение и Благодарить, словно причастился.

**Невидимая брань и
невыразимые состояния**

В письме с Синая от 1 марта 1964 года Старец пишет: «Бес час-

то тревожит меня, несмотря на то что я довёл свою плоть до изнеможения. Благодарю Матерь Божию за то, что Она не гнушается мной, но всегда мне помогает. Всеблагий Бог попускает искушения для того, чтобы мы подъяли подвиг — после которого будем увенчаны неувядаемым победным венцом. Несколько дней назад в исихастирии диавол сильно волновал меня. Эта брань продолжалась почти неделю, как раз в то время, когда я готовился причаститься на Божественной Литургии, которая должна была совершаться на Святой Вершине. Благодарю Благого Бога за то, что Он меня сохранил — брань была такой сильной... После этой борьбы Благий Бог — поскольку Он меня уберёт — удостоил меня причаститься на Святой Вершине. Весь тот день после Причастия я испытывал такую радость, что не могу описать. Я рассыпался в прах от великой любви Божией и чувствовал Его присутствие близ себя. Поэтому враг диавол и вёл против меня такую напряжённую брань — желая лишить меня этого духовного радования, которое дало мне силы на долгое время...»

Синайский подвижник жил уже жизнью бесплотных Ангелов. «*Едѣн, в себѣ в безмѣлви глаголя Бѣгу... непрестанными же молитвами и ко Бѣгу близостию*»⁶. Он был пленён Божественным речением. Его молитва была непрестанной — как и его дыхание, она не прерывалась даже во сне. Как младенец материнским молоком, он питался Божест-

⁽⁶⁾ См. Житие преподобного Саввы Освященного. Цит. по: Βίος Ὁσίου Σάββα Ἠγιασμένου. ΕΠΕ. Φιλοκαλία. Τ. Ε΄. Σ. 236 (κεφ. 1στ΄).

венной Благодатью, он на опыте отчётливо переживал присутствие Божие, а также те великие события, которые произошли на Синае в эпоху Пророка Моисея. Позже он в таких словах описывал пещеру пророка: «Вся гора, скалы стали мягкими, как тесто — *“схождёния ра́ди Бо́жия на ню во огни́”*⁷. Поэтому в пещере и остались отпечатки от спины пророка Моисея».

Как сказано выше, комментируя чудесное Божественное посещение, которого он удостоился в Эсфигмене, Старец говорил: «На Синае я переживал более высокие состояния, но другим образом».

Не желая открывать, что именно он пережил там, на горе Боговидения, Старец ограничился лишь намёком. Несомненно, синайские события были чем-то подобны эсфигменским, но проявились в большей степени, поэтому Старец и связывал их между собой.

Вероятнее всего, это не было какое-то видение или чудо. Это были часто переживаемые на опыте особые состояния, во время которых Старец получал бóльшую Благодать, и всё его духовное состояние делалось более духовным. «Я чувствую, как во мне — подобно нежной заре — забрезжило что-то качественно иное», — писал он тогда.

Всеми этими событиями, многие из которых нам ещё неизвестны, Божественная Благодать таинственно готовила Старца к его предстоящему служению.

Прощание со сладкой пустыней

Живя такой жизнью, Старец радовался, наконец-то обретя то, что искал столько лет. Однако состояние его здоровья становилось всё хуже и хуже. Он мучился головными болями,

⁽⁷⁾ Исх. 19, 18.

причина которых была в нехватке кислорода, поскольку его келья находилась очень высоко. Бог питал Старца небесной манной — утешал его Своей Благодатью, и вначале он не придавал значения симптомам болезни. Однако со временем состояние его здоровья всё ухудшалось. В письме от 1 марта 1964 года Старец написал: «Однако вижу, что Бог спускает меня всё ниже и ниже. Сейчас, уже целую неделю я нахожусь в монастыре, потому что у меня открылась астма. Исихастирий святых Галактиона и Епистимии расположен на высоте 2000 метров, и поэтому там я страшно мучился. Несмотря на то что я принуждал себя остаться там, наверху, это оказалось невозможным: у меня останавливалось дыхание. Здесь, в монастыре, по крайней мере, метров на четыреста ниже. Если же буду мучиться и здесь, то придётся вернуться в Элладу... Однако, оставляю всё на волю Божию, и пусть Сам Он — Благий по естеству — сделает то, что полезно моей душе. Пока же я ещё не принял решения».

В конце концов, видя, что состояние его здоровья ухудшается, Старец принял решение покинуть сладкую Синайскую пустыню. Это решение далось ему с печалью. Он желал остаться на Синае навсегда, чтобы «*молíтися Бóгу в горé сей*»⁸. Он полюбил Синай, потому что жил там истинной пустынножизнью. До конца своих дней Старец с чувством родства вспоминал о Синае. Он заботился, чтобы в Синайский монастырь шли новые монахи и эта обитель духовно сияла.

Возвращаясь на Святую Гору, в одном из афинских храмов он встретился с профессором богословского факультета Панагиотисом Брациотисом. Удивлённый тем, что синайский подвижник, не-

⁽⁸⁾ Ср.: Исх. 3, 12.

смотря на болезнь, всю службу простоял на ногах, профессор подошёл к нему и спросил: «Ты что, даже сейчас не хочешь немного присесть?»

Находясь в Афинах, Старец *«вѣде беззакѡние и пререкáние во гра́де»*⁹. Дьявол предпринял очередную попытку искусить Старца — на этот раз он не предстал перед ним воочию, как на Синае, но использовал одного из своих слуг. Разыскивая адрес своих знакомых, отец Паисий обратился за помощью к человеку, который привёл его в какой-то дом, открыл дверь, завёл внутрь, и отец Паисий понял, что оказался... в беззаконном доме разврата! Вначале он растерялся, но потом, призвав Бога на помощь, толкнул дверь и убежал, *«áки сѣрна от тенѣт и я́ко птѣ́ца от сѣти»*¹⁰.

⁽⁹⁾ Ср.: Пс. 54, 10.

⁽¹⁰⁾ Притч. 6, 5.

глава деѣтая

В ИВЕРСКОМ СКИТУ

верский скит. Слева – калива святых Архангелов, справа – каливка Старца Паисия. Слева внизу – вторая калива Старца.

Безмолвие или братство?

Возвратившись на Святую Афонскую Гору, Старец хотел поселиться в освящённой пустыне Капсалы — безмолвной и подвижнической местности неподалёку от Кариеса.

Но, не найдя на Капсале пригодной кельи, он — за послушание одному старцу — поселился в Иверском скиту — в каливе святых Архангелов (в омологии¹ записана дата 12 мая 1964 г.) В письме от 24 июля 1964 года сам Старец пишет о своей жизни следующее: «Благодатью Божией я взял каливу в пустынном Иверском скиту. Здесь есть всё необходимое для безмолвнической жизни. Из пятнадцати калив скита заселены только семь. По субботам и воскресеньям мы собираемся в скитский соборный храм только на Литургию — остальные службы совершаем сами у себя в каливах. В моей каливе церквушка посвящена святым Архангелам. При каливе — небольшой участок с несколькими маслич-

⁽¹⁾ Документ, подтверждающий и регламентирующий права монаха на жизнь в афонской келье. Выдаётся монастырём, на территории которого келья расположена. Под “кельей” в этом и подобных случаях имеется в виду небольшое отдельно стоящее здание, часто с храмом, где обычно живут от одного до пяти монахов. В настоящем издании слова “келья” и “калива” за незначительностью различий между ними употребляются как синонимы. — *Прим. пер.*

ными деревьями, огородик с колодцем и тому подобное. Конечно, я занимаюсь кое-каким ремонтом, потому что дом старый. Вижу, что дело идёт к тому, что у меня появится небольшое братство. По правде сказать, меня это весьма огорчает, ведь я привык жить один и вижу по себе, что один мог бы больше преуспеть. Я немало просил Господа о том, чтобы остаться одному, но вижу, что Его воля в том, чтобы у меня было братство. Я ходил к моему духовнику, русскому подвижнику батюшке Тихону, и он сказал, что я должен принимать тех, кто захочет жить вместе со мной. Единственное, что он мне благословил, — это построить чуть подальше крохотную келью, чтобы иметь и немного безмолвия.

Я начал ремонт в келье, потому что, возможно, скоро приедут наши друзья, и я, как могу, должен буду оказывать им снисходительность. Мне не хватает самых необходимых вещей. Дом надо ремонтировать, необходимые вещи надо покупать и так далее — пока мы не начнём заниматься каким-то рукоделием. Три месяца я постоянно работал, и, слава Богу, многое удалось привести в порядок. За год надо развязаться со всеми этими ремонтами и делами, чтобы начать основное дело — молитву и духовное чтение, а уже после — как второстепенное занятие — какое-то небольшое рукодельице. Таким образом, у нас будет беспопечительность, которая станет увлекать братьев к Небу.

Масла нам хватит с оливковых деревьев — и для церковки тоже. Огород будет давать все свежие овощи, а на зиму — картошку и фасоль. Из поздних овощей будем сажать капусту и тому подобное. На участке есть и другие деревья. Виноградных лоз тоже достаточно. Когда братья занимаются небольшим рукодельицем для того, чтобы отвлечься, “переклеститься”, а не для того, чтобы уходить в руко-

делье с головой, — то они смогут найти **сначала** себя, а потом — Бога. Благий Бог, Который помогает и добрым и злым, поможет нам как Добрый Отец. Я верю в это. И Он поможет намного больше, если Его воля в том, чтобы что-то совершилось во славу Его.

Я думаю со временем устроить небольшие каливки для братии — в ста метрах одна от другой, чтобы у всех членов братства была возможность жить и вместе, и по отдельности. Ведь испытав все виды монашеской жизни, я понял, что в безмолвии монах очищается».

Различные стороны скитской жизни

Среди немногих насельников скита выделялся отец Пахомий² — из братства иеромонаха Нила. Он мог брать змей и скорпионов голыми руками. Отец Паисий рассказывал и многое другое о простоте и добродетелях отца Пахомия, о его совершенном послушании своему старцу. Старец Паисий любил отца Пахомия и часто посылал ему что-то в благословение.

Вокруг отца Паисия стали собираться молодые монахи, среди которых были иеромонахи Василий и Григорий. Впоследствии они возродили монашескую жизнь в обители Ставроникита, игуменом которой стал отец Василий. На время — пока два иеромонаха приводили в порядок свою келью — Старец отдал им келью святых Архангелов, а сам переселился в крохотную «хижинку», которую построил в некотором отдалении из каштановых досок.

Каждую ночь Старец совершал бдение с бесчисленными поклонами и множеством молитв по чёткам. Молитва была его главным делом. Он старался, чтобы его связь с Богом посредством умного делания

⁽²⁾ См. *Старец Паисий*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 41–43.

не прерывалась никогда. Несмотря на расшатанное здоровье, он принуждал себя к подвигу, постясь до изнеможения. И когда «аккумуляторы разряжались» и он «доходил до “аминь”»³, то — непостижимым образом — он вновь восстанавливал силы и продолжал подвиги.

Спускаясь к пристани, он шёл босиком, как делал это на Синае. Башмаки он нёс в своей монашеской торбе и надевал их, если видел вдалеке человека.

Будучи резчиком-самоучкой, Старец вырезал красивейшие наперсные и водосвятные кресты. Продавая их, он получал средства, чтобы жить самому и помогать нуждающимся.

Живя в скиту, он с готовностью помогал братии и, если кто-то просил о помощи, с радостью спешил, желая облегчить тяготы каждого.

Также он принял послушание дикеоса⁴ скита. Закончив уборку в соборном храме, Старец, не желая терять безмолвия, оставлял для посетителей записку с просьбой, как только они придут, звонить в колокольчик. Безмолвствуя в своей каливке, он слышал звон колокольчика и спускался вниз — чтобы позаботиться о паломниках и телесно, и духовно.

В это время произошла встреча Старца с одним необыкновенным паломником — докером из Пирейского порта, который своей молитвой воскресил тестя-богохульника, чтобы тот покаялся⁵.

Старец рассказывал и о следующем случае: «Как-то раз в скит пришёл священник. Увидев его, я не получил внутреннего извещения о том, что этот

⁽³⁾ Выражения самого Старца.

⁽⁴⁾ Ежегодно избираемый насельник скита, которому поручаются ключи от соборного храма и заведование общими скитскими делами.

⁽⁵⁾ См. *Старец Паисий Святогорец*. Слова. Т. IV. М., 2004. С. 193–194.

человек облечён Благодатью Священства. Беседуя с ним, я понял, что он католик, и строго сказал ему: “Надень католический капюшон и в таком виде ходи по монастырям”.

Как я узнал впоследствии, этот человек по имени Бонифаций был католическим священником. Чтобы обманывать православных, он менял облачения в соответствии с тем, к кому приходил: с греками одевался как греческий монах, с русским духовенством — как русский батюшка».

Длинные волосы, борода и ряса Старца не обманули. Божественная Благодать изнутри извещала его о том, что пришедший, несмотря на свою священническую одежду, Благодати Священства не имел. *«Не трéбоваше да кто свидéтельствуе⁶т о челове́цах: сам бо ве́дяше что бе в челове́це»*⁶.

Помощь душе усопшего

Старец рассказывал: «Как только я поселился в Иверском скиту, об этом узнал мой старый знакомый — дядюшка Афанасий — лесной сторож из Филофеевского монастыря. Он пришёл меня навестить и принёс в благословение некоторые вещи и продукты, потому что тогда, в начале скитской жизни, у меня не было самого необходимого.

Я поблагодарил его и предложил написать имена своих усопших сродников, чтобы я их поминал. Однако он, находясь под влиянием какого-то иеговиста, стал говорить: “Если человек умрёт, то всё: после смерти никакой жизни нет”.

Вскоре скончался и он сам. Узнав об этом, я сходил в Филофей на его могилу. Каждый день я совершал сердечную молитву о том, чтобы Бог упокоил его душу.

⁽⁶⁾ Ин. 2, 25.

Через двадцать дней после кончины дядюшки Афанасия, меня разыскал один эпитроп из монастыря Филофей и стал взволнованно рассказывать: “Отче, мне явился покойный Афанасий и стал укорять меня за то, что я его забыл и никак ему не помогаю. Он сказал, что только ты помогаешь ему своей молитвой. А я ведь действительно его не поминал. Меня сделали членом Духовного Собора и поручили канцелярские дела. Работы навалилось очень много, и — что делать? — я оставил даже своё монашеское правило”.

— Что, — говорю, — делать: теперь молись на своём правиле немного побольше».

Этот случай укрепил Старца, и он стал ещё с большей силой молиться о душах всех усопших.

Вмешательство Честного Предтечи

Старец рассказывал: «Возле Иверского скита есть овраг. Когда я видел его, то испытывал Божественное рачение: моё сердце трепетало от желания поселиться там ради большего безмолвия и молитвы. Когда я подошёл к одному из соборных старцев Иверского монастыря за благословением построить в овраге небольшую каливку, он поднял крик: “Да что вы там вообще вытворяете? Строите из себя подвижников!..” Но вот ночью этому соборному старцу является покровитель Иверского скита — Честной Предтеча и начинает его бить. В ужасе тот проснулся и побежал в храм, где в это время шла служба. Он стал настойчиво просить у отцов, чтобы они прервали службу и собрали Духовный Собор, желая рассказать им, что с ним произошло, потому что он не мог успокоиться. “Службу прерывать нельзя, — ответили отцы. — Потерпи, пока не закончим”. Потом собралась братия, и он рассказал, что с ним произошло. После этого случая

соборный старец не только дал мне благословение на постройку каливки, но ещё и прислал мулов, нагруженных разными материалами для постройки. В этом овраге была такая сырость, что с гвоздей капала вода. Поэтому отцы и ушли из этого места. Живя там, я кашлял кровью, а это привело к тому, что я оставил в туберкулёзном диспансере два ребра. Я очень устал от того, что носил стройматериалы для каливки⁷. Однако я переживал радость. Эта радость, конечно, была духовной, но — не всецело духовной. Небесная радость есть нечто иное. Она есть энергия Божественной Благодати».

Дьявольская злоба Как-то раз, собирая милостыню, в скит зашёл бедняк с «пандахусой»⁸. Старец отдал несчастному все свои деньги — по тем временам значительную сумму. Даже монастыри не давали беднякам столько, сколько дал он. Дьявол, будучи не в силах видеть человека во плоти «*а́ки безплóтнаго*», пришёл в ярость и швырнул в каливу Старца большим камнем, который пробил крышу и застрял в потолке — прямо над его головой.

Постриг в великую схиму С батюшкой Тихоном отец Паисий познакомился, ещё живя в Эсфигмене. Сейчас, подвизаясь в Иверском скиту, он избрал отца Тихона своим Старцем, регулярно приходил к нему в келью, чтобы видеть его и советоваться с ним. «Когда

⁽⁷⁾ Эта каливка сохранилась до сих пор: возле старого соборного храма Иверского скита, в нескольких метрах от источника основателя скита — святого преподобномученика Иакова.

⁽⁸⁾ Письменное разрешение Священного Кинота Святой Горы на сбор милостыни в афонских монастырях, скитах и кельях.

ты примешь великую схиму?» — часто спрашивал его отец Тихон. «Когда на это будет благословение, Геронда, — отвечал отец Паисий. — Меня этот вопрос не беспокоит».

Подвизаясь в монашестве уже много лет, отец Паисий ещё не был пострижен в великую схиму. В первую очередь, он старался по-монашески жить, чтобы не просто формально принять великую схиму, но сподобиться и схимнической благодати. Большее значение он придавал тому, чтобы облечься в схиму изнутри, то есть стать монахом по внутреннему человеку. Поэтому, как он сам говорил впоследствии, вопрос о том, когда произойдёт постриг в схиму, его совсем не занимал. «Даже если бы меня и в рясофор не постригли, я бы не волновался — рассказывал он. — Меня занимало то, чтобы по-монашески жить. Если душа не будет возделана, не будет внутренне вооружена, то схема — несмотря на то что она есть оружие — такой душе не поможет. Ведь даже малейшее преслушание после принятия схимы влечёт большую ответственность. [Великосхимнику] необходимо иметь великую бескомпромиссность. Мы должны подвизаться ради того, чтобы сохранить обеты. Хорошо будет, если монах ещё до принятия великой схимы начнёт стараться в подвиге соблюдать схимнические обеты».

Отец Паисий никогда сам не заводил разговора о постриге в великую схиму, по смирению считая себя недостойным и желая во всём безукоризненно соблюдать монашеские обеты.

Однако теперь, после побуждений своего Старца, он согласился стать великосхимником. 11 января 1966 года в Ставроникитской келие Честного Креста от честных рук батюшки Тихона отец Паисий принял великий и ангельский образ.

Пища от Ангела

Старец рассказывал: «Шёл Успенский пост, и я несколько дней ничего не ел. Вдобавок меня попросили отвести на побережье одного больного монаха. Я отвёл его к морю и почувствовал ужасную слабость. На обратном пути недалеко от моей кельи передо мной возник некто, вручивший мне корзиночку с фруктами, виноградом и смоквами. Это был Ангел. Отдав мне пищу, он тут же исчез».

Операция на лёгких

Ещё когда отец Паисий был молодым монахом, его беспокоили заболевания дыхательных путей. В Эсфигмене — когда он кашлял кровью и мучился от внутренних кровотечений — его положили в монастырскую больницу. С тех пор он страдал от этих немощей до самой кончины.

Живя в Филофее, он был вынужден выехать в мир на лечение. Впоследствии та же болезнь лёгких, ослабевших ещё более от недостатка кислорода, вынудила его оставить Синай.

Старец и сам не знал, что это за болезнь. Врачи ошибочно диагностировали туберкулёз. За послушание врачам он дал сделать себе сотни бессмысленных уколов стрептомицина. От уколов его мышцы стали твёрдыми, как камень, — до такой степени, что однажды, когда ему делали инъекцию, игла шприца согнулась, но Старец даже виду не показал, что ему больно.

Правильный диагноз — бронхоэктаз — первым поставил благоговейный врач по фамилии Дайкос. «Спаси, Господи, Дайкоса», — говорил Старец.

Однако болезнь становилась всё сильнее. Поэтому Старец был вынужден выехать на обследование, которое показало, что необходимо хирургическое вмешательство. Операция была сделана

в Центре лёгочных заболеваний Северной Греции. Старцу удалили почти всё левое лёгкое и два ребра. В письме из больницы от 10 декабря 1966 года Старец рассказывает: «Операция была серьёзной. Мне удалили долю левого и небольшую часть правого лёгкого. В удалённой части было очень много воспалительных очагов (бронхоэктаз). Операция длилась около десяти часов. Во время операции у меня не останавливалось кровотечение. Понадобилось четыре литра крови... Когда через девять дней после операции мне вынули отводные трубки, я стал задыхаться, и поэтому меня снова на два часа отвезли в операционную и опять установили эти трубки — больше чем на двадцать дней. Операция дала осложнение и на глаза. Тогда как правый глаз глядит очень живо, левый — с той стороны, где удалено лёгкое, — прищурился и глядит смиренно. Но это меня не беспокоит — ведь есть люди, которые родились совсем слепыми.

Правда и то, что я теперь мучаюсь, но, знаете, даже если у человека и нет никакой болезни, ему стоило бы потратить свои деньги на то, чтобы пережить такое небольшое мучение. Я говорю так, потому что эта болезнь принесла мне большую пользу.

Раньше, читая в Священном Писании о Страстях Господних, я воспринимал это просто как исторический факт. И о мучениях Святых — также. Отныне же я буду им сопереживать, потому что и самому мне довелось пережить небольшую боль. Вот уже двадцать пять дней, как я не могу прийти в себя от страданий».

Как сообщает выписка из истории болезни Старца, он «находился на стационарном лечении в Центре лёгочных заболеваний Северной Греции с 4 августа до 15 декабря 1966 года, с диагнозом “бронхоэктаз нижней доли левого лёгкого”. После операции

выписан в удовлетворительном состоянии». В больнице, Старец оказывал послушание врачам и ел мясо.

Во время болезни Старца (10 августа 1966 н. ст.) скончался его отец. Узнав об этом, Старец сразу же открыл Часослов и стал читать о его упокоевании Сто восемнадцатый псалом. Когда он закончил чтение, один из больных сказал ему, что он тоже только что получил известие о кончине одного из своих родственников. Старец прочитал тот же псалом ещё раз.

Основание исихастирия

Находясь в больнице, Старец познакомился и духовно сблизился с несколькими благоговейными и монахолюбивыми девушками, которые навещали его и дали кровь, необходимую во время операции. Старец, по долгу благодарности, впоследствии духовно помогал им всем, чем мог. Он говорил, что свой долг по отношению к ним он ощущал, как бы «кожей», так сильно, как ощущают желание снять власяницу, надетую на голое тело, — так образно Старец передавал своё сильное желание воздать добром за сделанное ему добро. Старец помог этим девушкам найти подходящее место для монашеской жизни. Так и был основан известный исихастирий⁹ святого Иоанна Богослова в Суроти, недалеко от Салоник. Впоследствии, до самой кончины, Старец духовно руководил сёстрами исихастирия, там же, после кончины, он оставил и своё многострадальное тело. Приняв от сестёр кровь, он дал им дух — то есть оказал духовную помощь.

⁽⁹⁾ В данном случае: монастырь, расположенный на частной земле и пользующийся почти полной независимостью от епархиального архиерея. — *Прим. пер.*

Возвратившись из больницы в скит, Старец продолжил свой любочестный подвиг. Братьев в скиту стало больше. Скитская жизнь с общими обязанностями и попечениями усилила его желание большего безмолвия. Но уходить из Иверского скита было необходимо главным образом потому, что после операции надо было обязательно сменить климат и жить в сухом месте. Старец отца Паисия, батюшка Тихон, посоветовал ему перейти на Катунаки. «Надо оказать послушание Старцу», — сказал отец Паисий и, взяв 11 июля 1967 года отпускной билет, удалился на Катунаки.

глава десятая

НА ПУСТЫННЫХ
КАТУНАКАХ

Ипатьевская келья на Катунаках в 60–70-е годы XX века.

В бедной Ипатьевской каливе

так, взыскупя возлюбленное безмолвие, а также по причине расшатанного здоровья, отец Паисий перешёл на Катунаки и поселился в Ипатьевской каливе, в местности, называемой Влахика, над кельей Данилеев.

В письме от 18 сентября 1967 года он писал: «Слава Богу, я чувствую себя очень хорошо. Одышка меня не беспокоит, ведь я могу открывать окно и днём и ночью — потому что здесь нет сырости. Соседей у меня тоже нет».

Калива, где поселился Старец, была бедной хижинкой без храма — с небольшим колодцем и тремя каменными террасами на прилегающем участке. В нескольких метрах от главной каливы была ещё одна — совсем маленькая, обитая жестью. Эта вторая каливка имела особое благословение, потому что в своё время в ней подвизался Старец Ефрем по прозвищу «Окаянный»¹. Отец Паисий часто приходил туда молиться и чувствовал благодатную намоленность этого места. В ста метрах выше была пещера — в древности она служила прибежищем

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий*. Отцы-святоторцы и святоторские истории. Ук. изд. С. 93–95.

разбойникам, — в которой также подвизался Старец Ефрем.

Жизнь на Катунаках была безмолвной, беспечительной и очень бедной. Старец занимался рукоделием — вырезал на кипарисовых дощечках Распятия с предстоящими Божией Матерью и святым Иоанном Богословом. Немногие из этих иконок он продавал, чтобы иметь какие-то средства на пропитание, но по большей части раздавал их в благословение. Также он раздавал в благословение пресованные иконки, которые тоже делал сам. В это время он извлёк из могилы останки своего предшественника, румынского монаха Старца Ипатия.

Когда Старец помогал отцам Данилеевской кельи во время их престольного праздника, среди других помогавших был один монах из Кавсокаливитского скита. На него произвёл большое впечатление неизвестный ему монах (это был отец Паисий), который ловко и расторопно помогал отцам, справляясь с работой за двоих или даже за троих. Он трудился молча, творя молитву, совсем не присаживаясь отдохнуть.

Однажды, плывя на кораблике из Дафни в Катунаки, Старец Паисий подошёл к монаху, которого видел впервые, со смирением поклонился и обратился к нему по имени. Это был великий карульский подвижник Старец Гавриил, который, в свою очередь, рад был познакомиться с отцом Паисием, так как уже слышал про аскета, живущего в местности Влахика. Два подвижника отошли в сторонку и с искренней любовью и задушевностью духовно беседовали. Позже отец Паисий рассказывал: «Старец Гавриил был настоящий подвижник, но у Старца Петра (Петракиса)² было что-то особен-

⁽²⁾ См. *Старец Паисий*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 65–75.

ное. Он отличался какой-то духовной нежностью». Живя на Катунаках, Старец Паисий познакомился и с другими отцами, пришедшими в высокую духовную меру.

**Подарки
подвижнику**

Больным и стареньким монахам отец Паисий разносил «благословения» — одежду и продукты.

Один пожилой монах повесил на двери своей калитвы записку: «Не беспокойте меня. Я стар и немощен». Он не хотел ни от кого ничего принимать. Однако отцу Паисию удавалось убедить его принимать от него благословения следующими словами: «Бери, Геронда, бери. Ведь ты и немощен, и стар».

Однажды отец Паисий посетил катунакского монаха Старца Савву и оставил ему кое-какие благословения. Уходя, он спросил Старца, в чём тот нуждается. Старец Савва ответил, что у него нет маек. Возвращаясь в свою калиту, отец Паисий встретил паломника, который шёл к нему и нёс в подарок свёрток. Развернув свёрток, отец Паисий поразился Промыслу Божию. В свёртке были майки, которые отец Паисий тут же, вернувшись, отдал Старцу Савве.

Бесноватый

«Однажды, — рассказывал Старец, — поднимаясь в калиту основательно нагруженный разными вещами, я встретил мирянина из Трикалы³, который вызвался мне помочь. Этот несчастный был бесноватым. По дороге бес стал его мучить, и он упал на тропинку. Когда я перекрестил его крестом от чёток, бесноватый схватил мою правую руку и начал гнуть её так сильно, что чуть не сломал. Я переложил чётки

⁽³⁾ Город в Фессалии. — Прим. пер.

в левую руку и снова перекрестил его со словами: “Во Имя Господа нашего Иисуса Христа, изыди, нечистый дúше”. Он тут же успокоился и попросил у меня прощения». Рассказав эту историю, Старец с особым чувством добавил: «Чётки имеют великую силу — ого-го какую!»

Нищета Старца

Однажды, сидя во дворе своей бедной каливы, Старец заметил неизвестного, который прятался в лесу и следил за ним. Было похоже, что этот человек ищет удобного случая, чтобы обворовать келью Старца.

Подумав, Старец сказал себе: «Должно быть, несчастный испытывает нужду». Не медля ни минуты, он ушёл из каливы, оставив дверь открытой. Вор свободно зашёл внутрь, но, к своему огорчению, не нашёл в жилище Старца ничего «достойного» воровства, а лишь соломенный матрац и несколько предметов самой ничтожной стоимости. «Хотя, — рассказывал Старец, — вор и был человек дикий, неотёсанный, но увиденное тронуло его сердце. Потом он уже сам принёс мне продуктов». Раскаявшись, вор попросил у Старца прощения, и тот простил его от всего сердца.

«Доброе лицемерие»

Однажды в каливу Старца пришёл отец Даниил из Данилеевской кельи. Он несколько раз постучал в дверь со словами: «*Моли́твами святы́х оте́ц на́ших...*», — однако ответа долго не было. Наконец дверь открылась. На пороге, весь в слезах, стоял Старец Паисий. В руках он держал луковицу и сухарь. «Как твои дела, отец Паисий?» — спросил отец Даниил. «Э, отец мой, какие там дела... — ответил Старец. — Вот, разве не видишь? Ем. Всё ем и ем...» Говоря это, Старец откусывал от луковицы и суха-

ря, а из глаз его потоком катились слёзы. Видимо, Старец находился в состоянии такого сильного умиления, что не мог сдержать слёз. Однако, услышав, что пришёл отец Даниил, он постарался совладать с собой, потому что надо было открыть гостю дверь. И вот, будучи не в силах сдержать слёз, он прибег к уловке с луком. Но отец Даниил, рассказавший об этом случае, понял, в чём была истинная причина слёз Старца.

**Свет
сладчайший**

Живя на Катунаках, Старец имел опыт Божественного посещения. «Однажды ночью, — рассказывал он, — творя Иисусову молитву, я исполнился великой радости. Я продолжил молитву, и вдруг моя келья озарилась Светом, белым, с чуть голубоватым оттенком. Моё сердце сладостно билось. Я продолжил молиться по чёткам пока не взошло солнце. Ах, каким ярким был этот Свет! Ярче, чем свет солнца. Рядом с ним солнце становилось тусклым. Я смотрел на солнце, и оно казалось мне бледным — подобно лунному свету в полнолуние. Я видел этот Свет долго, а потом, когда он исчез и Благодать уменьшилась, ни в чём не находил утешения и радости. Резко перейдя из одного состояния в другое — низшее, — я ощущал себя животным, пытался есть, пить воду, заниматься рукоделием — и чувствовал себя подобно животному. Потом я совершенно забыл об этом событии и вспомнил о нём лишь позавчера⁴, когда один благоговейный адвокат, занимающийся Иисусовой молитвой, рассказал мне о пережитом им подобном состоянии».

Старец не назвал виденный им Свет словом «Нетварный», хотя не может быть сомнений в том,

⁽⁴⁾ Произнесено 23 июня 1984 года.

что это был именно Нетварный Свет. Не описывая Свет более подробно, Старец добавил лишь то, что «этот Свет виден и с закрытыми, и с открытыми глазами, и в ночной тьме, и днём — при солнечном свете».

Божественная Благодать утешала подвижника Паисия: волею обнищавшего и с самоотречением подвизавшегося в лишённой утешений Катунакской пустыне.

глава одиннадцатая

В КАЛИВЕ
ЧЕСТНАГО КРЕСТА

В саду каливы Честного Креста.

В святой Ставроникитской обители

Священный Кино¹ Святой Афонской Горы призвал насельников Иверского скита, иеромонахов Василия и Григория, возродить монашескую жизнь в доселе особенножительном монастыре Ставроникита, страдавшем от нехватки братии. Когда отцы Василий и Григорий спросили Старца, как им поступить, он благословил их принять приглашение Кинота и добавил: «Я тоже приду к вам и, чем могу, помогу».

Так, после года жизни и подвигов в Катунаской пустыне, 12 августа 1968 года Старец перешёл в святую Ставроникитскую обитель.

В письме от 11 октября 1968 года он сообщает: «Скорее всего, Вы уже узнали о том, что я сменил место и образ жизни. То есть после пустыни я оказался в монастыре и, вместо прежней совершенной беспопечительности, — теперь нагружен попечениями и ответственностью. Уверен, что Вы будете молиться о том, чтобы эта повинность не затянулась надолго, и я снова обрёл своего рассеянного внутреннего человека. Конечно, избежать при-

⁽¹⁾ Выборный орган, координирующий действия двадцати афонских общежительных монастырей. — Прим. пер.

звания на это послушание я не мог. Надеюсь, что к весне всё наладится и я стану свободным, чтобы постоянно молиться о Вас, потому что сейчас, с монастырскими хлопотами, я не успеваю выполнять даже свои собственные необходимые монашеские обязанности».

Поскольку монастырь испытывал сильную нужду, Старец помогал на всех послушаниях. Он начинал первым и за ним подтягивались остальные. Из-за нехватки братии он также принял на себя обязанности члена Духовного Собора.

6 ноября 1968 года, с задержкой, он получил отпускную грамоту из Великой Лавры, которой принадлежала келья на Катунаках.

Кончина батюшки Тихона

Между тем, Старец отца Паисия, русский подвижник батюшка Тихон, находился в предверии кончины. Прожив жизнь, исполненную борьбы и подвигов, сейчас он готовился к жизни вечной.

За десять дней до кончины он попросил своего послушника, отца Паисия, перейти к нему на келью. Старец Паисий пишет: «Эти последние десять дней, которые я провёл рядом с ним, были для меня величайшим благословением Божиим, потому что я получил пользу бóльшую, чем когда бы то ни было. Ведь мне была дана благоприятная возможность немного пожить его жизнью и узнать его лучше... Последнюю ночь он непрерывно, в течение трёх часов держал свои руки на моей голове, благословлял меня и давал мне последнее целование»².

Старец Тихон почил 10 сентября 1968 года, заранее узнав о своей кончине и своими руками при-

⁽²⁾ См. *Старец Паисий. Отцы-святогорцы и святогорские истории*. Ук. изд. С. 34.

готовив себе могилу. Доброму послушнику, своему «сладкому Паисию», — как он его называл — Старец оставил своё благословение и обещание навещать его каждый год. «Мы с тобой, дитя моё, — говорил Старец Тихон, — будем иметь дорогую любовь во веки веков». Желая, чтобы отец Паисий стал его преемником по келье, Старец Тихон сказал: «Если ты останешься жить в этой келье, это доставит мне радость. Но пусть будет так, как хочет Бог, дитя моё».

И действительно, после того как отец Паисий помог молодому братству наладить монастырскую жизнь, он — ради безмолвия — переселился в каливу Честного Креста (в омологии записана дата 2 марта 1969 года). Он считал великим благословением жить и подвизаться на месте, где совершал аскетические подвиги его святой Старец. Это место умиляло и вдохновляло его, потому что от сверхчеловеческих подвигов батюшки Тихона и от происшедших там Божественных событий оно было пропитано особой Благодатью Божией.

Освободившись от попечений монастырского общежития, заручившись молитвой и примером своего Старца, отец Паисий наслаждался своим «сладким безмолвием» и общением с Богом, молясь о спасении мира и о том, чтобы пребывать в неизвестности самому. В письме от 10 апреля 1969 года он писал: «Сейчас, когда Благодатью Божией я развязался с монастырём и живу в моём сладком безмолвии (которое и само по себе есть таинственная молитва), я буду помнить о Вас больше, и из далёкого далёка буду находиться совсем рядом с Вами. Молитесь о том, чтобы я лучше исчез с человеческих глаз, чем был видим другими, потому что только в этом случае я исполню своё предназначение. Это правда, что исчезая, я чувствую себя близ измученного страданиями мира».

Однако, несмотря на то что Старец был невидим миру и «погребён» в «овраге батюшки Тихона», он стал полюсом притяжения для многих юношей, поступивших послушниками в Ставроникитский монастырь. Молодые люди поступали в Ставроникиту, чтобы иметь возможность видеть Старца Паисия и советоваться с ним. В монастыре быстро увеличилось число братии и образовалось полноценное общежитие. Из своего аскетирия Старец заботился о монашеской жизни в обители и тихо, без шума, старался направлять её в святоотеческое русло.

Жизнь в келье Честного Креста

По пути из Ставроникиты в Кариес, вскоре за часовней Святителя Николая, слева от дороги начинается узенькая тропинка. Спускаясь и поднимаясь по неровной лесистой местности, среди низких зарослей земляничного дерева, каменного дуба и вереска, тропа заканчивается у каливы, огороженной проволочной сеткой. Раньше возле каливы висел ящик с щелью и записка примерно следующего содержания: «Напишите на бумаге, о чём вы хотите со мной поговорить, и опустите записку в ящик. Бóльшую пользу вы получите не от разговора, а от молитвы».

Над забором была натянута проволока, привязанная к колокольчику во дворе, в который звонили монахи и паломники, извещая Старца о своём приходе. Широкий двор осеняла листва масличных деревьев и нескольких виноградных лоз. Между тропой и забором было очень много веток и срубленных деревьев, наваленных Старцем для того, чтобы, когда он выходил из кельи и шёл в мастерскую, его не было видно с тропы. Спускаясь от калитки к келье, посетитель мог видеть справа под масличным деревом летний архондарик Старца — столик и два-три

пенька для сиденья. Слева была могила батюшки Тихона, которую Старец Паисий обсадил кустами розмарина — чтобы на неё случайно не наступали посетители.

Спустившись по трём-четырёх ступенькам ко входу в келью, посетитель сначала оказывался в коридоре, образованном стеной дома и каменной террасой. Двери и с одной, и с другой стороны коридора были закрыты — чтобы не сквозило. Слева располагалась примитивная «кухня» — крохотный пятачок на каменной полке размером как раз для одной кастрюли и внизу — место для огня. Пройдя под небольшим навесом ко входу и войдя внутрь кельи, паломник оказывался в коридорчике шириной в один и длиной в три шага, освещаемом крохотным окошком. Прямо напротив входа была келья (комната) Старца, а слева — маленькая церковь Честного Креста, с несколькими образами в иконостасе, одной стасидией³ и одним аналоем. Больше в храме не было ничего. Простота была впечатляющей.

В нескольких метрах к западу от входа была ещё одна дверь, она вела в мастерскую Старца и в архондарик — крохотную, бедную комнатку с низким, сплетённым из камыша и обмазанным глиной потолком. В архондарике стояли две кровати, пространство между которыми было столь узким, что едва помещался один человек.

В маленькой каливке Честного Креста у Старца не было условий для частого приёма гостей. Живя по своему безмолвническому уставу, он с рассуждением оставлял посетителей на ночь, если видел, что в этом была нужда. В письме от 21 декабря 1971 года он писал: «Я имею всё благое желание принимать Вас у себя в каливе, оказывать

⁽³⁾ Высокое деревянное кресло с подлокотниками, в котором можно как стоять, так и сидеть. — *Прим. пер.*

Вам всё моё цыганское гостеприимство и отдавать Вам не половину Паисия, а всего себя полностью. Приезжайте без колебаний, когда захотите, потому что если я узнаю, что Вы колеблетесь, то это меня огорчит. Единственное “но” — это то, что сейчас — зимой — калива не может принять больше одного гостя. К сожалению, моя калива имеет разногласия с моим сердцем».

К востоку от каливы была каменная цистерна, в которую по желобам собиралась с крыши дождевая вода. Из этой цистерны Старец брал воду, чтобы пить самому и давать проходящим. Чуть подальше была ещё одна, открытая цистерна с водой для полива, которую Старец никогда не использовал, потому что огорода не возделывал.

Внешне жизнь Старца в каливе Честного Креста шла приблизительно так: с вечера он спал два-три часа, поднимался около полуночи и совершал Всенощное бдение. Утром, перед рассветом, немного отдыхал. Днём, если не было посетителей, занимался рукодельем: изготавливал под прессом тиснёные иконки и кресты. Оставшиеся часы посвящал внимательному чтению духовных книг, молитве и ответам на многочисленные письма, в которых люди просили его молитв и задавали вопросы. Старец писал по несколько часов в день, а когда темнело, зажигал свечу. Однако писем становилось всё больше и больше, и поэтому где-то с 1977 года Старец решил на них не отвечать, за исключением безотлагательных и серьёзных случаев. Он сообщил об этом решении некоторым из своих знакомых, а потом об этом узнали и другие. Старец объяснял своё решение так: «Я — как бы это сказать — собирался быть монахом и жить по-монашески. Но вижу, что эти письма отвлекают меня от моей цели». Однако молиться о людях, славших ему письма, Старец не пе-

реставал. Наоборот, он ограничил переписку именно для того, чтобы у него появилось больше времени для молитвы, которую он считал самым главным приношением монахов миру.

Вместе с тем, жизнь, упрощённая до невообразимого предела, давала ему возможность почти всё своё время посвящать духовным занятиям и молитве о тех, кто испытывал духовную нужду.

Год от года посетителей становилось всё больше и больше. Люди со своими проблемами занимали Старца по многу часов в день. Он писал: «Я был простужен, с высокой температурой. С одной стороны, посетители поднимали мне температуру, но с другой — не давали мне умереть — потому что у меня не оставалось для этого времени».

Старец оказался перед выбором: остаться на Святой Горе либо удалиться ради безмолвия на Синай или куда-то ещё. Торопиться с выбором он не стал и, помолившись, — чтобы не принимать решений «от своей головы» — увидел, что воля Божия была в том, чтобы остаться. «По всему видно, что мне придётся приспособливаться к трудностям здесь... Прошедшие дни я занимался тем, что огораживал свой участок металлической сеткой». (Из письма от 9 мая 1975 года.)

Какое-то время на два дня в неделю — в среду и пятницу — Старец стал уходить в затвор. Не открывая в эти дни никому, он постился, молился и занимался тонким духовным деланием. В лесу возле источника у него была ещё одна крошечная каливка, сбита очень просто, как сарайчик, и крытая жостью. Иногда, ради большего безмолвия, он приходил сюда. После затвора или длительного отсутствия, он доставал из «почтового ящика» записки приходивших посетителей и совершал за них сердечную молитву.

На Литургию и Причастие он обычно приходил в монастырь. Но время от времени приглашал иеромонаха и к себе — чтобы отслужить Литургию в своей церковке Честного Креста. Временами ходил на Литургию в знакомые ему кельи.

Собрав маслины, он иногда — на примитивной и оригинальной маслобойке собственного изобретения и изготовления — выжимал немного масла для лампад. Маслинами он делился с бедными подвижниками и старенькими монахами Капсалы, которых посещал, чтобы получить пользу самому и оказать им посильную поддержку.

Приготовлением пищи он не занимался, кроме тех очень редких случаев, когда оставлял кого-то из гостей на ночь у себя в каливе. Однажды, оставив у себя знакомого юношу, он стал готовить обед: положил в кастрюлю немного растолчённой в ступе чечевицы, добавил горсть риса, налил воды и, положив под кастрюлю пучок вереска и сусуры, заросли которых окружали его каливу, развёл огонь и стал беседовать с гостем. Юноша думал, что, увлекшись беседой, Старец забыл о готовившейся пище. Однако вскоре обед оказался готов — пищу не понадобилось даже перемешивать. Настолько простым было его поварское искусство.

Вечерню они совершили по чёткам. Юноша молился в храме, а Старец — у себя в келье, где он прочитал и канон из «Феотокариона»⁴. Затем была трапеза, за которой Старец не переставал с отеческой любовью давать юноше советы и наставлять его. Пища была без масла, но очень вкусной. На юно-

⁽⁴⁾ Феотокарион (греч. Θεοτοκάριον) — сборник богослужебных канонов в честь Пресвятой Богородицы, составленный преподобным Никодимом Святогорцем и впервые изданный в 1766 году. Содержит шестьдесят два канона, написанных двадцатью двумя песнописцами разных эпох. — Прим. пер.

шу произвело впечатление то мирное сокрушение, с которым Старец читал молитву перед трапезой: он сосредоточился в себе так, словно оторвался от всего земного и стоял перед Самим Христом. После трапезы он вышел во двор покормить диких животных, каждое из которых звал по имени.

На закате солнца Старец и юноша один час помолились по чёткам во дворе — каждый наедине. Потом, отведя гостя в архондарик, отец Паисий удалился к себе в келью.

Так, в нищенской капсалиотской каливке Честного Креста подвизался Старец Паисий. «*В рóве преиспóднем*»⁵, но в высоких подвигах, с непрестанной молитвой, наедине с Единым Богом и питаюсь Его Благодатью. Совершенно нищий в отношении материальных благ и удобств, но богатый добродетелями и Божественной Благодатью. Изнуряя себя аскезой и доставляя духовный покой каждому просившему его помощи человеку. Страдая от человеческой боли и грехов, он одновременно переливал в сердца людей радость и утешение. Он вёл брань с демонами, беседовал со Святыми, общался с дикими животными и духовно помогал людям. Ниже будут приведены некоторые соответствующие примеры и свидетельства очевидцев.

**«Свет стезям
моим»**

Старец рассказывал: «Я был в монастыре Ставроникита. Наступил вечер. Выходя из монастыря, я встретил за воротами одного мирянина, который хотел со мной поговорить. Идя рядом, он начал рассказывать мне о своих проблемах. Время шло, а я был болен — причём так, что не мог ни присесть отдохнуть, ни неподвижно стоять на но-

⁽⁵⁾ Ср.: Пс. 87, 7.

гах. Тем временем сгустились сумерки и наступила ночь. Вспомнив о своей болезни, я хотел прервать беседу, однако подумал: “У человека столько проблем, и неужели я буду думать о себе самом?” Он продолжал говорить, пока ночь полностью не вступила в свои права. Сам он договорился о ночлеге для себя в одной из келий, потому что ворота монастыря к тому времени уже были закрыты.

Когда мы закончили беседу, я направился к своей каливе. Свернув на тропу, дошёл до очень узкого и крутого спуска. Я ничего не видел (фонарика у меня при себе не было) и упал среди веток и зарослей ежевики. Ничего вокруг не видя, я хватался руками за ветви, а моя торба, перевернувшись, оказалась у меня на голове. Находясь в таком положении, я подумал: “Ну, что будем делать? Э, прочитаю-ка я Повечерие”. Я начал читать “Святый Бóже...” и другие молитвы. Внезапно всё осветилось от сильного света. Вокруг меня сделалось светло, как днём, я понял, где нахожусь, и выкарабкался на тропу. Свет продолжал освещать всё вокруг. Сердце моё было переполнено небесным радованием. Добредя до каливы, я достал спрятанный на обычном месте ключ, открыл дверь, вошёл в церковь, зажёл лампы, и только тогда Свет стал становиться всё слабее и слабее».

**Явление
преподобного
Арсения**

21 февраля 1971 года Старец сидел во дворе каливы и читал черновую рукопись составленного им Жития преподобного Арсения Каппадокийского, проверяя, нет ли там ошибок. «До захода солнца оставалось два часа, — пишет Старец. — Я читал рукопись, и в это время меня посетил отец Арсений. Он ласково погладил меня, подобно тому как преподаватель ласково гладит хорошо на-

писавшего урок ученика, и одновременно оставил мне невыразимую сладость и небесное радование, вынести которые я был не в силах. После его ухода я, как сумасшедший, бегал по участку вокруг моей калиты и громко звал его, думая, что смогу его найти»⁶.

Явление Святого потрясло Старца. Собственноручно он сделал карандашный рисунок Преподобного, с которого сёстры монастыря в Суроти написали икону. Однако Старец говорил: «Первая икона вышла не очень похожей на Преподобного. Во время написания второй иконы я всё время стоял у них над душой и говорил, как именно должна быть прописана каждая деталь». Так была написана известная икона преподобного Арсения, полностью передающая его характерные черты.

Старец твёрдо верил в святость преподобного Арсения, но, несмотря на это, велел сёстрам не изображать на его иконе нимба. И саму икону он поместил в храме не вместе с иконами других Святых — а под ними. Когда его спросили, почему он не перевесит икону выше, он ответил: «Если Преподобный хочет, то пусть поднимется выше сам», имея в виду, что Святой сам «позаботится» о своей канонизации. Также собственноручно Старец сделал стальную матрицу с изображением Преподобного (тоже без нимба), с помощью которой делал его тиснёные иконы на дереве. И в первоначальном заглавии книги он написал: «Отец Арсений Каппадокийский» (без слова «святой»). Старец ждал, чтобы сначала Преподобный был причислен к лику Святых Церковью, и только тогда дополнил матрицу нимбом и написал в заголовке Жития: «Святой Арсений»⁷.

⁽⁶⁾ См. *Старец Паисий Святгорец*. Преподобный Арсений Каппадокийский. Ук. изд. С. 24–25.

⁽⁷⁾ Преподобный Арсений Каппадокийский канонизирован Вселенской Патриархией в 1986 году.

Ещё задолго до официальной канонизации Старец сделал в своей личной Минее под 28 октября следующую запись на фарасиотском диалекте:

Σὸ βῆμερ' αὐτὸ τῆς ἡμέρας, εἰς 10¹¹⁻¹⁹²⁴ τοῦ φραγκικοῦ, ἡμέ-
ρα τοῦ ὁσίου 28 τοῦ Ἀϊζρημητῆ, ὁ ὁσίου τοῦ Θεοῦ ὁ
καὶ νομᾶτ, ὁ ἱερομόναχος Ἀρσένιος (Χαυμυφνῆ) ἐξ ὁ Βαραβίο
τῆς Τριβάραι, τοῦ τῆς εὐχῆς τοῦ ναῦ εἰς ὅλην τὴν καὶ τὴν σ.

То есть:

«Сегодня, 10–11–1924 по новому календарю,
а по старому 28 октября, почил добрый чело-
век Божий, иеромонах Арсений (Хаджифенди),
в Фарасах Кесарийских. Благословение его и
молитва да будут с нами. Монах Паисий».

Батюшка Тихон и искуситель

В одной из своих книг отец Паисий писал: «10 сентября 1971 года, ночью, после полуночи, творя Иисусову молитву, я внезапно увидел входящего в келью Старца (батюшку Тихона). Вскочив, я обнял его ноги и с благоговением стал их целовать. Однако — я и не понял как — он выскользнул из моих рук и стал уходить. Я увидел, как он входит в храм, а затем стал невидим»⁸.

Однажды Старец хотел пойти в монастырь и причаститься. Поскольку в тот день пришло много посетителей, у него не было времени исполнить своё монашеское правило и подготовиться к Причастию так, как он хотел.

Поэтому Старец заколебался: идти ли ему причащаться или нет. В этот момент он увидел, как некто, внешне похожий на батюшку Тихона, стоя перед ним на ступеньках, морщил нос, отрицательно

⁽⁸⁾ См. *Старец Паисий*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 35–36.

качал головой и приговаривал: «Нет-нет, не надо тебе причащаться».

Несмотря на то что Старец помнил об обещании батюшки Тихона его навещать, он сразу же понял, что тот, кто отговаривал его от Божественного Причащения, был диавол в образе батюшки. «Уходи, ты не мой Старец», — ответил отец Паисий искушителю. Потом пошёл в монастырь и причастился.

Паломничество на остров Тинос

Однажды, незадолго до начала Успенского поста, Старец на корабле отправился на остров Тинос, чтобы поклониться Тиносской чудотворной иконе Пресвятой Богородицы. На палубе корабля отец Паисий увидел полуголых женщин, «принимавших солнечные ванны». Старец огорчился. «Как же низко пали иконы Бога — Его образы!» — думал он. Не обращая внимания на происходящее вокруг, Старец сосредоточился в себе и с болью стал совершать сердечную молитву: «Боже мой, пошли дождь, чтобы они образумились!»

Вскоре небо затянуло тучами и пошёл проливной дождь. Женщины были вынуждены одеться и уйти в каюты.

С благоговением приложившись к чудотворной иконе, Старец не остался на Тиносе, но тут же отправился обратно. Позже он рассказывал одному знакомому: «Чтобы ты понял, я скажу тебе только одно: Матерь Божия на этой иконе — совсем как Живая».

На корабле Старец встретил Афинского архиепископа Иеронима⁹ и беседовал с ним о положении Церкви.

⁽⁹⁾ Иероним (Коцонис) — архиепископ Афинский и всея Эллады в 1967–1973 гг.

Прельщённый монах

Как-то раз к Старцу пришёл прельщённый монах. Он положил себе правилом никогда не пить воды. Прелесть — очень страшная болезнь, и исцеляются от неё с большим трудом. Однако Старец с рассуждением нашёл способ помочь прельщённому. «Я принёс ему угощение: лукум и воду, — рассказывал Старец, — а он мне заявляет: “Я воду не пью”. Я понял, что он в прелести и отвечаю: “Я не говорю, чтобы ты выпил целый стакан. Выпей, если хочешь, только один глоточек”.

Зная, что сейчас произойдёт, я приготовил полное ведро воды, и всё случилось точно так, как я ожидал. Собираясь выпить всего один глоток и взяв в руки стакан, он осушил его залпом. Потом, словно его жгло, он попросил ещё один стакан воды, потом ещё, и в конце концов выпил ведро почти целиком».

Правило, которое положил для себя прельщённый монах, имело отправной точкой гордость, и естественно, что в этом эгоистическом «подвиге» он и получал бесовскую помощь. Однако, как только монах оказал послушание Старцу и смирился, бесовское содействие прекратилось, и он уже не мог выполнить своего эгоистичного обета.

Сострадая больному

Ставроникитский монах отец Афанасий (в миру Евфимий Склирис) родился в Коринфе в 1930 году. Окончив юридический факультет университета, он поступил послушником в монастырь на Синае, где и познакомился со Старцем Паисием. Затем, вслед за Старцем, он приехал на Афон и в декабре 1968 года поступил в братство Ставроникитского монастыря. Отец Афанасий был великосхимником, членом Духовного Собора и представителем монастыря в Священном Киноте. Старец особенно любил отца

Афанасия, потому что тот отличался послушанием. Когда отец Афанасий заболел, его положили в Народную афинскую больницу. Врачи диагностировали в его лёгких обширные метастазы, происходившие от старой опухоли, при оперировании которой отцу Афанасию был удалён один глаз. Ему делали частые проколы, выкачивали жидкость, которая собиралась вокруг лёгкого, он тяжело дышал и время от времени задыхался. Узнав о состоянии больного, Старец Паисий решил поехать в Афины, чтобы его поддержать.

Господин Панагиотис Дроситис, почётный председатель Апелляционного суда, имевший благословение целый месяц принимать Старца у себя в доме, рассказывает: «Старец приехал ко мне поздно вечером. Чтобы он чувствовал себя свободно, я поселил его в отдельной комнатке, отделявшейся от моей спальни раздвижной прозрачной дверцей. Старец не заметил этой дверцы, и, пока я не заснул, мне пришлось стать невольным свидетелем того, как он с состраданием молился Христу и Божией Матери о болящем отце Афанасии, прося об его исцелении.

По всей вероятности, этой ночью ему было какое-то видение, потому что уже со следующего утра он начал говорить о том, что отец Афанасий нас покинет. Он говорил об этом так, словно получил ясный ответ на настойчивую молитвенную просьбу предыдущей ночи. Когда я сказал Старцу о том, что спал в смежной комнате, он был застигнут врасплох и стал явно волноваться, словно не желая, чтобы кто-то узнал о том, что происходило ночью, и о том, что ему было открыто. В то же самое утро мы поехали в больницу к отцу Афанасию. Старец уделял внимание не только ему — но духовно утешал и укреплял остальных больных, посетителей и сотрудников больницы. Узнав о состоянии

отца Афанасия, Старец попросил лечащих врачей, чтобы они рассказали больному о том, что его положение очень серьёзно. Узнав от врачей правду, отец Афанасий сначала впал в задумчивость и расстроился. Однако общение со Старцем Паисием и его духовная поддержка не дали этому состоянию затянуться надолго. Отец Афанасий воспрял духом и из умирающего больного превратился в проповедника жизни – несмотря на то что состояние его здоровья становилось всё хуже и хуже.

Старец Паисий приходил в больницу каждый день. Его присутствие превратило больничные палаты, коридоры и лестничные площадки в подлинные лечебницы душ. Врачи и медсёстры, больные и многие телесно здоровые люди всех возрастов спешили к Старцу за благословением, укреплением и разрешением своих затруднений. На всех в изобилии произливалась его любовь. Но и сам Старец искал и находил возможности оказать любовь ближним.

Я помню, как Старец делился последним с больными бедняками. Также помню, как он переживал и молился за одну молоденькую девушку, нравственно сбившуюся с пути, и как он был рад, получив внутреннее извещение о том, что это создание Божие в конце концов выходит на правильный путь.

Усталый, он возвращался домой поздно вечером, после трудного дня, полного забот о ближних. Часто люди, которые не могли встретиться со Старцем в больнице, приходили и сюда. Не помню ни одного случая, когда Старец показал бы другим, что он устал и измучен. Напротив: он был радостен, весел и шутил в своём известном стиле. Я до сих пор храню одну из его шутливых записок, которые он оставлял мне каждый день в знак благодарности, чтобы сохранить меня в радостной атмосфере.

Наконец, Старец убедился в том, что больной отец Афанасий укрепился, утвердился в вере и — несмотря на свои телесные страдания — преобразился в светлого проповедника жизни, укреплявшего и радовавшего других больных и даже тех, кто приходил его навестить. Старец уехал из Афин, однако не прекращал общаться с отцом Афанасием посредством писем, полных тепла и любви, которые посылал больному через меня. У меня осталось последнее из этих писем, уже не заставшее отца Афанасия в живых. В письмо отец Паисий вложил фотографию Старца Тихона.

Кончина отца Афанасия была чистой и освящённой. Потом отец Паисий рассказывал мне, что, когда тело отца Афанасия привезли на Афон, на пристань монастыря Ставроникита, его лицо было настолько радостным и спокойным, что если бы Старец не стеснялся тех, кто находился рядом, то он закричал бы в голос — от радости и славословия Благому Богу».

Отец Афанасий почил о Господе 6 мая 1972 года. Сам Старец рассказывал о кончине своего друга-сподвижника так: «Сперва у отца Афанасия возникла опухоль — так называемая меланома¹⁰. Она разрослась, но он жил несколько лет. В последние годы опухоль дала метастазы на лёгкие, и отца Афанасия вновь положили в больницу. Месяц я жил недалеко от больницы — в доме моих знакомых и два раза в день его навещал. Вскоре после того, как я уехал из Афин, он умер. Я узнал об этом заранее — из одного видения и в день его кончины сказал: “Сегодня отец Афанасий скончается”. Потом его тело привезли к нам в монастырь. Когда я его увидел,

⁽¹⁰⁾ Злокачественная опухоль преимущественно кожи (а также сетчатки глаза, мозга, слизистых оболочек), развивающаяся из клеток, продуцирующих тёмные пигменты. — *Прим. пер.*

мной овладела печаль. Это была печаль за прошедшее. За те годы, которые мы прожили вместе. За те годы, на которые мы разлучаемся — пока Господь не призовет к себе и меня. И вот — когда я воздавал ему последнее целование — он мне улыбнулся! Да, в утешение, по Промыслу Божию».

Рясы и масличное дерево

В то время — около 1972 года — в Греции обсуждался вопрос перемены священнических одежд. Некоторые из клириков хотели взять у Старца Паисия благословение не носить рясы. Один из таких священников-модернистов приехал к Старцу и стал его уговаривать: «Но ведь не ряса делает человека священником! Предпочтительнее, чтобы священники ходили без ряс, потому что таким образом им легче найти подход к людям...» — и другие подобные глупости. Старец так и не смог убедить этого модерниста изменить своё мнение и в конце беседы сказал: «Ладно, приходи завтра, и я дам тебе ответ».

Ночь Старец провёл в молитве, а утром, когда пришёл священник, Старец показал ему одно масличное дерево, с которого нарочно содрал кору. На верхушке Старец оставил несколько подстриженных веточек, так что всё дерево было некоторым образом похоже... на священника без рясы, с реденькой, подстриженной бородкой. «Ну что, — спросил Старец, — нравится тебе это дерево с содранной корой? Вот так же, как дерево, выглядят и те священники, которые не носят рясу». Эти слова поразили священника, и он ушёл, благодаря Старца, который простым примером смог убедить его оставить свои мирские воззрения.

На стволе ободранного дерева Старец вырезал ножом следующие слова: «Древа свой сбросили на-

ряд, посмотрим, сколько уродят...», а чуть пониже: «Поп безряственный — видать, безнравственный».

Конечно, дерево вскоре засохло. Однако оно послужило на пользу многим — и не только в отношении ношения ряс: так доходчиво Старец содействовал тому, чтобы различные попытки исказить Православное Предание не осуществились.

Через несколько лет один по-доброму расположенный юноша, готовившийся стать священником, спросил Старца: «Батюшка, а по какой причине священники должны носить рясы?» Старец ответил: «Причин много. Но вполне достаточно одной-единственной: всем благоговейным людям приятно и радостно видеть своего священника, облачённым в рясу».

Поездка в Фарасы

Когда Старец писал житие преподобного Арсения, его сердце горело желанием посетить Фарасы Каппадокийские. Бог удостоил его осуществить это желание: 29 октября 1972 года вместе с архимандритом Василием (в то время игуменом монастыря Ставроникита) отец Паисий посетил село, в котором родился.

Описание этого путешествия содержится в книге «Житие преподобного Арсения Каппадокийского». Между тем, Старец вспоминал и другие интересные подробности.

По дороге они остановились в одной турецкой деревеньке и зашли в столовую пообедать. Почти все жители деревни с любопытством заглядывали в окна и рассматривали приезжих греков. Когда принесли обед и они встали для молитвы, Старец попросил игумена постоять и помолиться подольше. Итак, Старец Паисий и отец Василий читали разные молитвы и многократно осеняли себя крестным

знамением. «Мы вычитали чуть ли не целое монашеское правило, — смеясь рассказывал Старец. — Ведь некоторые из этих турок, возможно, были тайные христиане. Вот мы нарочно и затянули молитву, чтобы они, горемыки, немножко порадовались».

Туркам, которые спрашивали Старца о цели их путешествия, он откровенно отвечал, что Фарасы — это место, где он родился. Одному турку-полицейскому отец Паисий показался подозрительным. Он схватил Старца, посадил его в огороженное сеткой помещение и ушёл, не заперев дверь на ключ. Прошло несколько часов, но никто из полицейских не появлялся. Тогда Старец попросил игумена найти такси. Они вышли из полицейского участка, сели в машину и уехали.

В Фарасах у Старца заболела душа, когда он увидел, что из храма, в котором служил преподобный Арсений, турки сделали мечеть. Фарасы оказались совсем не такими, какими представлял их себе Старец по рассказам родителей. Некогда богатое и знатное село было в руинах и нечистотах. Турки везде ходили за Старцем по пятам, ни на минуту не оставляли его одного, глядели на него с беспокойством и подозрительностью. Конечно, всё это свидетельствовало о том, что они не чувствовали себя хозяевами в Каппадокии.

Из Фарас отцы Паисий и Василий заехали в Анкару и возвратились в Константинополь. С волнением и трепетом Старец пришёл в храм Святой Софии. Укрывшись в уголке, он с сердечною болью молился. Заметив это, смотритель-турок поднял крик и стал угрожать Старцу, твердя: «Кемаль велел, чтобы ни вы, ни мы здесь не молились!» Тогда, исполнившись Божественной ревности и пренебрегая опасностью, Старец тоже стал говорить с турком резким, повышенным тоном. Он подвёл смотре-

ля к одной из колонн храма, за которой виднелись лужи мочи, и, указывая на них, с негодованием обличил турка: «А это что здесь такое?! Это вам Кемаль сказал, чтобы вы такое делали?»

Рассказывая об этом случае, Старец добавлял: «Придёт гнев Божий и их укротит...»

Потом паломники посетили монастырь «Хора»¹¹, где Старца привели в восхищение прекрасные мозаики. «Там видна Благодать, переливающаяся через край», — рассказывал он. В Константинопольской Патриархии к Старцу отнеслись с уважением и благоговением — там были рады посещению подвижника-святогорца. В Патриархии произошёл один случай, из которого Старец увидел смирение и терпение Вселенского Патриарха Димитрия.

Святая Евфимия

Как-то раз один из монахов — духовное чадо Старца — пришёл в каливу Честного Креста. Старец находился во дворе каливы и без остановки от сердца повторял: «Слáva Тебé, Бóже». Он повторял эти слова снова и снова и вдруг, обратившись к пришедшему монаху, произнёс: «Так вот человек и приходит в негодность — в добром смысле этого слова». — «Какой человек, Геронда?» — «Я тихо-мирно сидел у себя в келье, а она пришла и вывела меня из равновесия. Да, хорошо они живут там, наверху». — «Геронда, Вы о чём?» — «Я расскажу тебе, но только никому об этом не говори».

И Старец рассказал следующее: «Недавно я выезжал в мир по одному вопросу, касающемуся

⁽¹¹⁾ Монастырь «Хора» в Константинополе построен при императоре Константине Великом в IV веке. Много раз перестраивался. В XIV веке украшен замечательной мозаикой и фресками, представляющими собой вершину византийского церковного искусства. — Прим. пер.

Церкви, и снова вернулся на Афон. Во вторник¹², около десяти часов утра, я был в келье и читал Часы¹³. Вдруг я услышал стук в дверь и женский голос: *“Моли́твами святы́х оте́ц на́ших...”*

“Откуда на Святой Горе женщина?” — изумился я, но одновременно почувствовал в сердце некую Божественную сладость. Спрашиваю: “Кто там?” — слышу в ответ: “Евфимия”. — “Какая ещё Евфимия? — подумал я. — Неужели какая-нибудь сумасшедшая переделалась в мужскую одежду и пробралась на Афон? И что мне теперь делать?” А она опять стучит. Я снова спрашиваю: “Кто там?” — и она снова отвечает: “Евфимия”. Я не знаю, что делать, и дверь не открываю. А когда она постучала в третий раз, дверь открылась сама, хотя изнутри была закрыта на задвижку. Я услышал в коридоре шаги, выскочил из кельи и увидел перед собой женщину в платке, похожем на шаль. Рядом с ней стоял некто, похожий на евангелиста Луку, — но он вдруг куда-то исчез. Женщина излучала свет, и поэтому я был уверен, что это явление не от лукавого. Однако, несмотря на это, я спросил её: “Кто ты такая?” — “Мученица Евфимия”, — ответила она. “Если, — говорю, — ты мученица Евфимия, то пойдём, поклонимся Святой Троице. Что буду делать я, повторяй за мной и ты”. Я вошёл в храм и положил земной поклон со словами: *“Во Имя Отца́”*. Она повторила эти слова и тоже сделала земной поклон. *“И Сы́на”*, — сказал я. *“И Сы́на”*, — повторила она тоненьким голоском. “Говори громче, — сказал я, — чтобы я слышал”, и она повторила эти слова громче.

⁽¹²⁾ 27 февраля 1974 года.

⁽¹³⁾ Краткое богослужбное последование, входящее в состав суточного круга. — *Прим. пер.*

Я стоял в церкви, а она — в коридоре. И поклоны она делала не в сторону храма, а в сторону моей кельи. Сперва я удивился, но потом вспомнил, что над входом в келью у меня висела маленькая, наклеенная на дощечку бумажная иконка Святой Троицы. Когда мы поклонились в третий раз со словами: *“И Свята́го Ду́ха”*, я сказал: “Сейчас я тебе тоже поклонюсь”. Я поклонился ей и поцеловал ей ноги и кончик носа, подумав, что целовать её в лицо будет бесстыдством.

После этого Святая села на скамеечку. А я — на сундучок, и она разрешила один мучивший меня церковный вопрос

Потом она рассказала мне о своей жизни. Я знал, что в Церкви есть святая по имени Евфимия, но Жития её не помнил. Когда она рассказывала мне о своих мучениях за Христа, я не просто слышал, но как бы видел, переживал эти мучения. Мною овладел трепет, ужас! О, что за мучения она пережила!..

“Как же ты выдержала такие муки?” — спросил я её. “Если бы я знала о том, в какой славе пребывают Святые, то сделала бы всё возможное, чтобы подвергнуться ещё бо́льшим мукам”, — ответила она.

После этого события я три дня не мог ничего делать: я просто скакал от радости и непрестанно славословил Бога. Ни есть не мог, ничего, ничего... только славословие — без остановки».

В одном из писем Старец говорит: «Во всю мою жизнь я не смогу оплатить свой великий долг перед святой Евфимией, которая — будучи мне незнакомой и не имея передо мной никаких обязательств — оказала мне эту великую честь...»

Рассказывая об этом событии, Старец со смирением добавлял: «Святая Евфимия явилась мне

не потому, что я был этого достоин, но потому, что в то время меня беспокоил один вопрос, связанный с положением Церкви. А кроме этого, были ещё две причины».

Старец был поражён тем, что «Святая — такая хрупкая, слабенькая — и как она только выдержала страшные муки? Ладно, если бы она была женщина крупная, сильная... А то ведь — в чём только душа держалась».

Находясь в состоянии такой райской радости, Старец составил в честь святой Евфимии стихир (на подобен *«Кѣими похвѣльными венцы...»*): *«Кѣими похвѣльными пѣсни, восхвалѣм Евфѣмию, снизшѣдшую свѣше и посетѣвшую живуѣщаго монаха окаѣннаго на Капсале. Трѣжды в двѣри паки его постучавши, четвѣртая¹⁴ сами отворишася чудѣсне, и вошѣдши с небѣсною славою, Христова Мученица, поклонѣшася вкупе Трѣце Святѣй»*. И эксапостиларий (на подобен: *«Учеником сошѣдшеся...»*): *«Великомученице славная Христова Евфѣмѣя, люблю тебя зело-зело, после Святой Панагии...»* Конечно же, Старец составил эти стихиры не для литургического пользования. Он даже не пел их при посторонних.

Несмотря на своё нежелание выезжать в мир, Старец, нарушив свои правила, вновь поехал в Суроти и, рассказав о случившемся сёстрам, сделал их причастницами своей небесной радости. С помощью и под руководством Старца сёстры написали икону святой Евфимии в том виде, как она ему явилась.

На куске стали Старец собственноручно выгравировал икону святой Евфимии и с помощью этой матрицы делал деревянные иконки, которые раз-

⁽¹⁴⁾ Никакого противоречия с прежним текстом здесь нет. Святая Евфимия трижды постучала в дверь, а на четвёртый раз дверь отворилась без стука.

давал паломникам в её честь. При гравировке матрицы Старцу никак не удавались пальцы на левой руке Святой. «Я замучился, вырезая её руку, — рассказывал Старец, — но потом включил в работу добрый помысел: “Может быть, это мне за то, что и я её, бедную, замучил своими “проверками”».

В Минее, под 27-м февраля, Старец подписал: «† Святая Евфимия!!!»

Handwritten signature in Church Slavonic: + Н'Ауіа Еуфрїа !!!!!!

Бесовские шуточки

Старец говорил: «Больше всего диавол не хочет, чтобы мы молились. Видя, что кто-то молится, диавол — если не может ему помешать — старается, по крайней мере, увлечь человека в фантазии или помыслы. Если диаволу не удаётся и это, то он даже является молящемуся сам. Он делает это только и только для того, чтобы возмутить тебя и хоть немножко вывести тебя из состояния молитвы. Помню, однажды я молился во дворе каливы Честного Креста, рядом с могилкой батюшки Тихона. Я читал Славословие и совершал земные поклоны. Когда я дошёл до слов “во свѣте Твоѣм ѹзрим свет”, внезапно за моей спиной разлился сильный свет, как от прожектора, который осветил всё вокруг. Он “добивал” даже до побережья Калягры¹⁵. Поняв, что этот свет бесовский, я, не обращая на него никакого внимания и не возмущившись, продолжил молитву.

Тогда, увидев, что возмутить меня с помощью “света” не получилось, диавол придумал другую штуку. Внезапно слева, в нескольких метрах от меня, появились два бесёнка — вот такусенькие —

⁽¹⁵⁾ Участок афонского побережья между монастырями Иверским и Ставроникита. — Прим. пер.

ростом метра в полтора и начали “баловаться”, шлёпая друг друга в ладоши и пинаясь ногами. Кино да и только! Ну тут уж я не мог удержаться от смеха. Видишь, что придумал диавол? Видит, что я не обращаю внимания на его “свет” — так на тебе, — прислал мне этих бесенят».

* * *

Однажды ночью, когда Старец спал, он почувствовал, как кто-то толкает его и говорит: «Вставай на своё монашеское правило — ты проспал». — «Кто же это меня толкает в такой час?» — подумал Старец сквозь сон. Проснувшись, открыв глаза, он увидел возле себя диавола. «А, это ты...» — сказал Старец и, выражая презрение к диаволу, спокойно повернулся на другой бок. Однако искушитель не мог угомониться и продолжал своё: «Да, но ведь ты проспал, тебе надо совершать твоё правило!» — «Я сам знаю, когда мне совершать моё правило, — ответил Старец. — Не тебе распоряжаться моей молитвой».

***Видение души
почившего монаха***

Ночью 1-го июня 1975 года, молясь, Старец увидел, как восходит на небо душа румынского монаха Старца Филарета¹⁶ из кельи святого Андрея на Капсале. Душа отца Филарета была в образе отрока лет двенадцати, со светлым лицом. Она восходила на небеса в небесном свете. На следующий день Старцу сказали, что в тот самый час ночи, когда ему было это видение, добродетельный старец Филарет (это имя значит «друг добродетели») почил о Господе.

⁽¹⁶⁾ См. *Старец Паусий*. Отцы святогорцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 89–93.

Снегирь по имени Олет

Старец любил подниматься на один небольшой хребет над своей каливой и молиться там по чёткам. Тут к нему стал прилетать снегирь, с которым Старец подружился и дал ему имя Олет, что по-бедуински означает «дитя». Когда Старец звал птицу по имени, она тут же прилетала, садилась ему на плечо, клевала корм из его ладони. Когда Старец уезжал, он оставлял корм на одном плоском камне, под которым в двух банках хранились запасы «продуктов» для Олета: одна банка была с рисом, а другая — с пшеницей.

Старец рассказывал: «Мы с Олетом дружим уже пять лет. Однажды, когда я болел, он не притронулся к корму, который я ему оставил на камне, но прилетел в келью, чтобы посмотреть, что со мной случилось. Этот горемыка привёл меня в умиление. Животные понимают, как расположены люди, и приближаются к нам в соответствии с нашим расположением. Человек для них всё равно что Бог. Поэтому человек должен любить животных — ведь другого рая они не ждут».

Спасение от смерти

Однажды, как рассказывал сам Старец, с ним произошло следующее: «Вдалеке-вдалеке я услышал артиллерийскую пальбу — стреляли словно из тяжёлых орудий. Я взял чётки и поднялся на соседний хребет, чтобы получше увидеть, что происходит: мне показалось даже, что началась война. Я встал на камень и стал творить Иисусову молитву. Вдруг впереди что-то сверкнуло — и я мгновенно упал на землю». Что же произошло? Один охотник издалека увидел Старца и принял его за кабана. Вскинув ружьё, он прицелился и нажал на курок. Старец, увидев блеск ружейного

ствола на солнце, мигом упал на землю и остался в живых. Видимо, диавол, которому доставляют радость войны и битвы, не хотел, чтобы Старец молился о мире своего Отечества. Позже был ещё один подобный случай, когда Старец, молясь в лесу, попал под обстрел охотника. Но и в этот раз Бог сохранил его от опасности.

Осуждённая душа

Старец рассказывал: «Одна моя знакомая старуха была жутко скупой. А вот дочка у неё была очень хорошая. Когда она хотела подать милостыню, то выбрасывала какую-нибудь вещь из окна, выходила из дома с пустыми руками (потому что её мать следила, чтобы та ничего не выносила из дому), потом подбирала под окном выброшенную вещь и отдавала нуждающимся. Однако если она говорила матери, что монах (то есть я) просит у них такую-то вещь, то старуха позволяла отдать.

После кончины этой старухи (я в то время уже жил на Афоне) я увидел некоего юношу (по всей вероятности, это был её Ангел Хранитель), который сказал мне: “Пойдём, тебя просит прийти раба Божия такая-то” (он назвал её имя). Я так и не понял, что со мной произошло: внезапно мы оказались в Конице перед какой-то могилой. Юноша повёл рукой и могила открылась. В могиле, среди глинистой жижи, я увидел скупую старуху, которая уже начала разлагаться. “Монах, спаси меня!” — закричала она.

Мне стало за неё больно, я испытал к ней жалость. Не чувствуя брезгливости, я прыгнул в могилу, обнял её и стал спрашивать: “Что с тобой?” — “Скажи мне, — спросила она, — разве я не с готовностью давала тебе то, что ты у меня просил?” — “Да, — говорю, — с готовностью”. — “Всё в порядке”, — успо-

коил её Ангел Хранитель. Он вновь повёл рукой и “задёрнул” могилу, подобно тому как задёргивают занавеску, и я вновь оказался в своей каливе.

Сёстры из Суроти меня потом спрашивают: “Что с тобой произошло в день святого Андрея?”¹⁷ — “Молитесь, — отвечаю я им, — о упокоении души рабы Божией такой-то”.

Через два месяца¹⁸ я увидел её вновь. Внизу была бездна, хаос, а наверху, на ровном месте виднелись дворцы, много домов и много людей. Там же, наверху, стояла и эта старуха — очень радостная. Лицо у неё было словно у младенца, только крохотное грязное пятнышко осталось, но один маленький Ангел оттирал и это пятнышко — чтобы вся она стала чистой.

Я видел, как в глубине бездны бьются, мучаются и пытаются выбраться наверх люди.

Обняв старуху от радости, я отвёл её подальше от края бездны, чтобы те, кто мучались внизу, нас не видели и не страдали от этого ещё больше. А она и говорит мне: “Пойдём, покажу, куда меня Господь поместил”».

Молитва за бесов

Сердце Старца уже преизливалось любовью к Богу, оно горело огнём любви «о людях, и о пернатых, и о животных, и о бесах, и о всей твари»¹⁹. Старец читал об этом у аввы Исаака Сирина, но и сам переживал подобные состояния.

⁽¹⁷⁾ А именно: 30 ноября 1973 (или 1974-го) года.

⁽¹⁸⁾ 30 января 1974 (или 1975-го) года.

⁽¹⁹⁾ Святой Исаак Сирин. Слово 81. С. 306. Здесь и далее цитаты на творений святого Исаака Сирина даются в русском переводе по изданию: Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου. Ἑκδ. τὰ Ἀσκητικά, Ἑκδ. Σπλάνος. Ἀθῆναι, 1976.

Старец в Фарасах.

Πηγαίνοντας για τὸ κοιμητήρι, εἶχα
 ὑπὲρ μίαν ἀγαθὴν γεύσιν ἀπὸ εἰδὺρ κχαψιάδε
 ἀπὸ τοῦ Κχοῦρά τοῦ μακαρίτου παλαιῆ
 φράγχιον παλαιὰ ἀπὸ ἔχουσιν τῇ εἰδὺρ ὠτ-
 ζες καὶ ἔβγαλε εἰδὺρο.
 Ψυὰ διαπρίννε τὴν ἑσπερίαν.
 αἶσα ἀπὸ ἔρην γεύσε ὁ Τοῦρισ ἀπὸ
 ἦτο, ἀπὸ τῇ οἰκιστρία μου ἄχαδὸν ὁ Ἰσέρ
 καὶ τῇ ἄντρ ὁ δασμάς τοῦ χαρίδ,
 ἀπὸ βενιζίνε για Ἰωάννηδες.

Памятная запись, сделанная рукой Старца на
 обратной стороне фотографии.

«Однажды, — рассказывал он, — я стоял на коленях и молился о бесах, прислонив голову к земле и говоря: “Ты — Бог, и если Ты хочешь, то можешь найти способ, чтобы спасти и этих окаянных, несчастных бесов”.

С болью молясь такими словами, я увидел рядом с собой голову пса, который высовывал язык и меня передразнивал. Возможно, Бог попустил это, желая показать мне, что Он хочет спасти и бесов, но они сами этого не хотят»²⁰.

Георгакис с Тибета

Один юноша лет шестнадцати-семнадцати по имени Георгакис приехал на Афон и ходил по разным монастырям. В трёхлетнем возрасте родители отдали его в буддистский монастырь на Тибете. Мальчик очень преуспел в йоге, стал совершенным колдуном и мог вызывать любого демона, какого только хотел. Также он в совершенстве выучился каратэ, имел чёрный пояс. С помощью сатаны он показывал производящие сильное впечатление «фокусы»: здоровенные камни разбивал ударом руки, как грецкие орехи; мог читать закрытые книги, а лесные орехи сдавливал в кулаке так, что скорлупа падала, а ядра оставались прилипшими к ладони.

Кто-то из монахов, желая помочь Георгакису, привёл его к отцу Паисию. Юноша спросил Старца, какими он обладает силами и на что способен. Старец ответил, что сам по себе он никакой силы не имеет и вся сила — от Бога.

Георгакис, желая произвести на Старца впечатление, сосредоточил взгляд на лежавшем вдалеке большом камне, и вдруг камень рассыпался в крош-

⁽²⁰⁾ Ср. *Старец Паисий Святогорец*. Письма. Ук. изд. С. 76. В “Письмах” Старец говорит о некоем монахе, но на самом деле этот случай произошёл с ним самим.

ку. Тогда Старец перекрестил один маленький камешек и попросил Георгакиса раскрошить и его. Тот сконцентрировался, стал производить различные колдовские действия, но ничего сделать с камнем не смог. Вдруг юноша начал дрожать. Сатанинские силы — которыми, как ему казалось, он повелевал, — будучи не в силах расколоть маленький камешек, в ярости обратились против него самого и, подбросив его — словно камень из пращи, — зашвырнули на противоположную сторону оврага. Старец помог Георгакису выбраться из зарослей. Юноша был в жалком состоянии.

«В другой раз, — рассказывал Старец, — когда мы с ним беседовали, он вдруг вскочил, схватил меня за руки и заломил их мне за спину. “Пусть Хаджи-фенди²¹, если может, придёт и освободит тебя!” — прошипел он. Я воспринял эти слова как богохульство — чуть дёрнул руками: вот так — и он отлетел в сторону. Тогда он высоко подпрыгнул и хотел ударить меня ногой, но его нога, словно натолкнувшись на невидимое препятствие, остановилась в нескольких сантиметрах от моего лица. Бог меня уберёт.

Я оставил этого несчастного на ночь у себя в келье. Бесы, разъярившись на него за то, что он не смог меня победить, утащили его вниз, в овраг, и там избили. Утром в жалком состоянии, израненный, весь в земле и колючках, он вылез из оврага и признался: “Это сатана избил меня за то, что я не смог тебя победить”».

Старец убедил Георгакиса принести ему свои магические книжки, чтобы их сжечь.

На какое-то время отец Паисий оставил Георгакиса у себя и — пока тот оказывал ему послушание — помогал ему. Старец выяснил, был ли Георга-

⁽²¹⁾ Так звали святого Арсения Каппадокийского жители Фарас. — Прим. пер.

кис крещён, и даже разузнал, в каком храме было совершено Таинство. Сила и Благодать Старца потрясли юношу, и ему захотелось стать монахом. Но монашеская жизнь оказалась ему не по силам.

Старец рассказывал другим о случае с Георгакисом, для того чтобы доказать, насколько велико заблуждение тех, кто считает, что все религии равны, что все они верят в одного и того же Бога, а между тибетскими и православными монахами якобы нет никакой разницы.

Поездка в Австралию

В 1977 году, по приглашению Православной Церкви в Австралии, Старец Паисий вместе с тогдашним игуменом монастыря Ставроникита отцом Василием посетил Австралию, чтобы духовно помочь живущим там грекам.

Старец рассказывал: «В самолёте я вдруг почувствовал в себе изменение и спросил, над какой страной мы летим. Оказалось — над Сирией. Эта страна имеет многую Благодать — из-за тех подвижников, что подвизались в её пустынях. То же самое я почувствовал и над Святой Землёй.

Потом я вдруг ощутил холод, некое демоническое “излучение”, и тут стюардесса объявила, что мы пролетаем над Пакистаном.

А когда мы прилетели в Австралию, у меня было такое чувство, что эти места ещё не освятились мученической кровью и преподобническим потом, но что это произойдёт».

В Мельбурне Старец остановился в доме ныне почившего иерея Иоанна Лимоянниса. Днём Старец беседовал с людьми, готовя их к Таинству Исповеди. Дочь отца Иоанна, Деспина, вспоминает: «Старец Паисий был мудрый человек. Он знал о твоих проблемах ещё до того, как ты начнёшь ему расска-

зывать. Он весь благоухал — и сам, и даже комната, в которой он жил. Моя больная мать говорила: «Мы принимаем у себя святого человека, который приносит нашему дому благословение. Ходит он так, что шагов не слышно. Да ведь это просто ангел без крыльев! На лице у него видна Божественная Благодать. С того дня, как он у нас поселился, я стала чувствовать себя совершенно здоровой! Я ему кладу чистые полотенца, а он ими не пользуется — вытирает лицо собственным маленьким полотенчиком, и как оно благоухает!...»

«Старец советовал нам, — продолжает госпожа Деспина, — быть смиренными, молиться и просить у Благого Бога разрешения наших проблем. Он говорил, чтобы мы не пытались разрешать свои проблемы сами, потому что, делая это, мы лишь запутаем их ещё больше. Одно одеяло, которым укрывался Старец, моя мать хранила как святыню. Когда она была больна, то укрывалась этим одеялом и ощущала на себе многую Благодать Божию».

Отец Спиридон Вандорос, настоятель храма Святителя Нектария в Мельбурне, возил Старца Паисия на своей машине. Он рассказывает о следующем чуде: «Моему земляку, Дионисию Спилиотису, родом из города Аргостоли с острова Кефаллония, тогда было тридцать лет. Он был женат и имел двоих детей. У него случился инсульт в тяжёлой форме. Врачи сказали, что долго он не проживёт, а если и будет жить, то в состоянии комы. Когда Дионисий лежал в Королевской больнице Мельбурна, я привёз туда Старца Паисия. Старец много раз крестообразно осенил голову больного мощевиком-ракушкой, в котором были мощи святого Арсения Каппадокийского, и помолился за него. Через несколько дней, к изумлению и восторгу врачей и родных, Дионисий в совершенном здравии был выписан из

больницы и возвратился домой. Он до сих пор живёт в местечке Дроманна недалеко от Мельбурна».

Когда Старец посетил Австралию, протосингелом Австралийской архиепископии был архимандрит Стефан — в настоящее время игумен монастыря Пресвятой Богородицы «Всецарицы». Его Высокопреподобие вспоминает: «Посещение приснопамятным Старцем Паисием Австралии было тихим, негромким — поскольку в то время большинству он был незнаком. На меня особое впечатление произвёл вот какой случай. В один из вечеров мы со Старцем приехали в небольшой храм. Оставив его в храме, я вышел по делу и почти сразу — всего через несколько минут — вернулся в церковь. Но Старца там не оказалось. Я позвал его по имени, но мне никто не ответил. Я позвал ещё два-три раза, но снова — молчание. Я забеспокоился, закричал почти в полный голос. Вдруг вижу, как он выходит из-за дальних стасидий храма. У него был такой вид, словно он выходил из иного мира. Я сделал вывод, что за это короткое время Старец духовно погрузился в молитву. Черты его лица, казалось, изменились. Он словно выходил из внемирного пространства, которое было ему хорошо знакомо и в которое он был способен перемещаться посредством молитвы. Конечно, тогда обо всём этом ни я, ни он даже не упомянули. Однако я оценил его духовное достоинство, понял, что за человек был в тот момент рядом, каково было его духовное величие. Благословение его и молитва да будет с нами. Он нас любил. Когда он уехал, мы чувствовали близ себя его присутствие. В своём монашеском правиле, молясь по чёткам, я призываю его имя».

Один грек из Австралии рассказывал, что, когда Старец выходил из алтаря храма, к нему приблизилась женщина и попросила его благословения.

Старец рукой стал делать ей знак, чтобы она уходила, отгонял её от себя. В недоумении она спросила: «Это Вы мне, Геронда?» — «Да». — «За что? Что я сделала?» — «Пойди сперва помирись со своей двоюродной сестрой и потом приходи», — ответил Старец. И действительно, эта женщина поссорилась со своей двоюродной сестрой и даже не разговаривала с ней.

Будучи в Австралии, Старец подчёркивал необходимость основания там монастырей, чтобы они духовно помогали людям, опережая и одолевая разных йогов и пятидесятников, которые своим лже-светом сбивают людей с пути.

Посещение Старцем далёкого континента оставило неизгладимый след в сердцах живущих там православных греков. Один священник из Австралии рассказывал: «Мы чувствуем, что он словно благословил Австралию на четыре стороны горизонта. Христиане, знавшие Старца, по праву чтут его память и призывают его благодать и помощь».

Ночной посетитель

Старец рассказывал, что вскоре после возвращения из Австралии произошёл такой случай. «Как-то поздним вечером я услышал стук в дверь и, спросив: “Кто там?” — услышал в ответ имя своего знакомого. Потом голос из-за двери спросил: “Сколько сейчас времени?” — и сам же ответил: “А, знаю. Три”. Я посмотрел на часы — действительно, было три²². Я открыл дверь и — увидел диавола! Он был лысый и очень уродливый, с лицом красным, как медь. В гневе диавол сказал мне: “За то зло, кото-

⁽²²⁾ По византийскому времени, то есть около девяти часов вечера по-европейски. На стене коридора Старец написал: «3 часа» — и нарисовал стрелку, которая, вероятно, указывала на место, где стоял диавол.

рое ты мне делаешь, я тебя отсюда выгоню!” После этих слов он исчез, оставив после себя невыносимое зловоние».

Старцу было настолько больно за то жалкое состояние, до которого дошёл диавол, что, рассказывая об этом, он долгое время глубоко вздыхал и, скорбно качая головой, говорил: «Во что же превращается тот, кто удаляется от Бога! До какого жалкого состояния довело себя лучшее из творений Божиих! Если бы люди знали, какой диавол вонючий и гадкий, то все бы его презирали и никто бы не грешил».

Личина явившегося Старцу диавола было настолько отвратительна, что Старец говорил, что если бы было возможно, то он желал бы, чтобы те, кто идут в адскую муку, по крайней мере, не видели его лица.

Явление Христа

Старец рассказывал иеромонаху Г.: «Молясь Христу, я ощущал некое затруднение. Вот Матерь Божия — Она для меня как родная Мать. Святая Евфимия — тоже родная. Я её зову: “Святая ты моя Евфимьюшка!..” А молясь Христу, я чувствовал затруднение. К Его иконе я прикладывался со страхом. И когда во время Иисусовой молитвы мой ум иногда отходил от Христа, меня это не расстраивало. “Кто я такой, чтобы постоянно иметь свой ум во Христе?” — говорил я себе. И вот произошло то, о чём я хочу тебе рассказать.

Был вечер после праздника Обретения главы Честного Предтечи, канун памяти святого апостола Карпа²³. Я чувствовал себя невесомым, воздушным. Никакой охоты спать у меня не было, и я подумал:

⁽²³⁾ 26 мая 1977 года.

“Дай-ка я сяду напишу что-нибудь про батюшку Тихона и пошлю это сёстрам в Суроти”. До восьми тридцати по-святогорски я написал около тридцати страниц. Спать мне не хотелось, но я решил прилечь, потому что немного устали ноги.

Начало светать. До девяти по-святогорски (примерно шесть утра по-мирскому) я ещё не уснул. И тут я увидел, как исчезла одна из стен моей кельи (та, что в сторону мастерской, возле неё стоит кровать). Я увидел Христа — в Свете, на расстоянии примерно шести метров от меня. Я видел Его сбоку. Волосы Его были светлыми, а глаза голубыми. Он мне ничего не говорил, только смотрел — но не прямо на меня, а как бы чуть в сторону.

Я всё это видел не телесными глазами. Тут телесные глаза открыты ли, закрыты ли — никакой разницы нет. Я всё это видел глазами душевными.

Увидев Его, я подумал: “Как же они могли в такое Лицо плевать? Как же они — не боявшиеся Бога люди — могли к такому Лицу прикоснуться? Как они могли вколачивать в это Тело гвозди? О, Боже мой!..”

Я был поражён. А какую я испытывал сладость! Какое радование! Я не могу описать словами эту красоту. Она была тем, о чём говорится: “*Красён добротою пáче сынóв челове́ческих*”. Вот какой была эта красота. Я никогда не видел ничего подобного ни на одной из Его икон. Одна только, не помню уже, где я её видел, — была немного похожа.

Человеку стоило бы подвизаться тысячу лет ради того, чтобы увидеть эту красоту хотя бы на одно мгновение. О, сколь великие и неизреченные вещи могут быть дарованы человеку — и какими ничтожными пустяками мы занимаемся!

Я верю, что это явление было подарком, который мне сделал батюшка Тихон. Ты только об этом ни-

кому не рассказывай. Я и тебе-то долго думал, говорить или не говорить. И видишь, пока ты у меня был — столько времени не говорил ничего, сейчас только решился, когда ты уходишь»²⁴.

Через два дня, вновь встретившись с иеромонахом Г., Старец сказал ему: «Я всю ночь проплакал. И зачем я тебе только это рассказал! Я не боюсь, что ты передашь это другим, нет. Но сам я, рассказав тебе об этом, потерпел ущерб».

Одна из сестёр монастыря Суроти, почувствовав, что со Старцем произошло что-то необыкновенное, написала ему: «Такого-то мая, в таком-то часу... Остальное Вы расскажете нам сами». И действительно, приехав через какое-то время в Суроти, Старец рассказал сёстрам об этом событии и описал Явившегося ему Христа. По его точным описаниям монахини-иконописицы написали икону Господа.

Рыба, посланная Богом

Старец рассказывал: «Был воскресный день, Неделя о слепом. Я чувствовал себя

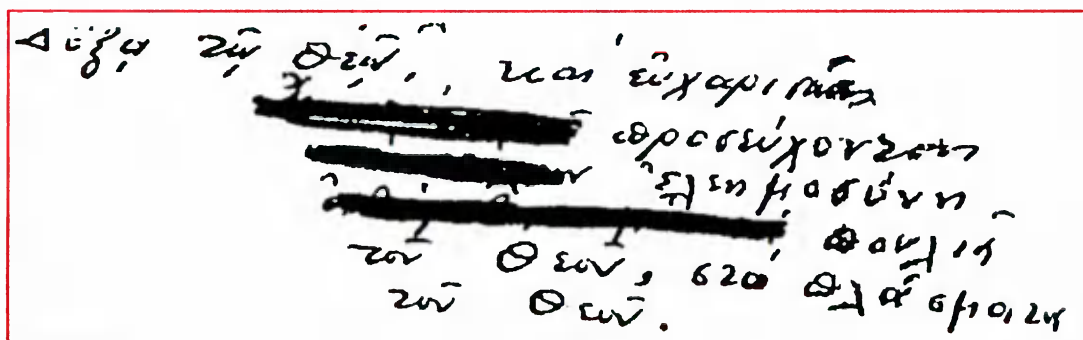
измождённым, и у меня появился помысел о том, что если бы я поел немного рыбки, то это пошло бы мне на пользу. Мне захотелось рыбы не по похоти чревоугодия, но как лекарства. В то время у меня были проблемы и с кишечником. Потом мне понадобилось сходить в соседнюю келью. На обратном пути я увидел большую птицу, похожую на орла. Она летела так низко над землей, что я нагнулся, чтобы она меня не ударила. Я испугался, что эта птица могла быть дьявольским искушением, и поэтому, не обращая на неё внимания, быстро вошёл в свою келью.

Вскоре мне вновь понадобилось выйти из каливы. На том месте, где мы с птицей едва не столкнулись,

⁽²⁴⁾ Записано иеромонахом Г. со слов Старца 28 мая 1977 года.

я увидел большую живую рыбу. Она лежала на земле и билась. Я сначала осенил себя крестным знаменем, поблагодарил Бога и потом поднял рыбу. Но разве после такого очевидного чуда захочется эту рыбу есть?»

Чтобы не забывать об этом событии и всегда помнить о Промысле Божиим, Старец на деревянной спинке своей кровати очень художественно изобразил орла, держащего в когтях большую рыбу. Кроме этого, в Цветной Триоди на полях страницы, где находится служба Недели о слепом, Старец описал это событие. Однако впоследствии по смирению, не желая, чтобы оно было известно другим, этот кусочек страницы он оторвал. И всё же часть записи осталась на странице, потому что если бы Старец оторвал и её, то были бы также уничтожены песнопения, напечатанные на обратной стороне. Для того чтобы запутать смысл, Старец зачеркнул некоторые слова из оставшейся записи и прочесть их удалось с трудом. Вот эта запись:

То есть:

«Слава Богу и благодарения (тем, кто) молятся
(и посылают) милостыню (без шума) с птицами
Божими созданиям Божиим»²⁵.

⁽²⁵⁾ В скобки взяты слова, зачёркнутые Старцем.

Дороги и автомобили

Около 1977 года разгорелся спор об использовании автомобилей на Святой Афонской Горе. Между насельниками Святой Афонской Горы не было согласия. Одни настаивали на том, чтобы на Афоне появлялось больше автомобилей и они широко использовались, потому что таким образом монахи получают пользу и якобы выгадывают время для молитвы. Другие были убеждены, что для блага Святой Горы, для того чтобы не было утеряно безмолвие и не был искажён природный облик Афона, необходимо прекратить прокладывать новые дороги, и машины со Святой Афонской Горы должны быть удалены.

Старец поддерживал вторых. Он выражал своё мнение с дерзновением и ясностью. Он говорил: «Если они хотят удобств подобного рода, то пусть перейдут в монастырь, находящийся в миру, и не разрушают Святую Афонскую Гору. Будет меньшим злом, если сами они потеряют в миру своё девство, чем если, оставшись на Святой Горе, разрушат девственность этого священного места. Даже по хребту Святой Афонской Горы они собираются проложить дорогу — так, чтобы она пересекала всю Святую Гору на две части. Ты только послушай! Ну неужели они этого не понимают? Это всё равно что, если можно так выразиться, рубить по афонскому хребту топором. А к чему это приведёт? Многие туристы будут на машинах кататься по всей Святой Горе, а найдутся ещё и такие, что будут продавать прохладительные напитки. И Афонская Гора, которую Святые Отцы освятили своими подвигами, станет самым настоящим сумасшедшим домом...» Немного помолчав, Старец добавил: «Но Пресвятая Богородица не попустит того, чтобы Её Сад был разрушен...» Представители многих монастырей

приходили в каливу Старца, чтобы с ним посоветоваться. Старец, помимо решительных, но одновременно исполненных болью наставлений, даваемых представителям монастырей наедине, побудил их составить общее обращение — призыв запретить на Святой Горе дороги и автомобили. Старец сам подписал это обращение вместе с другими уважаемыми и видными святогорскими отцами. В конечном итоге, Священный Кинот решил, чтобы каждый монастырь ограничивался движением автомобилей на собственной территории. Но, к сожалению, это не только не изменило, но даже ухудшило положение дел. В конце концов, когда Старца уже не слушали, он со скорбью говорил: «Виновные за всё это дадут ответ Богу. [А нам сейчас] хватит и того, чтобы не соглашаться с ними и не участвовать во всём этом».

В то время Старец, побыв некоторое время в миру, возвращался на Афон. Была зима. Выпало много снега, и поэтому автобус из Кариеса не смог спуститься в Дафни за пассажирами, сошедшими с корабля. Большинство пассажиров были монахами. Все они сели в машину, принадлежавшую одному из монастырей, и стали уговаривать Старца Паисия, чтобы тот последовал их примеру. Но все их уговоры оказались тщетными. Старец в сопровождении одного юноши пошёл в Кариес пешком. Он был измождён и простужен, за плечами нёс довольно тяжёлый рюкзак. Снег всё валил и валил. Дойти в тот день до своей кельи он так и не смог. Лишь к позднему вечеру дошёл до Кариеса и там переночевал. Старец предпочёл трудности, лишь бы не разрушить делом того, что он утверждал словом.

Свою позицию по этому вопросу Старец не изменил до конца своих дней. Достоинно внимания то, что в последний день пребывания на Святой Горе перед отъездом Старца, незадолго до его кончины, 21 ок-

тября 1993 года, на престольном празднике в келье преподобного Христодула, когда после Литургии Старца о чём-то спросили, он сменил тему беседы и с непривычной для него жёсткостью стал обличать дороги и автомобили на Святой Афонской Горе. Старец, если можно так выразиться, хотел, чтобы его последние заветы ярко врезались в сердца его слушателей. Он как бы хотел «запечатлеть» то, во что верил.

Икона, излучающая свет

Был поздний вечер, канун памяти святого великомученика Артемия (19 октября 1978 года). Старец стоял на коленях и молился. У него над подушкой висела деревянная, обёрнутая в полиэтилен иконка Христа в том виде, как Он ему явился. Вдруг Старец заметил над подушкой некий Свет, словнодвигающийся луч фонарика, и, присмотревшись, убедился, что этот Свет исходит от иконы. Исполненный небесного радования, Старец долго с благоговением лобызал икону. Икона продолжала излучать Свет. Это чудесное явление продолжалось нескольких дней. Один святогорский монах приложился к этой иконе через восемь дней после того, как она начала светиться в первый раз, и видел этот сверхъестественный Свет своими глазами. Потом, желая духовно утешить кого-то, Старец подарил ему эту излучающую Свет икону.

«Святой, с которым поступили очень несправедливо»

Однажды Старец сидел на каменном приступке возле монастыря Ставроникита и беседовал с паломниками. Один из паломников, выпускник богословского факультета, утверждал, что авва Исаак Сирий был несторианином, и повторял — к несча-

стью для себя — известное западное воззрение по этому вопросу.

Старец Паисий пытался убедить богослова в том, что авва Исаак Сирин был не только православным, но и Святым и что его аскетические слова исполнены многой Благодатью и силой. Но попытки Старца оказались тщетными — «богослов» упрямо стоял на своём. Старец ушёл в свою каливу огорчённым и погрузился в молитву.

Когда он отошёл от монастыря совсем чуть-чуть и дошёл до места, где растёт большой платан, с ним, по его собственным словам, «произошло одно событие», описать которое подробно он не захотел. По одному из свидетельств, Старцу было видение: он увидел проходящий перед ним лик Преподобных отцов. Один из Преподобных остановился перед Старцем и сказал ему: «Я Исаак Сирин. Я весьма и весьма православный. Действительно, в той области, где я был епископом, была распространена несторианская ересь, но я с ней боролся». Мы не в состоянии подтвердить истинность этого видения или его отвергнуть. Во всяком случае, не поддаётся сомнению то, что происшедшее со Старцем событие было сверхъестественным. Это событие с ясностью и чёткостью известило Старца о православии и святости аввы Исаака.

Книга преподобного Исаака лежала в возглавии кровати Старца. Он читал эту книгу постоянно, и шесть лет она была его единственным духовным чтением. Он читал одну фразу из этой книги и целый день повторял её в уме, «работая» с ней глубоко и деятельно, по его собственному выражению, подобно тому как «жвачные животные жуют жвачку». В благословение приходящим Старец раздавал выдержки из слов святого Исаака, желая побудить людей к чтению его творений. Старец верил, что

«изучение аскетических трудов аввы Исаака приносит большую пользу, потому что оно даёт уразуметь глубочайший смысл жизни, и если у человека, который верит в Бога, есть малые или большие комплексы любого рода, помогает ему от них избавиться. В книге аввы Исаака содержатся многие духовные “витамины”, благодаря которым это чтение изменяет душу»²⁶.

Мирянам Старец тоже советовал читать авву Исаака, но — понемногу, чтобы усваивать прочитанное. Старец говорил, что книга аввы Исаака имеет такую же ценность, как целая библиотека Святых Отцов.

В том экземпляре книги аввы Исаака, которую читал Старец, под иконописным изображением Святого, где он держит в руках перо, Старец Паисий подписал: «Авва, дай мне твоё перо, чтобы я подчеркнул все слова в твоей книге». То есть Старец хотел сказать, что книга эта имеет столь великое достоинство, что стоит подчёркивать в ней каждое слово.

Старец не только читал слова аввы Исаака, но и испытывал к нему многое благоговение и особенно почитал его как Святого. На маленьком престоле храма его кельи «Панагуды» одной из немногих помещавшихся там икон была икона преподобного Исаака Сирина. От любви и благоговения к Преподобному, Старец дал его имя одному из монахов, которого постриг в великую схиму. Память преподобного Исаака Старец праздновал 28 сентября. Он сам установил, чтобы в этот день все отцы его круга совершали общее Всенощное бдение. На одном из этих бдений Старца видели в фаворском Свете, возвышенным и изменённым. До того как отцы начали

⁽²⁶⁾ *Старец Паисий Святогорец. Письма. Ук. изд. С. 60.*

праздновать память Святого 28 сентября, Старец подписал в Минее под 28 января (в этот день память преподобного Исаака Сирина совершается вместе с памятью преподобного Ефрема Сирина) следующие слова:

Τῇ ΚΗ' τοῦ αὐτοῦ μηνός, Μνή-
μη τοῦ Ὁσίου Πατρὸς ἡμῶν Ἐ-
φραίμ, τοῦ Σύρου. *и Исаак*
Тай мезидос *Нос хаггун*
свчч свчч *збичи рггун.*

«28 дня того же месяца память преподобного отца нашего Ефрема Сирина. и Исаака Великого Исихаста, с которым поступили очень несправедливо».

Бесовское множество

Старец рассказывал: «Я сидел у себя в келье и вдруг услышал звон колокольчика. Выглянул в окно и увидел жуткое зрелище: гуру, преподававший чёрную магию, стоял за калиткой моей кельи, а его сопровождала целая толпа бесов. Какой ужас! Ведь человек — это образ Божий. Можно понять, если за кем-то ходит только один бес, а то ведь целая бесовская армия! Я им не открыл. Да и зачем было открывать? Чтобы терять с ними время?»

Когда через несколько дней Старец пришёл в монастырь Ставроникита, отцы рассказали ему о странном посетителе, который заходил в монастырь на днях. Старец ничего не ответил.

Необычный защитник

Однажды к Старцу пришли несколько священников, духовники из мира. Они спрашивали его о том, как им относиться к грехам исповедующихся. Им хотелось без рассуждения применять акри-

вию и строгость Священных Канонов, соблюдая их буквально и не беря в расчёт покаяние кающихся. Старец отвечал, что мы должны относиться к людям снисходительно и с любовью. Духовники стояли на своём. Тогда Старец сказал им, что мы должны окружать любовью не только людей, но даже и змей.

Когда Старец говорил эти слова, к нему подползла большая змея и приподнялась вертикально, словно желая таким образом подтвердить справедливость слов Старца. Собеседники Старца уверились в правоте его слов, будучи убеждены столь необычной поддержкой.

**«Помолися, и небо
дождь даде»**

Однажды Старца посетил молодой монах-святогорец.

На прощание Старец сказал ему: «Давай сегодня ночью помолимся о том, чтобы пошёл дождь, потому что засуха принесла немало бед тем, кто живёт в миру. Посеянные хлеба засыхают от бездождия».

Монах ночью молиться не стал. Он не отнёсся к словам Старца всерьёз, а может быть, просто о них забыл. С вечера на небе не было ни облачка. Ночью монах услышал, как начался дождь. Он был восхищён дерзновением Старца к Богу и той Благодатью, которую Бог ему дал — подобно пророку Илии. Старец мог отверзать небеса своей молитвой, и «снѣде росá».

«Хорошо, что я не молился, — рассказывал потом этот монах, — возможно, потом помысел говорил бы мне, что дождь пошёл потому, что Бог услышал именно мою молитву».

Ангел Хранитель

Старец вспоминал: «Была память святого Исидора Пелусиотского²⁷. Из-за многих расстройств и огорчений я мучился сильными головными болями. От высокого давления у меня подёргивался глаз, была опасность инсульта. Я чувствовал себя так, словно кто-то изнутри бил молотком и хотел выйти наружу. Около девяти часов вечера (по мирскому времени) я лёг на кровать и увидел прекрасного Ангела, который как бы вышел из меня в образе двенадцатилетнего ребёнка. Его светлые пушистые волосы опускались до плеч. Он улыбнулся мне и нежно провёл своей рукой по моим глазам. Боль тут же прекратилась, исчезло и расстройство. Я чувствовал такую сладость! Захотелось, чтобы боль снова вернулась, — лишь бы ещё раз увидеть своего Ангела Хранителя».

Свидетельства паломников**Свидетельство
духовника
Старца**

Отец Павел (Зисакис), проигумен Великой лавры Афанасия Великого, свидетельствует: «С отцом Паисием я познакомился в детстве в начальной школе в Конице. Уже тогда он со многотой горячностью и ревностью подвизался ради христианской веры. Я приехал на Святую Гору чуть раньше отца Паисия, приходил к нему в келью. Мы с ним обсуждали духовные вопросы, а кроме этого, он у меня исповедовался. Он любил Бога и людей. Любил пустынноничество и подвижничество. Очень много подвизался. Он жил хорошей духовной жизнью, в крайнем посте и молитвах. Во всём был весьма благоговейным и последовательным».

⁽²⁷⁾ 4 февраля 1979 года.

**Поддержка
молодого монаха**

Святогорский Старец отец Николай (Тригонас) рассказывает: «Я познакомился со

Старцем Паисием в октябре 1968 года, когда он был ещё в Ставрениките. В монастыре он пел на клиросе и помогал на всех послушаниях, потом перешёл в каливу отца Тихона.

Когда в Ставрениките у меня были искушения, я приходил к Старцу Паисию в келью и беседовал с ним. Он мне говорил: “Я за тебя помолюсь”. Молясь, он имел великое дерзновение. После его молитвы три-четыре дня мне было хорошо и покойно. А было и так: я шёл к нему в келью и только доходил до ручья — все искушения исчезали.

Однажды Старец Паисий на месяц оставил меня у себя в келье — до приезда моего духовника отца Павла (Зисакиса). Каждую ночь, в полночь, он вставал и заводил будильник, чтобы звонок прозвучал через три часа. Он творил молитву Иисусову и забывал обо всём, его ум был восхищаем. Потом, через три часа, когда звонил будильник, он будил и меня и звал в храм на службу. Он читал Шестопсалмие, а всю остальную службу совершал по чёткам. Он делал много земных поклонов. Утром мы пили что-то горячее. Старец делал тиснённые иконки, а я готовил пищу. Тогда к нему ещё не приходило много людей. Помню, пришли три монаха-католика и стали спрашивать Старца о молитве Иисусовой. Он попросил меня сварить им вермишелевый суп. Угостил их, побеседовал. Я тоже спрашивал его об умной молитве. Он говорил мне: “Старайся творить молитву, и она сама тебя научит”.

В другой раз он послал меня по делу в одну из келий. Я задержался, и он пошёл меня искать. Он волновался и по дороге молился. Увидев его изда- лека, я спрятался в зарослях земляничного дерева.

Когда он приблизился, я увидел, что его лицо сильно сияет.

Однажды он пошёл в Ставроникиту на Божественную Литургию, за которой причастился Святых Христовых Таин. Когда он вернулся в келью, то я увидел в темноте его глаза — очень светлые и сияющие.

Помню, как-то я совершил одну хитрость, мошенничество, о котором ему ничего не сказал. Тогда он сам сказал мне: «Пойди и положи земной поклон на могиле Старца батюшки Тихона». — «А что я сделал?» — «Ты сам знаешь».

И ещё через несколько лет, на похоронах иеродиакона Дионисия Фирфириса я увидел, что лицо Старца Паисия сияет. Его образ в этот момент был преподобническим».

Незабываемое посещение

Свидетельствует житель города Волос, не пожелавший открывать своё имя: «В 1974 году, за неделю до турецкого вторжения на Кипр, мы вшестером приехали на Святую Гору, чтобы познакомиться со Старцем Паисием. Тогда он ещё не был столь известен. Пройдя по узкой заросшей тропинке, мы оказались возле его каливы, увидели пожилого монаха в потрёпанном подряснике, вскапывающего грядки. Один из нас спросил: “А где Старец Паисий?” — “Здесь”, — ответил он и открыл калитку.

Мы вошли в храм кельи и приложились к иконам. Снова выйдя во двор, мы увидели того же монаха, одетого более аккуратно. Мы снова спросили: “А где же отец Паисий?” — “Вы, — ответил он, — приехали поглядеть на большой арбуз, а нашли пустую бутылочную тыкву”. Тогда все мы поняли, что перед нами стоит сам отец Паисий.

Мы уселись под масличным деревом — кто-то сел на камни, кто-то на траву. Что последовало за этим, описать невозможно. Эта беседа была самым настоящим духовным пиршеством. На любой наш вопрос и недоумение Старец давал самый пригодный, самый просвещённый и самый духовный ответ.

Мы проговорили около часа. Вдруг из веток кустарника выползла огромная змея. Скорее всего, это была одна из разновидностей полоза — дендрогалия. “Змея!” — закричал один из нашей компании и приготовился бросить в неё камнем. Отец Паисий успокоил нас словами: “Не обижайте её, она приползает и сидит со мной за компанию”. Старец поднялся, взял консервную баночку, наполнил водой и поставил в стороне. Когда змея напилась, Старец сказал ей: “Сейчас уползай, у меня гости”. Тут же, оказывая послушание Старцу, змея исчезла в траве, так же тихо и неожиданно, как и появилась. Мы сидели, потеряв дар речи. Невозможно описать наши чувства. Этот случай и вся беседа со Старцем остались начертанными глубоко в наших душах. А кроме этого, Старец пророчески рассказал нам о событиях, которые последуют после вторжения турок на Кипр».

Молчание птиц Иеромонах Христодул (Капетас), старец Иверской кельи святых Петра и Онуфрия, рассказывал: «Мы слышали об отце Паисии, что он разговаривает с животными и птицами, берёт в свои руки змей, но я лично в это не верил, считал это мирскими слухами, которые распространяются ради того, чтобы Старец приобрёл себе имя. В начале июля 1971 года, когда я закончил Афониаду, мы с моим духовным братом Константином Литрасом посетили Старца Паисия в келье Честного Креста. Мы пришли ут-

ром, около половины десятого, и Старец принял нас в своём “архондарике под открытым небом” — под масличным деревом. Он принёс нам угощение: по сушёной смокве и по два-три орешка фундука, поставил по стакану воды — и стал беседовать на различные духовные темы.

В том месте, где расположена келья Старца, собиралось много соловьёв и других птиц, которые щебетали и пели, не умолкая. Они мешали нам, и Старец сказал: “Прервитесь (он не сказал “замолчите”), благословенные птицы, ведь вы видите, что я беседую с людьми! Когда закончу, тогда начинайте вы”. В то же мгновение птицы “прервались”, оставшись при этом на своих местах.

Происшедшее произвело на нас такое впечатление, что поддерживать беседу стало невозможным. Этот случай был и тайным ответом мне лично, ответом на те сомнения, которые у меня были относительно Старца Паисия. Пусть он простит меня за то, что я рассказываю об этом случае после его кончины. Я прошу его благословения и молитвы».

**Необычный
престольный
праздник**

Свидетельство епископа города Лимасол на Кипре митрополита Афанасия: «В сентябре 1977 года, в понедельник, накануне праздника Воздвижения Честного Креста, я пришёл к Старцу Паисию. Было раннее утро. Я постучал, и Старец мне открыл, он был очень радостным и благодушным. “А, слава Богу, что ты пришёл, дьякон, — сказал он. — У меня ведь завтра престольный праздник. Придут певчие, на обед я заказал очень вкусную рыбу. Только вот дьякона не хватало. Но сейчас — когда ты пришёл — праздник будет в полном порядке”. Потом он добавил: “Сегодня вечером ты останешься здесь”.

Я знал, что Старец не оставлял у себя на ночь никого, и, услышав эти слова, чуть не подпрыгнул от радости.

Мы пошли в церквушку, он велел мне привести в порядок святой престол. Я вытирал пыль, подметал коридор, делал другие работы, чувствуя очень большую радость. Около полудня мы сели есть. Он сделал чай, принёс сухарь и немного дикой травы со своего огорода.

На меня произвело впечатление то, как Старец молился перед трапезой. Читая *“Отче наш”*, он поднял руки и прочитал молитву с такой любовью и благоговением, словно действительно разговаривал с Богом.

Он отвёл меня в мою келью, и около часа я отдохнул. Потом мы совершили по чёткам малую Вечерню.

После малой Вечерни Старец сказал: “Гляди, дьякон, сейчас мы совершим бдение по чёткам, а утром придёт священник и отслужит нам Литургию. Ты умеешь молиться по чёткам? Я объясню, что тебе надо будет делать”. И он объяснил мне порядок Всенощного бдения по чёткам. По этому мудрому распорядку всё было предусмотрено так, чтобы ночью мною не овладел сон. Он сказал, чтобы я совершал по чёткам триста молитв *“Гóсподи Иисýсе Христé, помíлуй мя”*. Потом сто молитв Пресвятой Богородице. Потом ещё триста молитв Христу о живых. Сто молитв о живых Пресвятой Богородице. Потом чётку-трёхсотницу Христу об усопших. Потом сотницу об усопших Пресвятой Богородице. Потом чётку-трёхсотницу Честному Кресту и потом чётку-трёхсотницу с молитвой *“Слáва Тебé, Бóже наш, слáва Тебé”*. О подобном уставе Всенощного бдения я слышал впервые. Старец объяснил мне: “Последняя чётка — это славословие. Когда закончишь все эти чётки, начнёшь круг сначала”.

“Если услышишь шум, не бойся, — предупредил он. — Здесь возле кельи ходят дикие кабаны, шакалы и другие звери”. Он поселил меня в своём маленьком архондарике и сказал, что около полуночи позовёт в церковь, чтобы мы вместе прочитали правило ко Святому Причащению.

Я слышал, как время от времени за стенкой Старец глубоко вздыхает. Иногда он стучал в стену и спрашивал: “Эй, дьякон, ты не спишь? У тебя всё нормально?”

Ближе к часу ночи мы пошли в церковь. Он поставил меня в единственную стасидию, которая была в храме, и дал в руки свечу, чтобы я читал правило ко Святому Причащению. Сам он стоял слева от меня и произносил стихи к тропарям Канона ко Святому Причащению: “*Сла́ва Тебе́, Бо́же наш, сла́ва Тебе́*”. Каждый раз, говоря этот стих, он осенял себя крестным знаменем и совершал глубокий поясной поклон.

Мы дошли до тропаря “*Ма́рие, Ма́терь Бо́жия...*” Помню, едва я успел прочитать эти слова как почувствовал в себе что-то... не знаю, не могу это описать. Я остановился. Лампада перед иконой Пресвятой Богородицы начала раскачиваться — нерезко, от одного края иконы к другому, — и вся церквушка наполнилась Светом. Я видел текст правила к Святому Причащению без свечи и в какой-то момент подумал, что её можно погасить.

Я увидел, что, держа руки скрещёнными на груди, Старец пригнулся к самому полу. Он понял, что я хотел спросить его о том, что происходит, и сделал знак, чтобы я молчал. Я стоял в стасидии, а Старец — согнувшись — рядом со мной. Я чувствовал к Старцу такую любовь и благоговение, что ощущал себя находящимся в Раю. Мы пребывали в таком состоянии полчаса или час — точно понять я не мог. Я не знал,

что делать. Неосознанно я сам продолжал чтение правила к Святому Причащению, и, когда дошёл до молитвы *“От сквёрных устён...”*, потихоньку исчез этот необычный Свет, а потом перестала качаться лампада. Мы закончили правило и вышли в коридор. Старец посадил меня на скамейку, а сам присел рядом на сундучок. Мы молчали. Потом я спросил: “Геронда, что это было?” — “Что было?” — “Ну, лампада. Как лампада могла качаться так долго?” — “А что ты видел?” — “Я видел, как лампада перед иконой Матери Божией раскачивалась”. — “Ты видел только это?” — “И ещё Свет”. — “И всё?” — “Больше ничего не видел”. Думаю, если Старец спрашивал у меня о том, видел ли я что-либо ещё, то, наверное, сам он видел нечто большее. “Ну, ладно, ничего особенного в этом не было”, — сказал наконец Старец. “Да как же ничего особенного, Геронда! Ведь раскачивалась лампада, и был Свет!” — “Э, да разве ты не слышал, что в книгах написано, как Мать Божия посещает кельи монахов и смотрит, чем они занимаются? Ну вот, Она зашла и сюда, а увидев двух сумасшедших, решила их поприветствовать и покачала Своей лампадой”, — ответил Старец.

После этого Старец рассказал о различных пережитых им сверхъестественных опытах. Он сказал, что видел святую Евфимию и многое другое. Всё его прежнее нежелание говорить исчезло, и он рассказывал охотно. До утра мы беседовали на духовные темы. Он особо подчеркнул: “Я, дьякон, рассказываю тебе обо всём этом от любви, для того чтобы тебе помочь, а не для того, чтобы ты считал, что я что-то из себя представляю”.

В половине шестого пришёл священник, и Старец хотел, чтобы я принял участие в Литургии. Но диаконского облачения у него в келье не оказалось. Он принёс мне старый стихарь, взял одну епитрахиль,

сложил её подобно орарю и с помощью булавки укрепил у меня на плече. Потом он разыскал поручи и надел их мне на руки. В разноцветных пёстрых облачениях я был похож на клоуна, но это была самая прекрасная Литургия в моей жизни. Мы были только втроём: Старец, иеромонах и я.

Он оставил меня у себя до субботы. В один из дней он послал меня в Буразери²⁸, чтобы я повидался со своими земляками и пообедал у них. В другой раз он послал меня на трапезу в Ставроникиту — потому что у него в келье были только чай и сухари».

**Старец отвечает
«по-своему»**

Господин Феодор Хаджипатерас, владелец бакалейного магазина из города Ксанфи, свидетельствует: «Услышав об отце Паисии от одного студента, я посетил Старца в его келье и рассказал ему и о своей проблеме: “Геронда, у меня в магазине много мышей, и я расстраиваюсь. Никак не могу от них избавиться. Прошу тебя, помолись Богу, чтобы они ушли”. Я просил Старца об этом с душевной болью, потому что мыши портили продукты и вещи, постоянно было слышно, как они бегали наверху, на чердаке. Они постоянно прыгали на глазах у покупателей даже среди бела дня. У меня был большой радиоприёмник, который я привёз из Германии. Мыши забрались в него, устроили там гнездо, нарожали мышат, поели электромагнитные катушки... Старец ответил мне: “Благословенная душа! Из-за мышей мы будем беспокоить Бога?” Мне показалось, что он не придавал моим словам значение.

Я вернулся домой. Моя душа ликовала, лишь немного я расстраивался от мысли, что Старец не понимал меня, когда я рассказывал о мышах. Однако,

⁽²⁸⁾ Большая общежительная келья Святителя Николая недалеко от Кариеса. — Прим. пер.

придя к себе в магазин, я понял: что-то изменилось. Через два дня убедился, что мыши исчезли, не осталось ни одной. Я понял, что их прогнала молитва Старца.

Спустя время я начал ощущать большúю усталость, меня оставили силы, я очень похудел. После медицинского обследования три врача назначили мне лечение, потому что мой организм мучили какие-то микробы. Я лежал в кровати и не мог работать.

Я решил написать о своём состоянии Старцу Паисию и просил его, чтобы он ответил, нужно ли мне уезжать из Ксанфи [на лечение] или же оставаться здесь, доверившись Промыслу Божию и местным врачам.

На второй день лечения у меня начались сильные желудочные боли. “У тебя будет желудочное кровотечение, — сказал врач. — Тебе надо прекратить принимать лекарства”. Меня положили в стационар. Глубокой ночью я поднялся с кровати и без сознания упал на пол. У меня совершенно не было аппетита. Я таял, подобно свече. Врачи осматривали меня и ничего не говорили. Меня положили в больницу в четверг, а к вечеру субботы мне стало совсем плохо.

В воскресенье утром я проснулся, почувствовав в себе удивительную силу. Я позвонил жене, чтобы она забрала меня из больницы, — я не хотел уходить тайком, словно вор.

Врач сказал мне: “Ещё вчера твоё состояние было ужасным, а сейчас что-то действительно изменилось. Я ничего не понимаю, это необъяснимо”. Я ответил ему: “Произошло чудо, Бог сотворил чудо”. Я спрашивал себя, кто был посредником в этом чуде между мной и Богом? Я ел с аппетитом, и моя пища была смешана со слёзами умиления. На следующий день я пошёл на работу, не чувствуя ни малейшей

усталости. Всего за несколько дней я набрал килограммы, потерянные во время болезни.

В начале декабря вместе с моим другом, профессором университета, и одним из его студентов мы посетили Старца Паисия. Старец открыл нам калитку. Первым зашёл профессор, потом студент, они направились по тропинке к келье. Старец и я остались стоять у калитки. Старец спросил меня: “Как твои дела, Феодор? Сейчас ты здоров?” Я подумал, что он спрашивает меня, потому что я писал ему о своей болезни. “Да, Геронда, слава Богу, я чувствую себя очень хорошо”, — ответил я ему. По пути к келье он снова спросил: “Ты ведь получил моё письмо, не так ли?” Я остановился от неожиданности: никакого письма я не получал. Однако ещё до того, как я успел ему ответить, он сказал: “Да, я не писал тебе письма, но ответил тебе по-другому, по-своему”. У меня внутри словно разразилось землетрясение. Я понял, что Старец исцелил меня своими молитвами. Он вновь спросил: “Но ведь ты получил моё послание, не так ли?” — “Да, Геронда, — ответил я ему, — твоё письмо я получил”. Мы вошли в церковь, приложились к иконам, а потом я вышел во двор и долго плакал от волнения и умиления».

**Божественная
Литургия
в келье
Честного Креста**

27 октября 1978 года два святогорских монаха посетили Старца в его калитве. Один из них описал это посещение таким образом:

«Мы пришли к Старцу за час или два до заката солнца. Подойдя к калитке участка, огороженного провололочной сеткой, мы увидели, что из трубы кельи идёт дым и услышали оживлённую беседу. Из-за дровяной кучи появился отец Паисий. Он поглядел на нас, и мы ему поклонились. Сделав нам

несколько радостных жестов руками, он потихоньку подошёл к калитке, открыл её и впустил нас, кладя перед нами поклоны и стараясь поцеловать нам руки.

Спускаясь к келье, мы увидели молодого монаха из Ставреникиты, который готовил пищу на огне и плакал от дыма. Старец с улыбкой представил этого монаха: “Отец такой-то — повар престольного праздника”. — “Гляди, благословенная душа, не сожги мне еду”, — сказал он ему. Монах в ответ засмеялся. Мы поняли, что перед нашим приходом они беседовали о чём-то весёлом.

Мы вошли в церковь, приложились к иконам, а потом он провёл нас в свой архондарик и принёс угощение. Старец объяснил, что завтра, в день кончины отца Арсения Каппадокийского, они собирались служить в келье Божественную Литургию.

Мы немного помолчали, и вдруг Старец сказал: “Когда к батюшке Тихону приходили посетители в рясах, он спрашивал их, священники ли они и служат ли они Божественную Литургию. Если они отвечали “да”, то он славословил Бога. Если же кто-то из священников отвечал, что он не литургисает, отец Тихон очень огорчился — настолько сильно, что вы не можете даже себе представить”. Эти слова Старца очень удивили нас, потому что мой друг действительно был иеромонахом и уже давно не совершал Божественной Литургии, хотя канонических препятствий к этому не было. Мы переглянулись...

Мы долго беседовали со Старцем на духовные темы, а потом он предложил нам остаться в его келье на ночь. “Повар престольного праздника” принёс нам обед. Сам же Старец с монахом съели лишь несколько миндальных орешков, которые Старец растолок в маленькой ступке.

Утром из монастыря пришёл священник, и вместе с моим другом-иеромонахом они отслужили Божественную Литургию. Во время Литургии мы с отцом Паисием пели, причём отец Паисий пел очень радостно и весело.

С началом Божественной Литургии Старец шепнул мне на ухо, что в следующий раз поставит служить меня. Он словно хотел объяснить, по какой причине благословил служить Божественную Литургию моему другу, а не мне, хотя я был старше друга и по возрасту, и по хиротонии. “Я понял, — сказал мне Старец, — что в последнее время он не служил, и поэтому вчера, как только вы пришли, сказал вам, что говорил отец Тихон в подобных случаях”.

После Божественной Литургии священник и второй монах ушли в монастырь. Нас же Старец удержал у себя ещё несколько часов. Перед уходом мы почувствовали, что природа вокруг нас выглядит по-другому. Мы ощутили всё духовно. Было такое чувство, что зелёные деревца, росшие вокруг кельи, вот-вот заведут с нами какой-то разговор...»

**Бог обязан
помогать человеку**

Свидетельство господина Елевферия Тамиолакиса с острова Крит: «Однажды, обременённый многими обязанностями, я оказался в трудном положении и поехал за поддержкой на Афон — к Старцу Паисию. По сугробам, в сильную непогоду дошёл до его каливы и постучал в дверь. Старец тут же открыл. Завёл меня внутрь. “А я тебя ждал”, — сказал он. Конечно же, я не предупреждал его о своём приезде. Он усадил меня возле печки и не спеша стал готовить мне чай. Налив в маленький кофейник воду, он осенил себя крестным знаменем со словами: “Сла́ва Тебе́, Бо́же!” Потом, насыпав

в воду разных трав, снова перекрестился и произнёс: *“Сла́ва Тебе́, Бо́же!”* А поставив кофейник на огонь, снова осенил себя крестом с теми же самыми словами: *“Сла́ва Тебе́, Бо́же!”*

Пока, кроме “а я тебя ждал”, он не сказал мне ни слова. Глядя на Старца, я стал нервничать из-за его неторопливости, спокойствия: меня очень беспокоили мои проблемы. Когда чай был готов, Старец налил мне его в кружку и, взглянув простодушно и сочувственно, тихо спросил, что со мной происходит и почему у меня такой озабоченный вид. Находясь в нервном возбуждении, я стал решительно и напористо “выкладывать” перед Старцем свои проблемы, стараясь обратить его внимание на то, что люди в миру испытывают очень много затруднений. Старец чуть улыбнулся, отпил из кружки и совершенно бесстрастно ответил: “Ну и что ты переживаешь? Бог поможет”. Я разнервничался ещё больше. Я очень любил Старца, мог разговаривать с ним свободно и поэтому воскликнул: “Да уж ладно тебе, Геронда!.. Бог помогает раз, помогает два... Он что, обязан помогать постоянно?”

Тогда он серьёзно взглянул на меня и произнёс слова, поразившие меня как молния. “Да, — сказал он, — Бог обязан помогать постоянно”. Он сказал эти слова так уверенно, что было совершенно очевидно: он знал о том, что говорит “из первых уст”. Внезапно у меня внутри всё переменялось: исчезла нервозность, я успокоился, ощутил в себе безграничную тишину. У меня оставалось только одно недоумение, которое я ему и высказал: “А почему Бог обязан нам помогать?” Ответ, который дал Старец, мог дать только человек, который действительно чувствует себя Божиим чадом и имеет к своему Отцу дерзновение. Старец сказал: “Вот ты, родив детей, сейчас чувствуешь себя обязанным помо-

гать им, приезжаешь из Салоник на Афон в такую непогоду, идёшь ко мне, — и всё потому, что о них беспокоишься. Так и Бог, Который создал нас и для Которого мы — дети, — тоже заботится о нас, потому что Он чувствует необходимость нам помочь. Да, Он обязан нам помогать!”

Меня потрясла непосредственность его ответа. Вдруг куда-то исчезло всё то, что меня тяготило, и с этого момента я окончательно перестал тревожиться о будущем».

Прозорливость Старца

Свидетельство господина Апостолоса Папахристу, преподавателя богословия и церковного певчего из города Агринио: «Впервые я посетил Старца 12 сентября 1977 года в его келье Честного Креста. Раньше мы знакомы не были, но, увидев меня, он сказал: “Добро пожаловать, Апостолос!”

В январе 1979 года я посетил его вновь. Незадолго до этого моя двоюродная сестра помолвилась с одним юношей, и я спросил Старца, годится ли этот молодой человек для создания хорошей семьи.

Старец ответил: “Этот человек несправедливо обидел одну душу, и поэтому ничего путного из него не выйдет. Он пообещал жениться на девушке, однако оставил её, и та от расстройства пыталась покончить с собой. Она не умерла, но осталась парализованной. Если он не попросит у неё прощения за то, что сделал, то из него никогда не выйдет ничего путного”.

И действительно, до сего дня этот человек, несмотря на все свои старания, так и не смог создать семьи и преуспеть в жизни».

Забавные случаи и афоризмы Старца

Отличительными чертами Старца, о которых сказано

недостаточно, были его постоянные благодушные и весёлость. Весёлость — это добродетель, и в искреннем, естественном смехе нет ничего предосудительного.

Часто, желая утешить скорбящие души, Старец рассказывал весёлые, забавные истории, которые вызывали у слушателей живой, искренний смех. Но весёлость была и просто отличительной чертой его характера. Нередко за какой-то из его простых шуток скрывался глубокий духовный смысл. Старец играл словами, давал им своё собственное «этимологическое объяснение», выдумывал самые невероятные неологизмы. Однако делал это очень тонко, так, чтобы никого не ранить и не осудить. Из многих примеров мы выбрали несколько показательных²⁹.

* * *

Однажды Старца посетил человек, «помешанный» на древностях, музеях и тому подобном. Он попросил Старца показать ему «античные памятники его кельи». Желая рассеять пустоту запросов посетителя, Старец показал ему на одну обвалившуюся стену и шутя сказал: «Обратите внимание на эти античные руины. Они относятся к эпохе царя Навуходоносора».

* * *

— Геронда, откуда Вы берёте столько лукама? — спросил Старца ребёнок.

⁽²⁹⁾ Мы были вынуждены сократить несколько отрывков из этого раздела, так как некоторые из афоризмов Старца, основанные на омофоничности греческих слов, в русском переводе теряют смысл. — *Прим. пер.*

— Как откуда? Срываю с лукумовых деревьев! — ответил Старец и показал малышу на заросли кустарника вокруг каливы.

* * *

— Отче, чем ты здесь занимаешься? — спросил Старца человек, равнодушно относившийся к вопросам духовной жизни.

— Слежу за муравьями, чтобы они не ссорились, — ответил Старец.

В другой раз, когда равнодушные люди спросили Старца, чем он занимается ночью, он, показывая на звёзды, ответил: «Как чем? У меня послушание: каждый вечер зажигать на небе лампадки».

* * *

Однажды знакомая Старца Екатерина Патера вместе с господином Георгием Лагосом³⁰, профессором медицинского факультета университета города Янина, приехали в монастырь Суроти, чтобы увидеть Старца. Старец сказал госпоже Патера: «Сейчас ты приехала на зайце, а в другой раз приедешь на черепахе». И действительно, в следующий раз вместе с одной женщиной они заблудились и вместо пяти часов добирались часов девять-десять.

* * *

Однажды Старец хотел поцеловать руку у только что рукоположенного священника, но тот по смирению не давал ему этого сделать. «Если ты хочешь,

⁽³⁰⁾ Лагός (λαγός) — по-гречески значит заяц. — Прим. пер.

чтобы твоя рука была твоей собственностью, — сказал Старец, — то тебе не надо было становиться священником». После этого Старец поцеловал молодому священнику руку.

* * *

Однажды в Панагуде Старец работал на огороде. Он доставал из консервной банки из-под кальмаров лук-севок и сажал его в землю. Один «умник» с заложенными за спину руками подошёл к Старцу и спросил, что это он делает.

— Сажаю кальмаров, — ответил Старец.

— Ну и как, приживаются?

— Ну, а что же? Если сажать усами вниз, то приживаются.

* * *

Как-то раз перед началом пения Постной Триоди Старец сказал одному паломнику: «Ты когда-нибудь проезжал через “диодии”³¹? Те, кто через них проезжает — платит деньги. А мы — “проезжая” по Триоди — что-нибудь платим?» — имея в виду под платой за «проезд по Триоди» совершение какой-либо жертвы.

* * *

Когда Старец жил в Иверском скиту, его посетил знакомый юноша. На молодом человеке был костюм и очень красивый галстук. Старец — которому по душе было всё простое, — желая научить юношу простоте, без многих слов использовал для этого оригинальный и шуточный способ. Шутливым

⁽³¹⁾ Диодии — на греческих автомобильных дорогах место сбора налогов с водителей на некоторых пунктах. — *Прим. пер.*

тоном он спросил: «Слушай-ка, ты не одолжишь свой галстук вот этому ослику? Пусть горемыка тоже немножко порадуетя». Юноша снял галстук, и Старец, еле сдерживаясь от смеха, подвязал его на шею ослу. Благодаря такой шутке юноша получил урок и больше на Святую Гору в галстук не приезжал.

* * *

Порой Старец «юродствовал», то есть делал или говорил что-то внешне несуразное. Когда его посетил один духовно равнодушный человек, желавший лишь убить время и рассказать ему о «текущих событиях», Старец, поняв это, спросил его: «Ну, что нового на бирже? Как высоко поднялся курс фунта стерлинга?» Юродствуя, нестяжательный подвижник “интересовался” курсом валюты.

* * *

Однажды Старец попросил в монастыре, к которому относилась его келья, чтобы несколько дней его никто не беспокоил. В один из этих дней к нему пришла компания студентов. Они настойчиво стучали в клепальце у калитки, но Старец не открывал. Однако, когда студенты пролезли во двор под сеткой забора, Старец был вынужден выйти и спросить, что им нужно.

— Геронда, мы хотим с Вами побеседовать на духовные темы.

— Послушайте, ребята, ну на какие духовные темы можно с вами беседовать? Тут впору полицию вызывать. Что говорит Христос в Евангелии: *«Не входя́й двéрми, но прелáзйй ѓ́нуде...»* — на этом

Старец остановился и не досказал окончание евангельского стиха: «... той татъ есть и разбóйник»³².

* * *

А в другой раз через забор каливы Старца перелез один архимандрит. Старец по деликатности не сделал ему никакого замечания. Потом, шутя, он комментировал это так: “Ну, этот ладно — у него есть благословение лазать через забор. Ведь он — архи-мандрит (дословно начальник «мандры» — загона для овец).

* * *

Один паломник, грек, привёз к Старцу своих друзей-англичан и попросил его сказать им что-то в назидание. Конечно, Старец не знал английского языка, но, тем не менее, он нашёл замечательный способ, чтобы помочь европейцам с их эгоистичной уверенностью в себе задуматься о чём-то важном. Он сказал: «Скажи им, что мы — греки — иной раз пишем местоимение “я” со строчной буквы, тогда как они — всегда с прописной».

* * *

Один бесноватый заявил Старцу: «Аз есмь сый (по-гречески “он”). Пади ниц, поклонись мне». На что Старец ответил: «Никакой ты не “он” — дурень, ты самый настоящий “онос” (онос — значит по-гречески “осёл”)). В этом случае Старец обращался к бесу, который говорил устами одержимого.

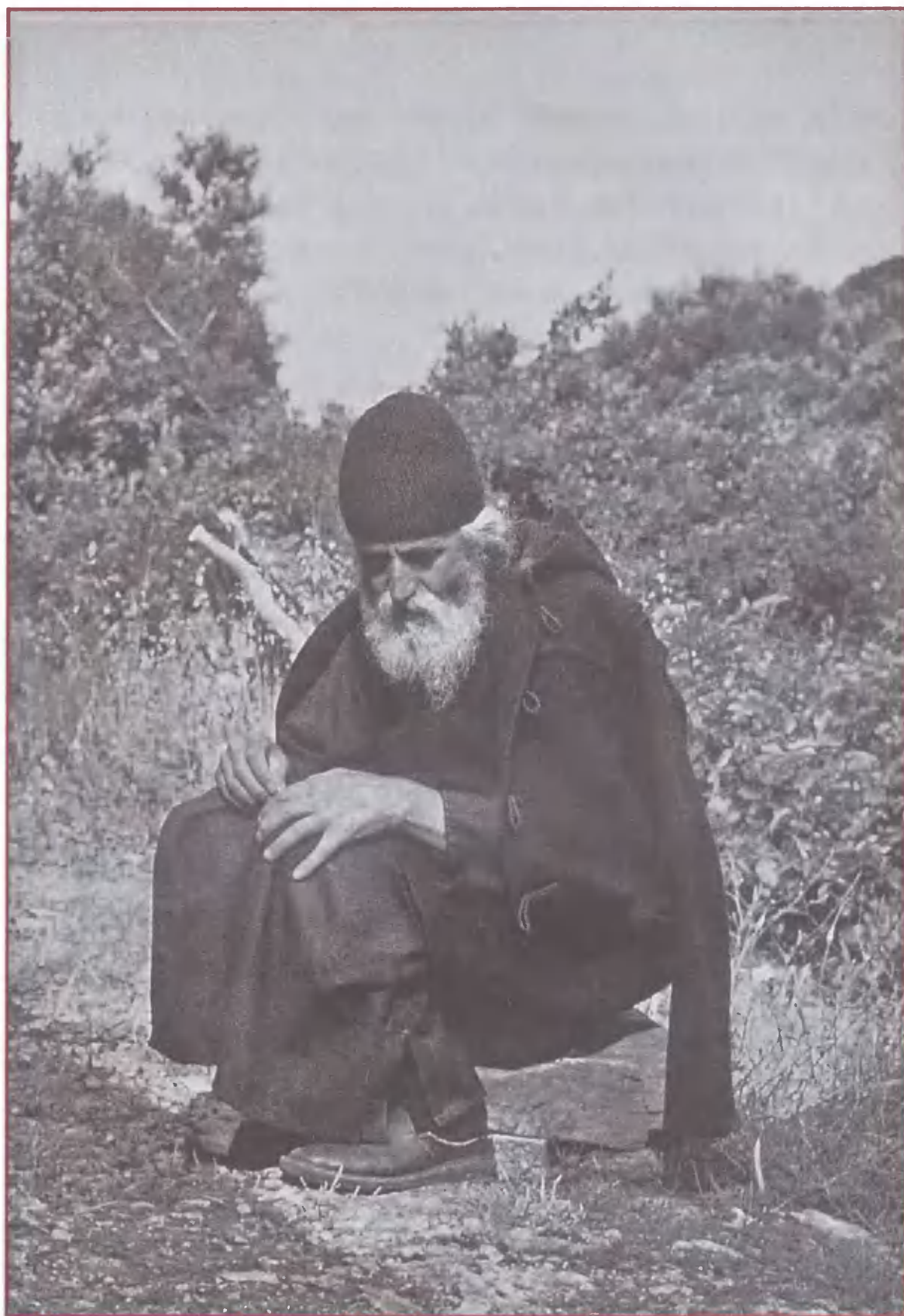
⁽³²⁾ Ин. 10, 1.

Один святогорский монах сказал Старцу: «Ты, Геронда, аскет». Старец с неудовольствием спросил его: «А что значит аскет?» И сам же ответил: «Аскет — значит тот, у кого нет крова³³, тогда как у меня есть калива. Следовательно, я и кров имею, и к аскетам не отношусь».

⁽³³⁾ Игра слов: ἄσκητις — греч., аскет, подвижник; ἄσκετις — греч., тот, у кого нет крова.

глава двенадцатая

**В «ПАНАГУДЕ»:
ОТДАНИЕ СЕБЯ ТЕМ,
КОМУ БОЛЬНО**

Во дворе “Панагуды”. 5 июня 1983 года.

Переселение в келью «Панагуда»

Проведя одиннадцать подвижнических лет в каливе Честного Креста, отдавая себя все эти годы людям, Старец впоследствии решил уйти из этой кельи. Для ухода была серьёзная духовная причина. Ища себе келью, Старец хотел поселиться на Капсале вместе со слепым румынским монахом старцем Миной, чтобы упокоить его старость. Но монастырь, которому принадлежала келья старца Мины, не дал на это благословение. Идя по капсальским тропам, Старец со слезами просил: «Пресвятая моя Богородица, у Тебя для всех находится место в Твоём саду — неужели не найдётся для меня?»

27 февраля, в день, когда ранее ему было видение святой Евфимии, отец Паисий с помощью старца Иоакима нашёл себе новое место для подвигов: келью «Панагуда». До этого «Панагуда» считалась домом при винограднике монастыря Кутлумуш. Это событие Старец воспринял как благословение святой Евфимии и с умилением благодарил Святую за её заботу. Братья монастыря Кутлумуш, обрадованные переходом Старца, с готовностью удовлетворили его прошение и предоставили ему келью «Панагуда». Взяв из монастыря Ставроникита от-

пускную грамоту, Старец получил омологию на «Панагуду», которая с этого момента стала считаться не домом при монастырском винограднике, а отдельной кельей.

Келья «Панагуда» находится на вершине небольшого холма среди густой растительности, недалеко от тропы, соединяющей Кариес с Иверским монастырём, напротив скита святого Пантелеимона. Храм кельи занимает её юго-восточный угол, он освящён в честь Рождества Пресвятой Богородицы (поэтому келья и называется «Панагуда» — то есть «малая Панагия»¹). Храм расположен справа от коридора — сразу возле входа. Слева — напротив входа в храм — дверь в келью самого Старца. Далее по коридору ещё два помещения: правое Старец переделал в архондарик, а слева устроил себе мастерскую. Дверь из архондарика выходит на балкон, с которого открывается вид на Кариес.

Несмотря на то что Старец искал безмолвную келью в южной части Святой Горы, он пошёл на жертву ради паломников и поселился в месте, которое было для них более доступно, — в Панагуде. Эта маленькая аккуратная келья находится неподалеку от Кариеса. Это было удобно приходившим к Старцу людям: они могли ночевать в расположенных неподалёку монастырях. То есть многие паломники, приходившие к Старцу, могли распределяться по нескольким монастырям, чтобы тяжесть их приёма не падала лишь на какую-то одну обитель.

От одного родничка Старец подвёл к «Панагуде» пластиковый шланг с водой. Однако в летние

⁽¹⁾ Обычно «Великой Панагией» называются храмы и обители, посвящённые Успению Пресвятой Богородицы, «Малая Панагия» (или «Панагица», «Панагуда» (на севере Греции) — уменьшительно-ласкательная форма от слова «Панагия») — храмы и обители, посвящённые Её Рождеству. — *Прим. пер.*

месяцы воды не хватало, поэтому Старец починил старую подземную цистерну, которая наполнялась зимой. Он огородил участок вокруг каливы проволочной сеткой, оставив два входа. Также он возделал крохотный огородик, в котором посадил несколько корней многолетней дикой капусты. Кроме этого, каждый год он сажал на своём огорожке лук, салат-латук и несколько кустов помидоров. Других овощей он не выращивал.

Калива была старой и запущенной, в ней многого не хватало, многое было недоделано. Не было дверей, окон и потолков, в полу зияли дыры, а сквозь кровлю сочилась вода. С огромным трудом Старец взялся за самое необходимое из ремонта. Денег у него не было, да и от других он принимал их неохотно. Весь день он трудился, а вечером целый час шёл пешком в келью своего ученика, где ночевал, пока не починил свою каливу. Туда он перенёс из кельи Честного Креста и свои немногие вещи. В ремонте Старцу помогал вышеупомнутый ученик и отцы монастыря Кутлумуш, которые выделили мулов для перевоза строительных материалов. Прежде всего Старец постарался привести в порядок храмик своей каливы, а после этого келью (комнату) для себя, чтобы в ней ночевать.

Однажды, идя в «Панагуду» и еле волоча ноги от усталости, Старец думал: «Если бы в “Панагуде” была, по крайней мере, кровать, чтобы я мог немножко отдохнуть!» Дойдя до «Панагуды», он увидел, что пока его не было, кто-то из монахов из старой двери сколотил ему аскетический лежак.

Помимо утомительных трудов в течение целого дня Старец принимал людей. Он готовил цементный раствор, но, когда приходили люди со своими проблемами и затруднениями, садился с ними и их выслушивал. Возвращаясь к работе, он видел, что

раствор уже затвердел и надо было готовить новый. Однако Старец не роптал. «Люди испытывают такие муки! Да пропади он пропадом, этот цемент», — говорил он, стараясь не замечать усталости и одновременно отвлекая людей от их скорби. Он лез перекрывать крышу, но видя, что пришли паломники, снова спускался вниз. Паломники уходили, и Старец вновь лез наверх, чтобы продолжить работу. Так продолжалось до тех пор, пока он не переселился в «Панагуду» окончательно. Однако и впоследствии, жертвуя собой, он часто оставлял необходимые работы ради приходивших к нему людей.

Святые Пантелеимон и Лукиллиан

Был вечер 2 июня 1979 года. Старец только перевёз в «Панагуду»

свои вещи и ещё не успел их разобрать. Он готовился совершать Вечерню и спросил помогавшего ему монаха, память какого Святого совершается на следующий день. Монах не помнил, но пообещал, что скажет об этом завтра, когда придёт продолжать работу. Вскоре он поспешно ушёл, потому что уже смеркалось.

О том, что произошло после, Старец рассказывал так: «Минеи были у меня сложены в коробках. Я искал очки, чтобы посмотреть, какой Святой празднуется на следующий день, и очков не находил. Чтобы не терять времени, я начал совершать Вечерню по чёткам, говоря: “Святые дня, молитесь Бога о нас”. Потом поднялся в полночь и с фонариком около получаса снова пытался найти в книгах, какой Святой сегодня празднуется — но безрезультатно. “Ну всё, — сказал я, — Полунощницу я пропустил”. Чтобы не потерять в поисках целую ночь, я снова начал молиться по чёткам: “Святѣи Бѣжи, моли́те Бѣга о нас”, не называя при этом Святых дня поимённо.

Тогда я увидел святого великомученика Пантелеимона, который шёл в мою келью и вёл ещё какого-то Святого.

— Кто ты? — спросил я второго Святого.

— Святой Лукиллиан, — ответил он.

Не помня, чтобы у нас в Церкви был такой Святой, я переспросил:

— Лукиан?

— Нет, Лукиллиан.

— Как? Лонгин? — спросил я вновь.

— Лу-кил-ли-ан, — повторил Святой в третий раз, медленно произнося своё имя.

После этого, обратясь к святому великомученику Пантелеимону, святой Лукиллиан попросил его посмотреть, зажили или нет мои раны, которые остались от операции. Святой Пантелеимон в белом фартуке, как врач, подошёл ко мне. Ощупав мне грудь в том месте, где была сделана операция на лёгких, святой Великомученик ответил святому Лукиллиану: «Всё нормально. Имей в виду результаты этого исследования, когда придёт время выдавать ему диплом»».

Святые исчезли, а Старец, славословя Бога и благодаря Святых, зажёл свечу и нашёл в книгах, что, действительно, в тот день, 3 июня, Церковью совершалась память святого мученика Лукиллиана.

Утром, когда пришёл помогавший Старцу монах, Старец с улыбкой спросил его: «Ну что, святой Лукиллиан?» — и рассказал о явлении ему прошедшей ночью Святых.

Прочтя житие святого Лукиллиана, Старец изумился от следующего «совпадения»: пространное житие святого Лукиллиана, рукопись которого находится в библиотеке Иверского монастыря, помещено в Синаксарий святого Никодима Святогорца под 27 февраля — то есть в тот самый день, когда

ранее Старцу являлась Святая Евфимия. Эта связь между святыми Мучеником и Великомученицей, перед которой он испытывал столь великое благоговение, а также близость мучений этих святых по времени и, особенно географически, доставляли Старцу сугубую радость.

После этого явления Старец пошёл в Кутлумушский скит и поклонился иконе святого великомученика Пантелеимона. Старец говорил, что икона в проскинитарии храма очень похожа на Святого.

После этого Старец ежегодно почитал память святого Пантелеимона и поместил его икону в храм своей кельи.

Это чудесное событие утешило Старца и прогнало ту усталость и расстройство, которые были у него при переселении из одной кельи в другую.

**«Утешайте
люди моя»**

Теперь поток спешивших к Старцу паломников изменил направление и вместо кельи Честного Креста тёк в «Панагуду». Этот поток становился всё более и более полным. Прежде места вокруг «Панагуды» были тихими и безлюдными. Теперь можно было видеть, как люди разного возраста и общественного положения спускаются и поднимаются по тропе, пересекающей большой луг под Кутлумушским монастырём. Движение паломников особенно усиливалось в час, когда приходил автобус. Большинство пассажиров с нетерпением спешили к келье Старца, чтобы попасть к нему первыми, спрашивая встречавшихся на пути: «Мы правильно идём к отцу Паисию?», «Старец у себя?», «У него много людей?».

Старец принимал людей целый день. Он выносил им угощение и жертвовал многими часами своего времени, чтобы выслушать их, чтобы взять на себя их крест, их боль, чтобы дать им совет, отругать, ис-

целить или даже просто развлечь. При этом он совсем не брал в расчёт того, что сам ещё не отдыхал после Всенощного бдения, что был голоден, что ему хотелось пить, что он был больным и уставшим. Однако особенно дорого общение с народом обходилось ему, потому что оно прерывало и уменьшало его молитву, от которой он не мог оторваться. Старец в буквальном смысле слова был палим желанием безмолвия и непрерываемого общения с Богом. Однако его чуткое и полное любви сердце не позволяло оставить без утешения тех, кто к нему приходил, — *«труждающихся и обременённых»*.

Поэтому Старец с рассуждением постарался совместить служение людям и безмолвническую жизнь. Это удалось ему превосходно. Его благодатная прозорливость, позволявшая видеть как расположение приходивших к нему людей, так и степень серьёзности их проблемы — часто ещё прежде, чем они к нему обращались, — а также некоторые чрезвычайные Божественные события были теми безошибочными «регуляторами», которые позволяли Старцу правильно сочетать безмолвие и служение людям.

Согласно одному свидетельству, однажды отец Паисий был очень уставшим, а кто-то из паломников не переставая звонил в колокольчик у его калитки. Когда Старец пошёл открывать, он увидел своего Старца, блаженнопочившего батюшку Тихона. Отец Тихон с довольным видом стоял за проволочным ограждением и говорил ему: «Я радуюсь тому, что ты принимаешь людей». Это событие ещё больше склонило Старца на служение людям.

Но время шло, и число посетителей умножилось настолько, что превосходило границы его сил. Старец по секрету рассказывал одному из своих близких: «Я не распоряжаюсь самим собой. Живу

по распорядку других. Раньше мой ум погружался в молитву. Сейчас я переживаю проблемы людей [как свои собственные]. Часто я даже вскакиваю от них во сне!»

С другой стороны, Старец осознавал, что, по крайней мере, большинство из тех, кто к нему приходил, очень нуждались в его помощи. В связи с этим он говорил: «Не думайте, что люди приходят сюда для того, чтобы просто провести время. У них огромные проблемы. И знаете, что заставляет меня продолжать жить так, как я живу сейчас? То, что некоторые из этих душ получают помощь. Я, скажем так, хотел стать монахом, для того чтобы жить в неизвестности. Только вот люди не дают мне осуществить эту цель. Один старец сказал мне: “У тебя, отец Паисий, епитимья: принимать людей и их утешать”. Только вот не знаю, как всё это рассудит Бог».

Конечно, сам Старец сердцем и душой желал жить один, в безмолвии, и молиться. Он ощущал, что посредством безмолвия и молитвы приносит своим братьям нечто большее и качественно иное.

Поэтому, видя, что количество посетителей постоянно увеличивается, Старец был вынужден принять некоторые меры. В летние месяцы он днём на несколько часов удалялся в лес, зимой — закрывался в келье. В эти часы он, главным образом, читал Псалтирь, молясь о страдающих людях. Но, конечно, бывали и исключения, когда, «извещённый» о каком-то серьёзном и срочном случае, Старец нарушал свой устав и выходил из затвора или из леса к людям.

Он задумывался даже и о более «кардинальном» решении проблемы — переселении — хотя бы на какой-то достаточно большой срок — в безмолвное место, пусть и вне Святой Афонской Горы. Он принимал предложения о переселении в безмолвные и

неизвестные людям места даже из-за границы — из Америки.

Но вдруг в его отношении к этому вопросу произошла резкая и очевидная перемена. Раз и навсегда он прекратил любимые уходы в лес и сократил часы затвора. Когда кто-то с недоумением спросил его об этой перемене, он ответил намёком, процитировав изречение из книги пророка Исайи: *«Утешáйте, утешáйте лю́ди Моя, глаго́лет Бог»*², давая понять, что получил такую заповедь. Согласно одному из свидетельств, Старцу явилась Пресвятая Богородица и сказала ему: «Моё дело — охранять ваши границы, и Я это делаю. Так и ты: принимай всех людей без исключения, потому что они испытывают нужду». Старец смиренно послушался Пресвятую Богородицу и по Её заповеди принял послушание служить тем, кто испытывал боль.

Он принимал у себя всех. Но, несмотря на это, мир его не изменял: не делал его мирским. Наоборот: Старец, Благодатью Божией, преображал людей. Происходило это не только потому, что он жертвовал собой, отдавая себя людям, но и потому, что, преуспевая и духовно восходя от силы деятельной в силу созерцательную, он переживал великие сверхъестественные события. Используя свой безмолвнический опыт, он уделял молитве ночь и те часы днём, когда удавалось побыть одному. Оставаясь один, он молитвой передавал человеческие просьбы Богу, а будучи с людьми, проповедовал им Христа. Бог и страдающие люди: вот два полюса, вокруг которых стала теперь вращаться вся его жизнь.

⁽²⁾ Ис. 40, 1.

**Явление святого
великомученика Власия**

Архимандрит Августин (Кацабирис) неоднократно просил Старца помолиться о том, чтобы ему (Старцу) явился новоявленный Святой — священномученик Власий из Склавен.

Отец Августин желал увидеть лицо этого новоявленного Святого, для того чтобы написать его икону.

Было 21 января 1980 года. Вечер с воскресенья (Недели о блудном сыне) на понедельник. Ночью, молясь у себя в келье по чёткам, Старец увидел, как перед ним в свете появляется неизвестный Святой, облачённый в монашескую мантию. Рядом со стеной кельи Старца, над печью, появилось изображение руин какого-то монастыря. Почувствовав неопишемую радость и веселье, Старец подумал: «Что же это за Святой?» Тогда он услышал голос из церкви: «Это святой Власий из Склавен».

Желая отблагодарить Святого за честь, которую он ему оказал, Старец поехал в Склавены и поклонился источающим Благодать святым мощам Священномученика. Можно сказать, что отец Паисий поехал к Святому с ответным визитом. Кроме этого, Старец издалека показал отцу Августину то место, где в древности был построен монастырь Святого, потому что наступала ночь и пойти туда они не могли.

Рассказ господина Апостолоса Папахристу: «20 мая 1980 года Старец Паисий остановился в моём доме в Агринио с тем, чтобы от меня поехать в Склавены и поклониться мощам святого Власия. Старец захотел сделать это после того, как Святой явился ему в его келье. Старец провёл в нашем доме одну ночь. Мы постелили ему чистые белые простыни, но утром было видно, что он на них не ложился. Когда мы приехали в Склавены, он сделал перед мощами

Святого земные поклоны и, приложившись к ним, наставлял тех, кто находился вокруг».

Впоследствии Старец заказал в монастыре Святой Троицы, что в селении Коропи в Аттике, икону святого Власия, описав монахине-иконописице характерные черты внешности Святого. Икона пришла ему по душе, поскольку Святой был изображён точно таким, каким он ему явился. «Видно, что эта монахиня имела благоговение и писала икону с молитвой и постом», — сказал он.

Каждый год Старец чтит память святого Власия, один совершая у себя в келье Всенощное бдение. Он праздновал его память не 11 февраля, как установлено, но 19 ноября — в день его мученической кончины.

Благоухание от иконы «Достойно есть»

Старец рассказывал:
«В понедельник Светлой Седмицы я сидел

в архондарике своей кельи и творил молитву Иисусову. Вдруг я почувствовал необыкновенно сильное благоухание, вышел в коридор, чтобы посмотреть, откуда оно исходит, потом пошёл в церковь — но благоухание шло не оттуда. Я вышел из каливы во двор. Здесь благоухание чувствовалось сильнее. Потом я услышал, как бьют в деревянное било. Поглядев в сторону Кутлумушского монастыря, я увидел, как вниз идёт Крестный ход, и понял, что это благоухание исходит от иконы Пресвятой Богородицы».

В понедельник Светлой Седмицы в окрестностях Кариеса совершается Крестный ход с чудотворной иконой Божией Матери «Достойно есть». Крестный ход спускается от монастыря Кутлумуш до кельи святых Апостолов, так называемой «алипиевской». Келья «Панагуда» отстоит от «алипиевской» кельи на расстоянии примерно одного километра. С этого

расстояния Пресвятая Богородица, если можно так выразиться, послала Старцу Своё приветствие.

Мощи святого Космы Прота

В начале Рождественского поста 1981 года были обретены мощи святого преподобномученика Космы Прота (то есть протоэпистата Святой Афонской Горы). Святой преподобномученик принял мучения от латиномудрствующих в XIII веке. И вот, по истечении стольких веков, его святые мощи были обретены в протатском храме в Кариесе.

На следующий день после обретения мощей Старец Паисий приехал на Святую Афонскую Гору из мира. Приехав в Кариес, он пошёл в протатский храм, с благоговением поклонился святым мощам и почувствовал от мощей неизреченное благоухание. Он говорил, что даже земля от гроба святого Космы благодатна, потому что она пропиталась Благодатью от его святых останков.

На следующий год в неделю Торжества Православия в протатском храме было совершено всеафонское Всенощное бдение в честь святого Космы. На этом бдении присутствовал и Старец Паисий. Во время службы он видел, как с крыши храма над святой головой преподобномученика изливается Свет. Всем своим существом Старец устремился к этому невидимому для других Свету и наслаждался им.

«Коза» на чердаке

Однажды Старец оставил у себя на ночь одного молодого монаха и положил его спать на деревянную скамью, стоявшую в коридоре. Шерстяное покрывало, которое лежало на этой скамье, Старец покрыл одеялом, а под голову монаху положил свернутый в рулон неиспользованный коврик. Получилось прекраснейшее подвижническое ложе. Шутя,

Старец говорил этому монаху: «Тот, кто спит на такой подушке, видит видения». Утром на следующий день он с улыбкой спросил монаха: «Ну, как ты спал? Видений не было?»

— Нет, Геронда.

— А «коз» (то есть бесов) тоже не видел?

— Их тоже не видел.

— Вчера, — серьёзным тоном сказал Старец, — из полицейского отделения в Кариесе сюда приходил один унтер-офицер. Когда мы беседовали, то слышали, как на чердаке блеяла одна «коза».

Залитая Светом келья

В 1982 году, в самый день Пасхи, двое монахов, духовные чада Старца Паисия, зашли в келью «Равдухос» для того, чтобы поздравить с Пасхой старца кельи диакона Иоанна и спеть «Христос Воскресе». Отец Иоанн спросил отцов, не справляли ли они Пасху в келье Старца Паисия.

— Нет, — ответили те. — Мы праздновали Пасху в Кутлумуше, вместе с нами был и Старец.

В недоумении отец Иоанн рассказал им о том, что произошло. Вместе с другими отцами они праздновали Пасху в одной из соседних келий. Когда они уже расходились, то увидели в келье Старца Паисия «Панагуде» множество возжжённых свечей. Вся келья была залита светом. Это было необыкновенное светлое зрелище! Находясь под впечатлением увиденного, Старец Иоанн сказал другим отцам: «Поглядите-ка, как торжественно Старец Паисий празднует Пасху! А мы закончили так рано».

Однако в ту пасхальную ночь в «Панагуде» никого не было — даже самого Старца. Кто знает: что это был за свет, что это были за огни?

Когда Старцу рассказали об этом, он смиренно ответил: «Это произошло по Промыслу Божию для

того, чтобы известить отца Иоанна. Некоторые посетители, идя в мою келью, по дороге заходят к нему и беспокоят его, спрашивая, как ко мне пройти, и, возможно, как человек, он когда-то возроптал или вознегодовал. Поэтому Бог и показал ему этот Свет».

Обетование Пресвятой Богородицы

Однажды Старец увидел сон: будто он, отправляясь в долгое путешествие, готовил необходимые документы. Вместе с ним готовили документы и другие люди, тоже собирающиеся в путь. Вдруг явилась прекрасная и величественная Жена, облачённая в золотые одежды. Она взяла у Старца его документы, положила их Себе за пазуху и сказала, что Сама их оформит, только пока ему не время уезжать, ещё рано. Незадолго до этого Старец молился так: «Пресвятая Богородица, мой загранпаспорт и мои документы ещё не готовы», имея в виду, что он ещё не готов к отходу в иную жизнь.

В скором времени Старец поехал в Иерусалим. Будучи в Гефсимании, он с изумлением, которое заметили и его спутники, узнал в лике Пресвятой Богородицы на Её иконе «Иерусалимская» ту Госпожу, Которую видел во сне. Так он осознал, что ему явилась Пресвятая Богородица и что долгое путешествие, которое ему предстоит, есть отход в жизнь иную, но час для этого пока не пришёл.

Поездка на Святую Землю и на Синай

В 1982 году Старец посетил Святую Землю и «свято поклонился святыне». Это была его первая и единственная паломническая поездка в Иерусалим. Он с восхищением рассказывал о великой Благодати, которая разлита на Святой Земле, особенно на Голгофе и на Всесвятом Гро-

бе Господнем. Когда Старец поднялся для поклонения на Святую Гору Фавор, то, по его собственным словам, во время молитвы с ним «произошло одно событие»³. Потом Старец показал сторожу Фаворского храма точное место Божественного Преображения Спасителя.

В Назарете Старец увидел одного тайного христианина-еврея, который подошёл, с благоговением сняв шапочку, к источнику Пресвятой Богородицы и выпил святой воды, стараясь остаться незамеченным. Старец говорил: «Среди евреев немало тайных христиан, которые боятся исповедать веру, чтобы не быть гонимыми. А впоследствии примут Крещение ещё больше евреев, и они будут нашими лучшими друзьями».

На Елеонской горе Старец попросил сопровождавших его отцов из Святогробского братства дать ему какое-то время помолиться одному. Он упал на колени перед камнем, где с тревогой молился Господь, перед тем как Его взяли под стражу, обнял этот камень так сильно, словно прирос к нему, и с рыданиями молился там долгое время. Сторожа этого места, римо-католика по исповеданию, молитва Старца потрясла.

Старец сказал: «На Святой Земле на меня произвели впечатление три человека. Один, ныне почивший епископ Назарета, владыка Исидор, другой — отец такой-то» (этот отец до сих пор жив), а имя третьего Старец по какой-то причине открывать не захотел.

После Иерусалима Старец поехал на Синай, чтобы духовно помочь монастырю святой Екатерины. Кроме этого, и сам он хотел пожить там некоторое время. «Я хочу вспомнить старое, а также дать не-

⁽³⁾ Один человек слышал от Старца, что он видел там Свет.

множко отдохнуть моим соседям-келиотам на Святой Горе, которые устали от множества людей», — говорил он.

На Синае Старец нашёл удобное место для проживания — пустынную келью, посвящённую Покрову Пресвятой Богородицы, с крохотной церковкой и маленькой комнаткой. «Однако я видел, что у меня нет сил [для такой жизни]. Да и сама пустыня изменилась, она была уже не такой, какой я знал её раньше. Бедуины уже не были мирными и спокойными, как тогда. Сейчас они понакупили себе автомобилей, отвёрток, радиоприёмников... Теперь беспокойный мирской дух видишь и там, в Синайской пустыне. Сейчас больше безмолвия внутри монастырских стен Синайского монастыря, а не за ними — в пустыне».

Поэтому Старец на Синае надолго не задержался. Он духовно помог монастырю и возвратился на Святую Афонскую Гору.

Действия Божественной Благодати

Старец рассказывал: «Когда человека посещает Бо-

жественная Благодать, он чувствует взыграние сердца. Однажды я молился четырнадцать часов без остановки и вместо усталости чувствовал радость, веселье! Но в какой-то момент мне подумалось, что я уже немолод, что у меня не хватает двух рёбер, и поэтому мне надо надеть специальный пояс и верёвкой привязать себя к крючку на потолке, хотя у меня и были две деревянные рогулины, чтобы опираться на них подмышками. То есть, на самом деле, я и без пояса мог бы продолжать молитву, мог бы отдаваться ей столько, сколько она шла. Но где там! Замедлив в этом помысле, я тут же, как подкошенный, повалился на пол. Вот тут-то

ощутилась вся накопленная за четырнадцать часов усталость! Минут пятнадцать я неподвижно лежал на полу. Бог словно говорил мне: “Тебя удерживает Моя Благодать, а не твой пояс”. И разве скажешь, что мой помысел был греховный или что в нём был эгоизм? [Нет]. Я просто подумал “по-человечески”: раз я нахожусь в таком телесном состоянии, то мне надо быть внимательным. А что уж говорить, если бы я принял помысел гордый! Такой помысел изгнал бы Божественную Благодать полностью. Видите, насколько тонка духовная жизнь и сколь много в ней необходимо внимания».

* * *

И ранее, живя в келье Честного Креста, Старец пережил подобное событие. Он рассказывал о нём 27 октября 1978 года так: «Однажды я много часов подряд молился, стоя на ногах. Я не только не чувствовал усталости, но, напротив, ощущал невыразимую радость — настолько большую, что не хотел прерывать молитву. Желая продолжить молитву так долго, насколько возможно, я пошёл в келью, чтобы опоясать себя толстым поясом. Однако, не успев даже взять пояса в руки, я упал на пол и скрутился в клубок. Бог удерживал меня столько часов, а когда я захотел “приложить” [к Его силе] свою собственную человеческую силу и заботу, Он отобрал от меня силу Свою, чтобы показать мне действительную цену моего собственного старания».

* * *

В другой раз Старец рассказывал: «Во время бдения в одном монастыре я очень замёрз и думал

о том, что, причастившись, пойду после Божественной Литургии к себе в келью и, чтобы согреться, укурюсь тремя-четырьмя одеялами. Однако, как только я причастился, по всему моему телу стало разливаться тепло. Я чувствовал, как Божественная Благодать распространяется у меня внутри подобно тому, как постепенно становится всё теплее и теплее электрический обогреватель».

***Видение молящегося
ребёнка***

Старец рассказывал: «Когда-то я просил Бога, чтобы Он показал мне, как нужно молиться. И вот я увидел в видении одного знакомого ребёнка. Он стоял на коленях и со слезами исповедовал Богу свои грехи. А после этого он воздевал руки и обращался к Богу с просьбой. Это видение поразило всё моё существо и я воскликнул: “Боже мой, прости меня, я ещё не научился молиться”. Поэтому хорошо, чтобы молитва начиналась исповедью нашей жизни вообще. А после исповеди пусть будет прошение, внутри которого — славословие и благодарение».

***«Христе мой,
благослови меня...»***

26 марта 1984 года со Старцем произошло событие, о котором спустя несколько дней он рассказывал так: «Устремив взор на икону Христа, я молился и вдруг почувствовал в себе какое-то изменение. Падая ниц, я воскликнул: “Христе мой, благослови меня!” Тут же я почувствовал благоухание, которое наполнило всю мою келью и долго не уходило. У меня там лежал пыльный, грязный коврик — так вот даже он стал благоухать. Я стоял на коленях и лобызал даже этот пыльный коврик».

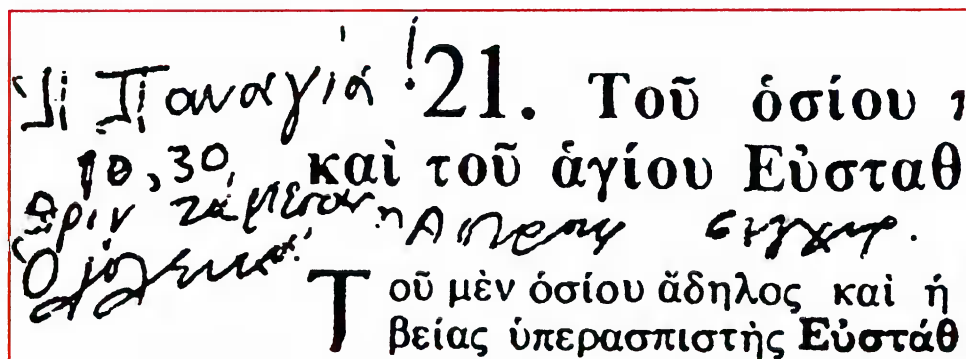
Страшное видение 11 апреля 1984 года, во вторник Светлой Седмицы, около двенадцати часов ночи, Старцу было видение, связанное со страшным преступлением — абортami. Он рассказывал об этом видении многим. Свидетельства о нём опубликованы и в других книгах, но мы помещаем его здесь ввиду необыкновенной важности этой темы, которая беспокоит многих. Возможно, узнав о видении Старца, получит пользу чья-то душа. Итак, Старец рассказывал: «С вечера я возжёл две свечи, как обычно зажигаю их с молитвой о тех, кто страдает душевно и телесно. В числе страждущих — и души усопших. Эти свечи горят и когда я сплю. И вот я увидел страшное видение. Передо мной открылось поле пшеницы, которая ещё не начала колоситься. Колосья только-только наливались силой. Стоя за оградой этого поля, я ставил на неё свечи об упокоении усопших. Слева простиралась неровная, гористая и сухая местность, которая сотрясалась от сильного гула, от тысяч душераздирающих криков, которые могли тронуть даже самое жестокое сердце. От этих душераздирающих криков у меня обливало сердце кровью, но я не мог понять, что происходит. И тут я услышал голос: “Поле, засеянное ещё не начавшей колоситься пшеницей, — это усыпальница душ усопших, которые воскреснут. В месте же, сотрясающемся и дрожащем от душераздирающих криков, находятся души детей, убитых абортami”.

Видение кончилось, но я уже не мог прийти в себя от страшной боли за души этих детей. Лечь отдыхать я тоже не мог, несмотря на то что очень устал, потому что накануне мне пришлось долго идти пешком и стоять на ногах».

Пресвятая Богородица Старец рассказывал⁴:

«Прошлым Великим постом мне явилась Пресвятая Богородица. Она была облачена в белое. Она сказала, что в мире произойдёт много всяких событий, поэтому мне надо позаботиться о том, чтобы сделать кое-что...»

Пресвятая Богородица явилась Старцу возле северо-восточного угла его каливы. Увидев Божию Матерь, Старец смиренно произнёс: «Пресвятая моя Богородица, и место это грязное⁵, и сам я грязный». Однако после того явления он благоговел даже перед местом, на котором стояли ноги Пречистой Богоматери. Он хотел посадить на этом месте цветы, чтобы туда никто не наступал. В Часослове под 21 февраля он так, чтобы никто не понял, с сокращениями, сделал запись об этом чудесном событии:

21. Τοῦ ὁσίου, καὶ τοῦ ἁγίου Εὐσταθίου τοῦ μέγαν Ἀπριλίου. Τοῦ μὲν ὁσίου ἄδηλος καὶ ἡ βείας ὑπερασπιστῆς Εὐστάθιος

То есть:

«Пресвятая Богородица! В десять тридцать перед полночью, Вся в белом, в сияющих одеждах...»

Об антихристе, числе 666 и новых удостоверениях личности

Отец Паисий разделял тревогу людей, помогал им найти ответы на мучившие их вопросы. Среди вопросов, которые особенно

⁽⁴⁾ Произнесено 21 февраля 1985 года.

⁽⁵⁾ Старец сказал так, вероятно, потому, что иногда выбрасывал на это место очистки от фруктов.

беспокоили верующих в то время, была и проблема новых удостоверений личности. Ещё до того, как эта проблема встала в Греции столь остро, Старец, когда он считал необходимым, говорил людям о знамениях времён и об антихристе. Впоследствии, когда на продуктах и товарах широко распространился штрих-код с числом 666, когда Греческое правительство стало делать шаги к выдаче новых удостоверений личности, которые — как оказалось позже — должны были содержать на себе магнитную ленту, число 666 и изображение дьявола, Старец стал говорить на эту тему больше.

В то время говорить на эти темы было опасно — как из-за возможности ошибиться и впасть в прелесть, так и из-за различных противодействий. Духовники с прекрасным богословским образованием избегали ответов на вопросы об антихристе, числе 666 и новых удостоверениях личности и посылали людей узнать мнение Старца Паисия. Вначале даже внутри Церкви возникло смущение, поскольку подавляющее большинство духовных лиц, за исключением нескольких светлых примеров, относилось к происходившему равнодушно, тогда как некоторые клирики и иерархи — к счастью, их было немного — выражали по этому поводу прельщённые взгляды.

Старец Паисий занял по этому вопросу однозначную позицию, он говорил на эту тему ясно и недвусмысленно. Он не только отвечал на многие вопросы верующих в личных беседах с ними, но и написал в 1987 году своё известное письмо «Знамения времён — 666»⁶. Это письмо с облегчением при-

⁽⁶⁾ Отсылаем читателя к посланию Старца, вышедшему в «самиздате», а также к листовке, содержащей отрывки магнитофонной записи беседы со Старцем на данную тему (Издание Воскресенской кельи. Капсала, 1995). См. также *Старец Паисий Святгорец*. Слова. Ук. изд. Т II. С. 181–200.

няли многие верующие, они руководствуются им и по сей день. Многие, прочитав его, пересмотрели свои взгляды и согласились со Старцем. Предвидя, что его мнение по этому вопросу будет востребовано и в будущем, Старец написал это письмо собственной рукой и поставил под ним свою подпись, чтобы не дать никому возможности внести в него какие-то изменения. Свои взгляды по этому вопросу Старец Паисий не изменил до кончины.

Всё сказанное и написанное Старцем на эту тему было плодом его молитвы, духовной чуткости и внутреннего извещения. Он хотел, чтобы мы жили духовной жизнью, были хорошо информированы о том, что происходит, и готовы пойти на жертвы. С одной стороны, нам не следует быть равнодушными, с другой — поддаваться панике и тревоге. Мы должны отличаться духом исповедничества, который понадобится нам в соответствии с тем положением, которое занимает каждый из нас.

Юношей и девушек, которые спрашивали Старца, следует ли создавать семью в связи с тем, что могут произойти апокалиптические события, Старец побуждал создавать семьи и трудиться, поскольку, как говорил он, и в годы гонений христиане поступали так же.

«Годы, которые мы переживаем, — говорил Старец, — это трудные годы. Разразится гроза. И пока она будет продолжаться, нам надо будет помучиться, а может быть — и пойти на мученичество. Пережить это время можно будет, только живя духовно. Отчаиваться не надо. Эти трудные годы — благословение, потому что они вынудят нас жить ближе ко Христу. Эти годы — благоприятная возможность для большего подвига. Нынешняя брань не будет войной с помощью оружия. Это будет духовная брань, война с антихристом.

Он постарается «*прельстѣти, аще возмѡжно, и избранныя*»⁷. Всё происходящее будет контролироваться Зверем из Брюсселя. После введения кредитных карт и новых удостоверений личности лукавым образом будут наносить печать, станут вынуждать людей принять печать на руку или на лоб. Покупать, продавать, пользоваться различными услугами смогут только те, кто будет иметь печать. Верующим людям, отказавшимся от печати, придётся нелегко. Поэтому уже сейчас нам надо приучать себя жить просто и, если есть возможность, иметь для нужд своей семьи участок земли, несколько масличных деревьев или скотину. Тяжёлые времена продлятся три — три с половиной года. Бог не оставит людей без помощи».

Некоторые говорили: «Ну и что страшного в том, что я приму печать. Я осенью свой лоб знамением Креста», или «я получу новое удостоверение личности и нарисую на нём крестик», или «в душе я от Христа отрекаться не буду». Старец, показывая ущербность логики и поведения таких людей, говорил следующее: «Если бы нынешние христиане со своей логикой жили во времена мучений, то у нас в Церкви не было бы ни одного мученика. Первые христиане совершенно не брали в расчёт [человеческую] логику, но непреклонно исповедовали Христа и горели желанием мученичества. Их пытались соблазнить высокими санами и званиями, им говорили: “Скажи только, что ты не христианин, а в душе веруй в Бога; брось на жаровню немного ладана, сделай вид, что ты приносишь жертву богам, и после не приноси никакой жертвы; сделай вид, что ешь идоложертвенное, а сам ешь чистое, неосквернённое мясо; не проповедуй Христа в этом месте, иди

⁽⁷⁾ Мф. 24, 24.

в другое”, и, несмотря на всё это, христиане никак и ничем не отрекались от Христа. Они с радостью спешили мученичеством засвидетельствовать свою любовь ко Христу. Они были палимы Божественным рачением.

Церковь должна занять и выразить правильную позицию. Она должна выразить протест в связи с происходящим и потребовать от государства, чтобы новые удостоверения личности, по крайней мере, не были обязательными. Церковь должна объяснить происходящее верующим, должна дать им понять, что принятие нового удостоверения личности будет падением».

Суммируя сказанное Старцем на эту тему, можно сделать следующий вывод: он был убеждён в том, что «за спиной ЕЭС кроется диктаторский режим сионистов. Такую жестокую диктатуру мог выдумать только диавол. Печать антихриста — это отречение. Даже новое удостоверение личности — это уже отречение. Если у них на удостоверении личности изображён символ диавола — число 666⁸, и я ставлю на этом удостоверении свою подпись, то значит, я это принимаю. Это отречение — всё предельно ясно. Принимая диавольский символ, ты отрицаешься от святого Крещения, ты принимаешь иную печать, отрицаешься от печати Христовой и приемлешь печать диавола. Число 666 на денежных купюрах — это дело другое — *«воздадите ўбо, яже кёсарева, кёсареву...»*⁹. Другое дело — удостоверение личности, которое является чем-то личным.

Даже если человек примет печать антихриста по неоправданному неведению или равнодушию, он

⁽⁸⁾ См.: Апок. 13, 18.

⁽⁹⁾ Лк. 20, 25.

тоже теряет Божественную Благодать и принимает бесовское воздействие».

Таковой, в немногих словах, была позиция Старца. Он говорил на эту тему ясно, недвусмысленно и твёрдо — до самой кончины. Сейчас он руководит и учит людей своими писаниями.

Благоухание от святых мощей

Старец рассказывал: «Однажды вместе с иеромонахом Паисием мы шли по тропинке, и вдруг оба почувствовали сильное благоухание. Я понял, что где-то рядом погребены мощи святого подвижника. На другой день я пошёл на это место один и заметил точное место, откуда исходило благоухание. Я собирался раскопать могилу и обрести эти святые мощи, но потом — на это была причина — оставил их погребёнными».

Операция по удалению грыжи

Однажды, когда Старец штамповал на прессовальном станке деревянные иконки, от перенапряжения у него открылась грыжа. Внутренняя оболочка его брюшной полости разорвалась подобно куску ткани. Так, ко многим крестам Старца добавился ещё и этот. Однако он не сиделся ни во время многочасовых Всенощных бдений, на которые приходил в некоторые обители, ни когда принимал народ. Обычно он принимал людей стоя, чтобы они не задерживались надолго. Старец не соглашался на просьбы знакомых врачей и духовных чад лечь в больницу на операцию. Он лишь старался — с помощью простых народных средств — поддерживать своё состояние — чтобы ему не становилось хуже.

Однажды, когда Старец выехал со Святой Горы в Суроти, врач, приехавший туда, чтобы с ним встретиться, предложил ему свою помощь:

— Геронда, что у Вас болит? Если это в моих силах, я Вам помогу.

«У меня грыжа, — ответил Старец, — но ложиться на операцию я не хочу. Пусть у меня будет какая-нибудь болячка. Если у тебя что-то болит, если ты страдаешь и не просишь Бога облегчить твоё страдание, но просишь Его о других, это большое дело. В этом случае Бог особо слышит молитву того, кто, страдая сам, просит у Него о том, чтобы исцелились другие».

Это состояние продолжилось несколько лет. Старец претерпевал невообразимые страдания. Ему было очень больно, но внешне он этого не показывал. Ложиться на правый бок он уже не мог. Своё монашеское правило он выполнял, но делал это с трудом и с болью.

Наконец перевязанный особым медицинским поясом, с палочкой, нёмошный и страдающий Старец выехал с Афона, желая отправиться на Синай. Но врач, который осмотрел его в Суроти, не позволил ему продолжить путешествие. Требовалась срочная операция. Состояние Старца было критическим, медлить было уже нельзя.

Таким образом, несмотря на своё нежелание, вместо Синая Старец оказался на операционном столе. Благоговейный врач, господин Георгиос Бладзас, оперировавший Старца, волновался за исход операции. Поняв это, Старец сказал ему:

— Не бойся, Георгий. Я видел, как пройдёт операция... Всё будет хорошо. Я только хочу попросить тебя вот о чём: не пиши в истории болезни и на табличке у входа в палату «монах Паисий», напиши «Арсений Эзнепидис».

— Почему, Геронда?

— Потому что, если вы напишите «монах Паисий», то будут приходить люди, и это доставит вам неудобства.

И действительно, операция была сделана, и всё прошло хорошо — как это видел и предсказал Старец. Врачи и медсестры так и не догадались о том, кто такой был этот монах. Они только говорили: «Удивительный человек этот монах! Многие монахи лежали у нас в больнице, но этот — не такой, как другие».

Старец был госпитализирован в больницу «Теагенион» города Салоники 12 ноября 1987 года (н. ст.). После сделанной ему операции паховой грыжи он был выписан из больницы 18 ноября того же года в удовлетворительном состоянии.

Ещё не успев как следует оправиться после операции и не заезжая на Афон, Старец на короткое время посетил Святую Гору Синай.

Богохульный фильм

В 1988 году во всей Греции возникли волнения в связи с показом богохульного фильма Скорцезе «Последнее искушение Христа», снятого по книге писателя Казандзакиса.

Помимо отдельных протестов благочестивых представителей греческого народа, Элладская Православная Церковь приняла решение о проведении 6–7 ноября 1988 г. (н. ст.) акции всецерковного протеста, принять участие в которой Церковь призвала и Святую Гору Афон.

Многие были против этого решения, считая, что акции протеста не слишком духовное дело. Такие люди говорили, что из-за их пренебрежения к фильму Скорцезе этот фильм будет менее популярным.

Мнение Старца было совершенно противоположным. «Во времена иконоборчества, — говорил он, — у Золотых ворот Константинополя десять христиан решительно защитили икону Христа и пошли ради

неё на мучение¹⁰. Сейчас — когда хулится Лицо Христа — нам нельзя оставаться равнодушными. Если бы мы — такие “рассудительные” и “разумные” — жили в ту эпоху, то мы бы сказали десяти мученикам: “Поступая так, вы ведёте себя недуховно. Отнеситесь к Спафарию, который лезет по лестнице, чтобы сбросить икону вниз, с пренебрежением, а когда положение дел изменится, мы повесим на это место другую икону — да ещё более византийскую, чем прежняя”. В этом-то весь и ужас! Своё падение, свою трусость, своё желание устроиться поудобнее мы выдаём за что-то высшее!»

Считая протест против показа богохульного фильма исповеданием веры, Старец поспешил встать в ряды верных чад воинствующей Церкви. Кроме благословений и побуждений принять участие в акции протеста, которые Старец дал разным людям, он, вместе с другими отцами, подписал обращение в монастырь Кутлумуш, выражая желание участвовать в поездке святогорских монахов в Салоники на акцию протеста против показа богохульной картины. Своей позицией Старец содействовал тому, что Священный Кинот принял решение об официальном участии большого числа святогорских монахов в этой акции. Присутствие протоэпистата, антипросопов большинства монастырей, игуменов и около ста святогорских монахов воодушевило и укрепило собравшихся в Салониках христиан. Особое чувство у собравшихся вызвало присутствие Старца Паисия, который, несмотря на серьёзные проблемы со здоровьем, всё время стоял на ногах. В конце акции толпы людей, желавших выразить Старцу своё благоговение, так стеснили его, что он подвергся опасности быть раздавленным.

⁽¹⁰⁾ См. *Святитель Димитрий Ростовский. Жития Святых*. Август. М., 1992. С. 144–146.

В этой акции протеста также принимали участие монахи и монахини из монастырей, находящихся в миру, и множество верующих. Скоординированные действия и молитвы всех христиан — в том числе и Старца — привели к благому результату. Греческое правительство запретило показ богохульной картины. Таким образом, опасность «последнего искушения» была устранена. Дай Бог, чтобы это искушение действительно было последним.

Видение Благодати Священства

Однажды, когда Старец был в каливе, кто-то постучал в клепальце возле его калитки. (Там висел старый лемех, в который приходящие паломники стучали металлическим стержнем, извещая о своём приходе.) Выглянув в окно, Старец увидел, что его ждут около десяти человек. Он вышел и, направляясь к калитке, произнёс: «Если офицер Вооружённых сил не облачён в офицерский мундир и фуражку, то его можно ударить и остаться безнаказанным». Никто из ожидавших Старца людей смысла его слов не понял — кроме одного человека, который ответил ему: «Да, Геронда, нам нужна хорошая взбучка». Смысл слов Старца понял только этот человек, потому что сказанное касалось именно его. Открыв калитку и заведя паломников внутрь, Старец отвёл этого человека в сторону, и прежде чем тот успел что-либо сказать, сам сказал ему следующее: «Слушай-ка, то, что ты делаешь, — неправильно, потому что люди будут думать, что ты совершил тяжёлый грех уже после хиротонии. Одень рясу, отпусти бороду, поисповедуйся своему владыке и попроси его, чтобы он дал тебе послушание в каком-нибудь епархиальном отделе. Конечно, служить Литургию тебе не надо, но священником оставайся, чтобы не соблазнялись люди».

Этот человек за границей был рукоположен во священника, но впоследствии, читая «Пидалион», понял, что становиться священником он был недостойн. Поэтому он сам решил оставить священство, снял рясу, остриг волосы и бороду. Увидев неистребимую Благодать Священства, Старец понял проблему этого иерея и дал ему свой рассудительный совет.

«Преображение» 28 сентября 1992 года в одной келье на Капсале совершалось Всенощное бдение в честь преподобного Исаака Сирина. Среди собравшихся на бдение монахов был и Старец Паисий, который испытывал к святому Исааку особое благоговение. Храм в этой келье расположен следующим образом: боковая дверь выводит в крохотный притвор, в котором — одна напротив другой — расположены ещё две двери: левая ведёт в храм, а правая, напротив неё, — в одну из келий, которая как бы продолжает притвор. В ней-то и молился Старец за Всенощным бдением.

Перед входом на Вечерне все певчие, собравшись на правом клиросе, пели «Славник». Обстановка в крохотном храме была очень умиротворяющая. Присутствовавшие слушали певчих со вниманием. На службе находились и два православных ливанца — священнослужитель и юноша, которые во время пения «Славника» стояли в стасидиях левого клироса. Повернувшись к юноше и желая ему что-то сказать, священнослужитель увидел стоявшего в келье Старца, поднявшегося над полом примерно на двадцать пять — тридцать сантиметров. В левой руке Старец держал чётки, весь он находился в сиянии Света. Непокрытые части его тела: лицо и руки — излучали Свет, очень сильный Свет. Не в состоянии оторвать глаз от этого необычного и

неотмирного зрелища, священнослужитель **хотел** было закричать, но голос его не слушался. Увидев изумление священнослужителя, стоявший рядом юноша обернулся и увидел то же самое. Старец стоял, слегка склонив голову, внимая себе. Он выглядел радостным и улыбался. Внезапно Свет усилился и разглядеть Старца в этом Свете священнослужитель и молодой человек уже не могли. Когда спустя какое-то время они смогли вновь поднять глаза и взглянуть на Старца, то увидели его уже в естественном состоянии.

Преобразившегося Старца видел из алтаря ещё один священник — тоже иностранец. Двери кельи, где стоял Старец, двери, ведущие из притвора в храм, и Царские врата расположены на одной прямой, все они были открыты.

Возникает естественный вопрос: почему из многих находившихся на бдении отцов Старца в преображённом состоянии видели только трое? На бдении было около двадцати пяти человек, но Старец *«преобразился пред тремя»*.

Возможно, эти люди были достойны видения, а может быть, Бог промыслительно устроил это по причине, которая известна только Ему. Один из свидетелей чуда в то время у себя на родине строил небольшой монастырь. Проект строительства он привёз показать Старцу. Но ему пришёл помысел: «Ну и что тебе скажет отец Паисий? И кто он вообще такой, этот отец Паисий? Он что — пророк?» И вот Благий Бог показал этому человеку, «кто такой Старец Паисий».

Свидетельства паломников

Ответ
на помысел

Письменное свидетельство К. Д.:
«Увидя в руке у Старца чётки, я

захотел получить их от него в благословение, а взамен отдать ему свои. Сидя от него поодаль, я думал, как бы это устроить. Вдруг он поворачивается ко мне и с улыбкой говорит:

— Такого обмена, какой ты задумал, быть не может. Мои чётки — на триста узелков, а твои — только на сто.

В следующий раз, купив чётки на триста узелков и придя к Старцу, я показал ему их и сказал:

— Геронда, ты от меня не уйдёшь. Сейчас твои чётки будут мои.

— Если бы ты знал, о чём просишь, ты бы этого не делал. Ну уж ладно, быть по-твоему — забирай.

— Нет, нет, — стал отнекиваться я.

— Не отнекивайся. Раз хочешь — бери.

Эти чётки я храню как благословение и ношу как оберегающую меня святыню».

Необычное посещение

Свидетельство святогорского монаха отца Н.: «Первый и единственный раз я посетил Старца в келье “Панагуда” в 1987 году. Тогда я был студентом. Мы приехали к Старцу с товарищем по университету, которого звали Янис. Постучав в клепальце и покричав, мы стали ждать. Потом мы вновь постучали, но опять не получили никакого ответа. Стояла глубокая тишина. Вдруг мы услышали, как из кельи доносятся звуки песнопения. Много нежных голосов сливалось в один. Можно было различить слова: “Святый...”, “Святый...”.

— Они служат Литургию и дошли только до “Святый Бóже”, — сказал я. — Закончат ещё не скоро, поэтому давай лучше уйдём.

— Нет, давай подождём. Только стучать больше не будем, — ответил Янис.

Неожиданно пение прекратилось, и из кельи вышел Старец. Помню его лицо. Оно было очень свет-

лым. Подобного лица я раньше не видел! Старец был один, с ним никого не было. Но тогда что за нежные голоса мы слышали? Мы удивлялись всё больше и больше.

С порога Старец спросил, сколько нас человек и вновь вошёл в келью, взял ключ и стал приближаться к калитке, чтобы пустить нас внутрь. И тут мы вновь изумились: Старец шагал по тропинке, не касаясь ногами земли! Медленными шагами он подошёл к нам, и когда приблизился на расстояние двух-трёх метров, раздалось сильное благоухание. Мы растерялись.

— Добро пожаловать! — приветствовал нас Старец.

Он показал нам пеньки во дворе и попросил присесть, а сам пошёл за лукумом для нас. Он спросил, на каком факультете мы учимся, и, найдя какой-то повод, стал говорить о пользе молитвы, особенно когда тело страдает от болезни. “В этих случаях мы получаем полную мзду”, — сказал он и вдруг согнулся пополам, схватившись за живот. Мы поняли, что он мучается от грыжи. Мягким, благородным тоном Старец сказал нам:

— Простите меня... У меня ещё и эта немощь... Однако давайте, вам пора идти.

Мы склонились под его благословение. Он легонечко постучал нас по головам, и мы ушли. До сегодняшнего дня я никому не рассказывал о тех чудесных событиях, пережить которые мы удостоились в то благословенное утро».

**«Ведь у тебя
поломаны ноги»**

Письменное свидетельство Константина из города А.:
«Это было в первый раз, когда я пришёл к Старцу Паисию. Он спросил меня:

— Костас, как же ты сюда добрался? Ведь у тебя поломаны ноги!

И добавил:

— Костас, раз Бог её забрал, это значит, что Он возлюбил её больше.

— Кого “её”, отче? — спросил я с изумлением.

— Твою невесту.

И действительно, в 1991 году мы с невестой попали в серьёзную аварию. Она погибла, а я сильно повредил себе ноги».

Исцеления болящих

Господин Е. А., зубной врач из города Салоники, рассказал следующее: «В сильном расстройстве из-за того, что оба моих ребёнка были больны, я приехал на Святую Гору, чтобы встретиться с батюшкой — Старцем Паисием. Возле кельи Старца ждало много народа. Вскоре открылась дверь и он появился на пороге. Он сказал: “Парни, я могу уделить каждому из вас от одной до двух минут — не больше...”

Закончив разговаривать с четвёртым посетителем, Старец повернулся ко мне и сказал: “Ну, Евангелос, что там у тебя...” Раньше он меня не знал; я приехал к нему впервые. Подойдя к нему, я сказал: “Батюшка, мне двух минут не хватит. Мне нужно много времени, потому что я нахожусь в страшном расстройстве. Я приехал сказать Вам, что готов взорвать три Божиих храма. Скажи Богу, чтобы Он перестал мучить моих детей. Что они Ему сделали?” Внимательно выслушав меня, Старец ответил: “Послушай-ка, Евангелос — (он второй раз назвал меня по имени, хотя раньше мы не были с ним знакомы), — твои дети выздоровеют”.

После этого он подарил мне крест, который вырезал своими руками. В этом кресте были мощи святого Арсения Каппадокийского. Так состоялось знакомство с моим любимым батюшкой.

Моя дочь болела псориазом. Каждые два-три дня всё её тельце сверху донизу сбрасывало кожу — как сходит кожа со змеи. После посещения Старца прошло пятнадцать дней. Я заметил, что за это время у неё не проявилось никаких признаков болезни, кроме одного прыщика на колене. Я снова поехал на Святую Гору, чтобы поблагодарить Старца. С собой я вёз полотенце, желая в знак благодарности помыть ему ноги. Но, конечно же, он этого не позволил. Я застал его копающим в саду, и прежде чем я успел ему что-либо сказать, он спросил: “Ну, Евангелос, что ты приехал мне сказать? Что у твоей дочки остался прыщик на коленке? Бог оставил ей это для того, чтобы она не забывала о своей болезни”.

Мой сын тоже был болен серьёзной хронической болезнью. Чем закончится эта болезнь, никто не знал. Врачи никаких прогнозов не давали.

И вот, в третий раз поехав к Старцу, я взял с собой сына. В монастыре, куда мы зашли по дороге, монахи, видя малыша, говорили мне: “Почему малыш спит?” Такое у него было выражение глаз. Он казался спящим.

Батюшка Паисий, как только нас увидел, сказал мальчику: “Ну, молодец, добро пожаловать”. У него во дворе лежал большой камень, очень тяжёлый. Я потом пробовал поднять этот камень и не мог оторвать его от земли. Батюшка говорит моему сыну: “Ну что, можешь поднять этот камень?” Малыш подбежал к камню и... его поднял! Возможно ли было в это поверить? Тут батюшка встал на колени рядом с моим сыном — его голова оказалась почти вровень с головой малыша — и сказал ему: “Отныне никакой болезни у тебя нет”.

Когда Старец говорил эти слова, глазки мальчика вдруг открылись. Он уже не казался спящим — как я привык его видеть в последние два-три года. “Вмес-

те с камнем, который он бросил, улетела и его болезнь”, — сказал батюшка. И действительно, с того дня мой сын, слава Богу, чувствует себя прекрасно».

* * *

Свидетельство господина Матфея Голиаса из города Янина: «Был февраль, когда мы с другом посетили Старца, чтобы рассказать ему о наших проблемах. Помню: тогда навалило много снега. У меня болел мочевой пузырь, и я мочился кровью, у меня в мочевом пузыре обнаружили какие-то папилломы, однако я не знал, доброкачественная это опухоль или рак. “Мне больно, Геронда, и когда я мочусь, у меня идёт кровь”, — сказал я Старцу.

А мой друг от жутких головных болей не мог в то время связать двух слов. Старец завёл нас в церковку своей каливы. Он достал мощи святого Арсения и вся церковка наполнилась неизречимым благоуханием. В тот самый момент, когда он осенил святыми мощами моего друга, его жуткая головная боль исчезла. В храме Старец был не таким, как на улице. Когда он выходил из алтаря с мощами в руке и без скуфьи, то он был преисполнен Света, очень радостен. Из моих глаз ручьём текли слёзы. Осеняя меня крестом, Старец сказал мне: “Ты боишься рака, а у тебя его нет. Когда приедешь домой, пойдёшь в больницу и попроси, чтобы тебе сделали прижигание этих папиллом”. И действительно, так и вышло. Врач сказал: “Каждые шесть месяцев будем делать прижигание”. Однако я, сделав прижигание всего один раз, больше на него не ходил и боли в мочевом пузыре меня уже не беспокоили».

* * *

Один монах страдал хроническими запорами, которые, в свою очередь, привели к кровотечениям. У него образовалась открытая рана, и он терял много крови. Когда об этом узнал Старец Паисий, ему стало больно за этого монаха. Старец вспомнил себя, как он страдал от такой же немощи на Синае.

Вначале Старец дал монаху несколько советов из области народной медицины, которые немного помогли ему, но кровотечение не прекращалось. Потом монах стал прибегать к помощи врачей, пользоваться лекарствами, но безрезультатно. Старец интересовался состоянием больного и всегда с участием спрашивал, как тот себя чувствует. Однажды, встретив его после трёхдневного поста первой седмицы Великого поста, он сказал ему: «Я всё думал о тебе, о том, как ты будешь держать строгий трёхдневный пост в таком состоянии».

Однако в следующий раз, встретив больного, Старец быстрыми шагами подошёл к нему, и, не поприветствовав его, не сказав ни слова, схватил его за плечи, и с нетерпением спросил: «Ну что, разве сейчас ты не выздоровел? Скажи мне, сейчас ты не выздоровел?» Монах, застигнутый врасплох, ответил: «Да, Геронда, сейчас, слава Богу, я выздоровел». И он действительно выздоровел. У него прекратилось не только кровотечение, но и запоры.

Сначала Старец пытался помочь этому брату по-человечески. Однако, увидев недостаточность человеческих средств, он прибег к Богу посредством молитвы, получил внутреннее извещение о том, что его молитва была услышана, и спрашивал монаха просто для того, чтобы в этом убедиться.

Свидетельство преподавателя университета господина М. С.: «В один воскресный день, находясь в церкви, я почувствовал тяжесть в груди. На следующий день я посетил кардиолога. Он сделал мне кардиограмму и увидел, что у меня проблемы с сердцем. Кардиолог направил меня на ЭКГ с нагрузкой, результат которого подтвердил, что у меня неполадки с коронарными сосудами. Врачи порекомендовали мне год попить лекарства. Потом опять сделали тот же тест, результат которого снова был неутешительным. Врачи поняли, что лекарства не помогли и посоветовали сделать коронарографию. Конечно, я расстроился и испугался. В молитве я прибег к Богу, а также послал письмо Старцу Паисию и рассказал ему о предстоящем серьёзном исследовании. Через отца И. Старец ответил, что он будет молиться и что всё будет хорошо. Я ободрился и решил сделать это опасное исследование. Коронарографию мне делали 5 марта 1992 года. Когда я лежал на операционном столе и врачи исследовали моё сердце, мой ум был возле Старца Паисия. Мой ум как бы находился во дворе и внутри его кельи. Обследование закончилось, и врачи были удовлетворены и удивлены одновременно. Врач, сопровождавший меня из операционной в палату, глядел на меня с нескрываемым удивлением. Придя немного в себя, я спросил: “Ну что, доктор?” Он ответил: “Удивительное дело. У тебя сердце — со странностями. Мы были уверены, что у тебя неполадки с коронарными сосудами, однако убедились, что у тебя не только всё с ними в порядке, но они ещё и в прекрасном состоянии. Медицински этого объяснить нельзя, это можно объяснить только тем, что твоё сердце со странностями, с чудачествами”.

Я пришёл в умиление и ответил: «Доктор, странностей у моего сердца нет. А то, что оно здорово, — это чудо, которое может быть объяснено молитвами одного святогорского монаха»».

**«Мы возьмём
Константинополь»**

Однажды группа детей — учеников Афониады — решили пойти к Старцу и спросить его о том, возьмут ли греки Константинополь и доживут ли они, дети, до этих времён.

Они пришли в каливу отца Паисия, взяли угощение, но задать свой вопрос боялись. Один делал знаки другому, тот — третьему. Но в конце концов никто так не решился спросить Старца. Тогда Старец сказал им сам: «Ну что, молодцы? О чём вы хотите спросить? О Константинополе? Возьмём мы его, возьмём, да и вы до этого доживёте».

Дети передали слова Старца учителю Константину Маллидису — доброму христианину и горячему патриоту. Учитель, очень заинтересованный, пришёл к Старцу, чтобы услышать то же самое из его собственных уст, но Старец ответил ему: «Оставь ты, Костас, эти дела: всё это не для нас с тобой. Нам надо готовиться к переселению в Город иной».

Эти слова Старца предзнаменовали предстоящую кончину как его самого, так и его собеседника, потому что вскоре они — сначала Костас, а потом Старец — переселились в наше истинное Небесное Отечество, в Новый град, в Вышний Иерусалим.

**«Попроси у неё
прощения»**

Свидетельство господина Фотия Пападопулоса из города Драма: «Однажды я шёл из Кариеса к Старцу. Перед Кутлумушским монастырём я встретил юношу, который спросил меня, как пройти к отцу Паисию. “Пойдём вместе”, — сказал я

ему. Придя в каливу Старца, мы увидели, что он нас как будто ждал. “Эх ты, понтийская голова, — сказал он мне, — зачем ты его сюда привёл?” Я объяснил Старцу, что не знаком с этим юношей, просто повстречал его по пути. “Уводи, уводи его отсюда, — повторял Старец, — пусть встаёт и уходит. Знаешь, что он сделал?” А юноше он с гневом сказал: “Уходи, чтобы глаза мои тебя не видели! Тому, что ты сделал, прощения нет. Пойди сперва к той девушке и со слезами попроси у неё прощения. Когда получишь прощение, тогда приходи”. И он действительно выгнал этого парня! Такое поведение было для него совершенно необычным. Я видел Старца в таком состоянии впервые.

Потом, когда мы с этим юношей спускались к Иверскому монастырю, он рассказал мне, что в день своей свадьбы ждал в церкви свою невесту на венчание. И вот в храм вошла какая-то его подруга, и он ушёл из храма вместе с ней. Свадьба была расстроена».

**«Имей духовное
благородство»**

Клирик из монастыря, находящегося в миру, рассказал следующее: «В августе 1993 года я жил как гость в одном святогорском общежитии. Игумен и отцы этого монастыря предлагали мне остаться и поступить в число братии. Я молился, чтобы Бог показал мне Свою волю. Однажды я пришёл к Старцу Паисию в “Панагуду” не для того, чтобы его о чём-то спросить, а просто, чтобы взять его благословение. Однако меня ожидало немало “сюрпризов”.

Старец отвёл меня в сторонку и спросил: “Откуда ты, отче?” Я ответил. Отец Паисий сказал: “Отче, оставайся в своём монастыре”. Я растерялся. Старец продолжил: “Ты пройдёшь через искушения.

Однако потерпи, потому что тебе надо через них пройти — до тех пор пока не придёт назначенный час”. Про себя я думал: “Не понимаю: что это он мне говорит?” Однако сейчас, проходя то через одни, то через другие искушения, я понимаю слова Старца.

Потом он мне сказал: “Имей духовное благородство. Когда ты разговариваешь с юными, не надо на них давить. Это и есть духовное благородство. Уважай другого человека, не дави на него”. Потом он давал мне наставления и говорил мне о том, что я делал, будучи у себя в монастыре. Я удивился: откуда Старец знал, что я беседовал с юношами и, убеждая их пойти на исповедь, давил на них больше, чем нужно. Потом Старец добавил: “Если бы Бог захотел, то за одну минуту Он мог бы заставить весь мир покаяться. Он переключил бы “тумблер” на отметку “семь баллов Рихтера” и устроил бы такое землетрясение, что ты увидел бы, как все люди в страхе осеняют себя широким крестным знаменiem. Но такое покаяние — это не искреннее покаяние. Это вынужденное покаяние, и цена ему невелика. Поэтому и ты на них не дави».

Знамение от лампы

Свидетельство человека, пожелавшего остаться неизвестным:
«Однажды, когда закончилось моё годичное пребывание на Святой Афонской Горе, я пришёл к отцу Паисию попрощаться и сказал ему: “Я выезжаю в мир со страхом и неудовлетворенностью, потому что во мне ничего не изменилось. Мои проблемы остаются неулаженными. Однако, если ты этого хочешь и если тебе меня жалко, попроси Христа о том, чтобы покачалась лампада у Его иконы в иконостасе — в подтверждение твоих наставлений. Я прошу об этом потому, что сами по себе твои слова кажутся мне бедными и слабыми и утешить

меня в пережитой мной драме они не могут”. У меня колотилось сердце, и я глядел то на икону Христа в иконостасе, то на отца Паисия, который молчал и молился. Вдруг лампада перед иконой Христа стала размеренно раскачиваться. Я опустил в эту лампаду свой дрожащий палец, взял немного масла и крестообразно помазал себе лоб. Старец сказал мне: “Лампада перед иконой Божией Матери тоже могла бы качаться, но потом ты стал бы думать, что они раскачивались от сквозняка”».

«Они идут...» Свидетельство насельника Великой Лавры монаха Павла: «С блаженнопочившим Старцем Паисием я много раз встречался в его келье “Панагуде”. Это был настоящий подвижник и преподобный муж. Он был кроток, мирен, нелицемерен, нестяжателен и дружелюбен; он был человеком молитвы и любви, наделён редкими духовными дарованиями и высоким умом.

Незадолго до кончины приснопамятного Старца я — ради того чтобы получить совет и пользу — его посетил. Я подошёл к его келье, никого из посетителей не было. Помню, что обе калитки были раскрыты настежь. Старец вышел на порог, я поклонился ему взял благословение и после обычного приветствия и угощения, сев на деревянный пенёк, стал рассказывать ему о том, что меня волновало.

Старец не садился. Он прохаживался передо мной взад-вперёд и время от времени бормотал: “Он идёт...”, “А — это он...”, “Ну-ну”, показывая своим видом, что кто-то идёт, чтобы с ним встретиться. Это продолжалось минут десять, так что я, полагая, что Старец не слушает, о чём я ему рассказываю, подумал: “Он меня не слушает”. Не успел я так подумать, он громко сказал мне: “А ты говори, говори — я тебя слушаю”. Я продолжал, но всё же

не очень-то верил, что он меня слушает и снова подумал: “Нет, он меня всё-таки не слушает”. Но он тут же вслух ответил на мою мысль: “Да говори же, говори, ведь я тебя слушаю”.

Вскоре слышались шаги, и в калитке показались дикей скита пророка Илии иеромонах Иоаким со своим послушником иеромонахом Павлом. Когда пришедшие поприветствовали Старца, мы с отцом Павлом отошли в сторонку. Я спросил его:

— Вы сообщали Старцу о своём приходе?

— Нет, ведь у него же нет телефона. Мы пришли к нему впервые. А почему ты об этом спрашиваешь?

И я рассказал ему о том, как вёл себя Старец перед их приходом».

Покаявшийся кришнаит

Старец помогал многим несчастным, связавшимся с восточными религиями, йогой и тому подобным. Ниже следует рассказ бывшего кришнаита, занимавшего в греческом отделении этой секты руководящее место.

«О Старце Паисии я услышал на кришнаитском съезде в Италии. Туда собрались руководители отделений нашей организации из разных государств Европы. Мы обсуждали различные темы. Там я и услышал о Старце Паисии. О нём говорили как о йоге, который появился в Греции. Вот я и решил с ним познакомиться.

Вернувшись в Грецию, я познакомился со Старцем и стал понимать своё заблуждение. Когда я сказал своим прежним единомышленникам о том, что хочу от них уйти, они объявили мне настоящую войну. Я — бывший руководитель целой организации, мотавшийся по всей Европе, теперь боялся сесть в городской автобус. Любой пустяк, с которым я сталкивался, вызывал у меня невообразимые

трудности. Я чувствовал, что моя душа была ослабленной, парализованной. Мной владели боль и страх. Это происходило потому, что я дал диаволу много прав над собой. Но Старец Паисий помог мне вырваться из диавольских сетей. Если бы не было Старца, который покрывал меня своими молитвами, то мне ни за что не удалось бы из них выпутаться, ни за что не удалось бы избавиться от сатанинских козней последователей этой секты».

Впоследствии этот молодой человек публично исповедал Христа в одном из афинских храмов и через Миропомазание вновь был принят в лоно Святой Православной Церкви.

Ученик гуру

Однажды к Старцу приехал богач. Этот человек вместе со всей своей семьёй много лет был учеником одного известного индийского гуру. И не просто учеником: он получил от гуру посвящение, то есть, выражаясь на их языке, «получил от него знание». Со своей семьёй он ездил на встречи с гуру в разные европейские столицы и отдавал ему много денег.

Старец Паисий, обладая даром прозорливости, открыл этому человеку некоторые случаи из его жизни и посоветовал ему найти работу — хотя он и не нуждался в деньгах. «Работа, — сказал Старец, — пошла бы тебе на пользу».

Находясь под впечатлением духовных дарований Старца, этот человек спросил его о медитации и других подобных методах, используемых в восточных религиозных культах. «Послушай-ка, сынок, — мягко, по-доброму прервал его Старец, — ведь дело не в методах. Да, вы тоже стараетесь, но в месте, где вы копаете, скрыто не золото, а диавол. Золото — это Христос».

Старец и юные

Старец поддерживал особую духовную связь с юными. Он любил их настоящей любовью — как своих детей, заботился о том, чтобы они нашли свой путь и молился о них. Он помогал им преодолеть трудности и проблемы. Он страдал за них, разделял их боль. Интуитивно чувствуя великую любовь Старца, юноши и девушки безгранично доверяли ему, слушались его и, в буквальном смысле слова, его обожали. В келье Старца можно было встретить наркоманов, анархистов, нравственно распущенных, душевнобольных, втянутых в различные секты, отчаявшихся в жизни и готовых покончить с собой. Следуя советам Старца, молодые люди каялись, приходили в себя и впоследствии вновь посещали его — уже духовно изменившись. И сами они становились проповедниками покаяния для своих друзей, которых привозили к Старцу. Для того чтобы было понятно, каким образом Старец помогал молодым, ниже приводится несколько примеров его благодатной помощи.

* * *

Многим наркоманам Старец помог порвать с наркотиками. Вначале ему удавалось пробудить в них интерес к жизни, установить с ними контакт и завоевать их доверие. Несчастные слушали Старца со вниманием и принимали его советы. Многие из них, благодаря молитве и помощи Старца, освободились от своей страсти и стали горячими христианами и добрыми главами семейств. Сострадая их боли, Старец говорил: «Несчастные, они не могут удержать себя в руках. Молодежь сегодня сама себя приводит в негодность». Старец своими руками завязывал этим юношам развязавшиеся шнурки на ботинках,

*Старец с паломниками
(фото монаха Гавриила, монастырь Филофей).*

отгонял от них мух, поправлял волосы, которые падали им на глаза. Он советовал им пойти на исповедь, начать жить духовной жизнью, устроиться на какую-нибудь простую работу, чтобы быть чем-то занятым. Он советовал им есть морковь и давал дру-

гие практические советы. Он посылал их к людям, в окружении которых было бы легче избавиться от страсти к наркотикам, помогал им стать членами общества и создать семьи.

Один юноша-наркоман пытался отсечь свою страсть, от которой страдал и он сам, и его семья. Представления о Старце Паисии у него были смутные, он знал о нём понаслышке. Но, несмотря на это, он возложил на Старца свою последнюю надежду. Спускаясь по тропинке к «Панагуде», юноша думал: «Может, хоть у него найдётся лекарство, которое поможет мне развязаться с наркотиками». Старец, увидев его, с улыбкой произнёс: «Ну, иди, иди сюда. Я для тебя хороших таблеток припас» — и вложил ему в ладонь несколько лесных орехов.

«Таблетки» Старца оказались очень сильными. Произошло чудо: зависимость несчастного юноши от наркотиков отсекло, как ножом.

* * *

Свидетельство человека, пожелавшего остаться неизвестным: «Однажды я встретил у Старца знакомого студента. Было известно, что он гомосексуалист. Он приехал встретиться со Старцем и в ходе беседы пришёл в покаяние. Вся его жизнь изменилась. Потом я встречал его на Всенощных бдениях в Салониках. Он стоял за одной из колонн храма, и из его глаз ручьём текли слёзы. Он плакал беззвучно и очень мирно. Я был изумлён милостью Бога и покаянием человека, но, кроме этого, и Благодатью Старца Паисия, которому оказалось под силу “*известі́ честнóе от недостóйнаго*”¹¹. Потом я вновь видел этого юношу в “Панагуде”. Он привозил с со-

⁽¹¹⁾ См.: Иер. 15, 19.

бой других, подобных ему, падших молодых людей, чтобы они тоже получили помощь».

* * *

Известно много случаев, когда заядлые курильщики благодаря Старцу бросали курить. Слова, которые Старец говорил этим людям, были не просто советами. Его слова имели силу. Они внушали человеку отвращение к табаку, и желание курить у него пропадало. Но более всего в подобных случаях Старец помогал людям не словами, а молитвой. Свидетельство человека, пожелавшего остаться неизвестным: «Я приехал на Святую Гору, чтобы стать монахом. Скуфьи в монастыре мне ещё не давали, потому что я не мог бросить курить¹². Тогда я выкуривал по две пачки в день. Я старался, как мог: разрывал пачки, выбрасывал их, но... на следующий день находил их в мусорных баках и вновь закуривал. Мне было очень стыдно рассказывать обо всём этом, но я пошёл к Старцу и всё ему рассказал. Старец ответил: “Не бойся, поднимешься” — с этими словами он утешительно похлопал меня по плечу. Мы разговаривали в десять часов утра. В тот день до самого вечера я ни разу не подумал о сигарете. С этого самого момента, молитвами Старца, я бросил курить, потом стал монахом. Это было для меня чудом». Рассказ другого паломника: «Когда, придя в келью Старца, мы сидели во дворе, я достал сигарету и закурил. Я выкуривал три пачки в день, поэтому закурил совершенно механически. Старец подошёл ко мне, вынул сигарету у меня изо рта и сказал: “Ну, вот что: теперь ты не будешь курить до тех пор, пока немцы не изобретут такой аппа-

⁽¹²⁾ В святогорских монастырях новоначальные послушники носят одну скуфью (без подрясника). — *Прим. пер.*

рат, который очищает лёгкие”. Ночевать мы пошли в монастырь, где я вдруг осознал, что прошло уже три часа, а я не курил. Но и желания курить у меня больше не было. После этого посещения Старца я бросил курить раз и навсегда».

* * *

Когда к Старцу приходили некоторые равнодушные юноши, не желавшие служить в армии и находившие себе целую кучу оправданий, Старец рассказывал им случаи из своей солдатской жизни и приводил другие соответствующие примеры. После этого молодые люди просили у него благословения пойти служить в самые трудные и опасные рода войск. «Вот что, парни, — говорил Старец, — вы идите служить и служите там, куда вас пошлют».

* * *

Старец говорил, что наша Церковь учит человека идти одним из двух путей: или путём монашеским, или путём брака. Старец считал неестественным, если человек не идёт ни тем, ни другим путём. «Вол, который не хочет впрягаться ни в ярмо, ни в плуг, оказывается у мясника», — говорил он. Старец помог многим юношам последовать своему призванию и либо стать монахами, либо создать семьи. Многих нерешительных молодых людей, не годившихся для монашеской жизни, он побудил создать семьи. Когда такие люди спрашивали, что ему прислать, он отказывался, говоря: «Пришли мне лучше приглашение на свою свадьбу». В других случаях, желая помочь таким людям, он накладывал на них добрую «епитимью», говоря: «Без обручального кольца больше сюда не приходите».

Однажды к Старцу пришёл юноша с длинными, как лошадиный хвост, волосами. Старец спросил его:

— Слушай, парень, ты чем занимаешься?

— Я студент.

— Много тебе осталось сдать экзаменов?

— Восемь.

— Если хочешь их сдать, — в шутку сказал Старец, — то давай я тебя подстригу.

Старец вынес из кельи ножницы и подстриг молодого человека. Юноша посчитал это благословением, рассказал своим друзьям и те тоже приходили к Старцу, чтобы получить от него подобное благословение. «Я совершил много постригов», — смеялся Старец. «Геронда, — спрашивали его, — а что Вы делаете с их волосами?» — «Собираю в мешок и пересаживаю лысым», — с улыбкой отвечал он.

А в других случаях Старец смиренно говорил: «Если мне и суждено спастись, то это произойдёт за молитвы матерей. Знаешь, сколько я получаю от них писем, когда они, растроганные, благодарят меня за то, что я убедил их детей постричь волосы и вынуть из ушей серёжки?» Старец не хотел, чтобы мужчины отращивали длинные волосы, он считал это женоподобным и приводил по этому случаю слова апостола Павла: «*Μуж ὕβο ἄγε власί растίт, безчέстие емύ есть*»¹³. Видя юных с длинными волосами, Старец говорил им: «Волосы отпускают или те, кто относится к клиру, или те, кто бесится с жиру»¹⁴. А вы к какой категории себя относите?"

⁽¹³⁾ 1 Кор. 11, 14.

⁽¹⁴⁾ У Старца игра слов: «Μαλλιά ἀφήνουν οἱ ἀφιερωμένοι καί οἱ ἀφηρημένοι» (дословно, ἀφηρημένοι — отвлечённые, рассеянные, невнимательные). — Прим. пер.

* * *

Однажды Старца посетили юноши из Австралии. Им нравилась духовная жизнь, но одновременно они любили и мирские развлечения. Они спрашивали Старца о танцах и старались вырвать у него признание того, что танцы — вещь хорошая. Старец ответил им: «Парни, вот вы, предположим, собираетесь подняться на вершину Афона и — поскольку не можете этого сделать — хотите, чтобы мы считали, будто бы вершина находится пониже — чтобы вы могли потом хвалиться, будто бы на неё взошли».

* * *

Старец был против телевидения. Он считал его действие разрушительным для всех, а особенно для детей и молодёжи. С болью он рассказывал о случаях, когда родители, желая, чтобы их не беспокоили дети, разрешали им часами смотреть телевизор, в результате чего дети разрушались умственно, душевно и телесно. Он рассказывал и про тот вред, который телевизор своим излучением причиняет маленьким детям и даже находящимся в материнской утробе младенцам. Старец говорил и о бесовских воздействиях через телевидение. Поэтому при каждом удобном случае он убеждал людей не смотреть телевизор, советовал выбросить его из дома, давать детям другую — духовную (Жития Святых, Всенощные бдения, паломнические поездки) или же нейтральную (невинные игрушки, забавы и экскурсии) — пищу. Старец говорил: «Не позволяйте вашим детям смотреть телевизор. Телевизионный сигнал достигает только до Луны. А вот сигнал духовного телевидения доходит даже до Бога».

Однажды Старец беседовал с группой молодых людей. В нескольких метрах от них сидел ещё один молодой человек — преподаватель старших классов средней школы. Он размышлял об одном занимавшем его в последнее время вопросе: «Ну ладно, обо всей той грязи, которую показывают по телевизору, нет и речи — я её смотреть даже не хочу. Но, может быть, ради того, чтобы быть в курсе элементарных событий, мне можно смотреть выпуски новостей?» В эту секунду Старец резко повернулся к нему и сказал: «Выпуски новостей смотреть тоже не надо!» Сказав это, Старец вновь повернулся к другим молодым людям и продолжил беседу с ними.

Один недавно женившийся молодой человек после беседы со Старцем, уходя, попросил его дать последний совет. Старец сказал: «Передай своей жене, чтобы она не смотрела телевизор, потому что иначе ваш ребёнок родится умственно отсталым». Немного помолчав, он добавил: «И ходить смотреть телевизор к родне ей тоже не надо». Действительно, жена этого человека обычно ходила смотреть телевизор к своей матери.

* * *

Свидетельство монаха Паисия: «Будучи студентом юридического факультета, я посетил Старца 22 августа 1988 года. Со мной был и мой товарищ по университету Григорий. Я жил вне Церкви и поэтому приехал на Святую Гору впервые — по настоянию знакомых. Приехал я больше как “духовный турист”, но, кроме того, мне хотелось доказать Старцу Паисию, что Бога нет и что он впустую потратил столько лет в монашестве.

Около четырёх часов вечера мы пришли в “Панегуду”. Возле калитки мы увидели, что Старца жда-

ли человек тридцать пять. Люди нетерпеливо стучали в железку, но он не появлялся. Мы обошли келью кругом, подошли к задней калитке, но она тоже оказалась закрыта. И тут — не знаю, что со мной случилось, ведь я не принимал участия в Таинствах Церкви около двенадцати лет — я вдруг опустился на колени и стал молиться. “Боже мой, — сказал я, — если Ты действительно существуешь и хочешь, чтобы я уверовал, сделай так, чтобы вышел Старец и стал говорить нам о Тебе”.

Не прошло и пяти минут, как вдруг из леса появился Старец Паисий. У него был тихий взгляд и очень ласковая улыбка. Он приблизился к нам.

— Вы отец Паисий? — взволнованно спросил я.

— Зачем тебе нужен отец Паисий? — ответил он.

— Я хочу передать ему вот эти носки и взять у него благословение.

— Ну тогда наклоняй голову, чтобы я тебя благословил.

Впервые после моего Крещения я взял такое благословение. Старец положил руку на мою голову и минут на пять погрузился в молитву.

Потом он завёл нас во двор кельи, и мы сели на пеньки. Он стал говорить нам о Боге и о том, что происходит в мире, — словно он только что прослушал последний выпуск радионовостей. Беседуя, он много раз протягивал нам коробку с лукумом, уговаривая брать ещё.

Пришли ещё двое ребят, по виду анархисты. Старец продолжал беседу. Кроме всего прочего, он сказал нам и о буддизме, вырвав, таким образом, из моей души и эти занозы, потому что несколько последних лет по часу в день я занимался йогой.

Мы беседовали около часа, после чего он повернулся ко мне и спросил: “Хочешь, я возьму тебя в послушники?” Я ответил: “Нет, отче, я на это не

гожусь: я люблю мир”. В течение беседы Старец ещё несколько раз повторил свой вопрос, но, к сожалению, в то время я жил настолько далеко от всего духовного, что не мог оценить величие сделанного мне предложения.

Потом он оставил нас и пошёл складывать в пленницу какие-то обгорелые дрова. Мы вызвались ему помочь, но он отказался, сказав, что делает зарядку и что складывать дрова — это его послушание.

Прошло минут пятнадцать. Мы, четверо “духовных туристов”, сидели молча, “переваривая” то, что сказал нам Старец. Своими словами он рассеял мои сомнения в существовании Троичного Бога. Однако одновременно я принимал и приражения помыслов от лукавого. Мне вдруг пришёл помысел спросить — не вслух, а в душе — Старца о том, что необходимо сделать, чтобы оказаться в Раю. В своём тщеславном уме я решил: раз отец Паисий парит на такой духовной высоте, то он угадает мои мысли и мне ответит. Бог, пожалев меня, не принял мой эгоизм всерьёз: Старец, оставив дрова, медленными шагами подошёл к нам и, глядя на меня — но уже не в глаза, а глубоко — в самую душу, — ответил мне вслух: “Для этого, сынок, надо иметь любовь и веру во Христа”.

У меня задрожали ноги, а моё сердце забилося так сильно, что я думал, что оно разорвётся. Я смог пробормотать только: “Григорий, нам пора уходить” и “благословите, отче”. Но Старец ответил: “Ну что же ты хочешь уйти? Оставайся, я возьму тебя к себе в послушники и дам тебе своё имя”. Однако моё сердце уже не могло выдержать того откровения Божия, которое только что его посетило.

После этого моя жизнь в корне изменилась. Несмотря на то что я видел Старца первый и последний раз, у меня навсегда осталась с ним внутрен-

няя душевная связь. Она продолжалась и после его успения: его чудесное участие в моей жизни много раз было явным. Однако величайшее чудо в том, что ему удалось навсегда посеять зерно веры во Христа в мою душу — в душу человека, совершенно далёкого от Церкви. После этой встречи со Старцем прошло менее шести лет, и из отрицателя Церкви я стал монахом. В монашеском постриге — как и предвидел Старец — мне было дано имя Паисий».

глава тринадцатая

БОЛЕЗНЬ И БЛАЖЕННАЯ
КОНЧИНА

Старец встречает Пасху вместе со своими учениками.

Страдание и болезни

Как было уже сказано, подвижничество и боль были неотлучными спутниками Старца всю его жизнь. Свои подвиги он принёс в добровольную жертву любви ко Христу, мучительные болезни принимал с благодарностью и славословием. Старец был испытан различными немощами. Страдание и болезни стали его почти всегдашним состоянием. Болея, он подвизался в подвигах аскезы, подвизаясь — болел. Он умел не обращать внимания на свою боль. «Ты делай своё дело, а я буду делать своё», — говорил он болезни и продолжал молиться, заниматься рукоделием или принимать людей. В то время как самому ему было больно, он утешал тех, кто тоже испытывал боль.

С самого начала своей монашеской жизни Старец страдал и мучился от бронхоэктаза много лет. Ему был поставлен неправильный диагноз и назначено неправильное лечение. Старец харкал кровью, и в конце концов ему была сделана сложная операция.

После операции Старец простыл, и врач назначил ему сильные антибиотики, не приняв во внимание то, что больной ничего не ел. У Старца открылся

язвенный колит. Ему казалось, будто с его «кишок снимали кожуру». После этого он очень болезненно реагировал на самую малейшую простуду. У него начинались боли, бурчание и вздутие в животе, понос с кровью. То же самое происходило и когда он принимал некоторые виды пищи.

Он очень чутко реагировал на холод. Если во время Всенощных бдений двери храма были хоть чуточку открыты, то от малейшего сквозняка он начинал чихать и сильно кашлять. Часто он клал себе на лоб бумажную салфетку или маленький пластырь. Как объяснял сам Старец: «У меня были сильные головные боли, и один монах из Ставроникиты посоветовал мне подкладывать под скуфью бумажную салфетку. Он говорил, что от этого головная боль пройдет. Я и сам увидел, что этот способ действенный, потому что голова согревается и перестаёт болеть».

Уже в сентябре, с первыми холодами, Старец начинал топить у себя в келье печку, сложенную из кирпичей. Эта печь давала ему тепло, однако одновременно — дымом из трубы — «выдавала» его посетителям.

Конечно, когда Старец понимал, что пришедшие испытывают действительную нужду, он — в каком бы состоянии ни находился, каким бы больным ни был — в холод ли, в дождь или в снег — поднимался с кровати и выходил во двор, чтобы впустить пришедших. Он усаживал их в натопленном архондарике, а сам принимал каждого по отдельности в церкви, где было очень холодно. Так могло продолжаться несколько часов.

Всё это состояние, каким бы трудным и болезненным оно ни было, Старец терпел, славословя Бога. Он не роптал и не просил, чтобы Бог забрал от него болезни и дал ему здоровье.

Около пяти-шести месяцев он страдал от межпозвоночной грыжи, которую получил на Синае, пытаясь поднять тяжёлый обломок гранита. Ему было очень больно. Иногда он мог стоять или ходить, только опираясь на две палочки, принимать людей в таком состоянии ему было очень трудно.

В последние годы кишечные кровотечения стали мучить Старца всё чаще и чаще. Он дошёл до того, что ходил в туалет до девятнадцати раз за ночь. В его кишечнике ничего не было — из него шла только кровь. Врачи не могли с точностью назвать причину этих кровотечений, потому что ехать на обследование Старец отказывался.

Он принимал людей, выполнял свои духовные монашеские обязанности, тщательно соблюдал свой подвижнический устав, но силы его оставляли. Его истощали кровотечения и страшная усталость. «Иногда, — говорил Старец, — мне хочется потерять сознание».

За два года до кончины Старец вместе с другими отцами пришёл в одну афонскую каливу, чтобы встретить Пасху. Шутя, он сказал старцу кельи: «Эх, батюшка, что-то произошло: или твоя келья передвинулась дальше от моей, или я состарился. Одно из двух: но вот что именно? Наверное, всё же я состарился».

Старец видел, что его силы иссякают. Болезнь принимала всё более и более тяжёлую форму, кровотечение становилось сильнее, его нельзя было остановить ничем. Но, несмотря ни на что, он терпел, не прибегая к медицинским обследованиям и лекарствам. Он усиленно просил у Бога только одного: помогать страдающим братьям, которые не переставая приходили к нему и просили о помощи. И разве Благий Бог мог не прийти в умиление от этих молитв и их не услышать?

**«Со мной произошёл
один случай»**

Старец рассказывал:
«Когда я находился в та-
ком состоянии, со мной

произошёл один случай. Лёжа на кровати, я взял в руки икону преподобного Арсения Каппадокийского, прижал её к животу и почувствовал, как от неё изошла какая-то сила».

Старец вновь обрёл силы, стал продолжать свои подвиги и — на какое-то время — служение людям. Болезнь не ушла, её симптомы остались прежними: кровотечение и тому подобное, — однако он чувствовал в себе силы.

**На пределах
крепости**

Однако надолго этих сил не хватило. Вернулось прежнее болезненное состояние, Старец чуть не падал в обморок. Иногда он даже и падал без сознания во дворе своей каливы, и когда приходил в себя, благодарил Бога за то, что его никто не видел. Однажды зимой он упал без сознания прямо в снег. Потом он говорил: «Вы нашли бы меня в снегу “яко мех на слáне”». Во вторую Неделю Великого поста 1993 года во время Божественной Литургии, которая совершалась в церковке его каливы, истощение Старца дошло до предела. Вдруг он начал тяжело дышать, его глаза широко открылись, какое-то время его дыхание было похоже на предсмертные хрипы. Однако от благоговения он не согласился сесть и остался стоять на ногах. Потеряв сознание, он стал падать вперёд перед собой, но отцы, стоявшие рядом, успели его подхватить. Когда он пришёл в себя, то — несмотря на все просьбы и побуждения отцов — сесть так и не согласился. В конце Божественной Литургии, несмотря на то что несколько раз, пока она шла, он падал в обморок и его рвало, он пытался принести отцам угощение,

сделать им чай, не обращая внимания на своё критическое состояние. После угощения он никому не позволил с ним находиться. Он остался один, «*яко человек без по́мощи*» — без помощи человеческой, вверяя милости Божией своё страдающее человеческое естество.

Он потерял много крови, его лицо стало очень бледным. Знакомые, кто чем мог, пытались ему помочь. Кто-то предлагал принести таблетки, содержащие железо, но он отнекивался и отшучивался: «У меня здесь в келье железа много, мне нужно не железо, а сталь». Так Старец отказывался от предлагаемой ему помощи.

Беспокойства он не испытывал. Он просил Бога только об одном: чтобы Он оказал ему снисхождение и во время Божественной Литургии останавливал его кровотечение, чтобы он мог причащаться. Бог услышал его молитвы, и на какое-то время так и произошло. Сам Старец лучше, чем кто бы то ни было, знал и о тяжести своей болезни, и о приближении кончины, которую он предчувствовал. Однако всем и каждому он об этом не говорил.

Всю свою жизнь он помнил и размышлял о смерти. Он сделал свою кровать похожей на гроб, в кельях, где жил, он всегда выкапывал себе могилу. Но сейчас, намёками, он стал говорить духовным чадам о смерти, приуготовливая их к предстоящему расставанию. Он говорил: «Когда разрушается дом (то есть заболевает тело) и сквозь крышу начинает течь вода, тогда хозяин этого дома (душа) уже не хочет в нём оставаться». Великую схиму своего Старца, батюшки Тихона, Старец много лет хранил как благословение и святыню. Сейчас он раздал разные части этой схимы в благословение своим духовным чадам. Он приготовил прессованные крестики и иконки и написал записку, в кото-

рой просил после его кончины раздать их в благословение людям, чтобы они помолились за упокой его души.

Вселенский патриарх, узнав о состоянии здоровья Старца, передал ему просьбу послушаться врачей и поехать на обследование. И удивительное дело: после этого на некоторое время кровотечения прекратились! С простотой Старец спрашивал одного своего ученика: «Конечно, патриарху я должен оказать послушание, но сейчас, когда кровотечение прекратилось, разве я уже не имею права его не послушаться? Ты как думаешь?» Однако вскоре кровотечения возобновились.

Отношение Старца к своей болезни обсуждалось и толковалось на разные лады. Некоторые «соблазнились», считая поведение Старца «самоубийством». Другие восхищались той выдержкой и отвагой, с которыми он относился к постигшему его испытанию. Многие же — главным образом больные — получили пользу и утешение, видя, что Старец тоже болен и что он относится к своей болезни с терпением.

Монахи просили Старца обратить внимание на своё здоровье, говоря ему: «Мы в тебе нуждаемся». Другие принимались учить его, говоря, что ему нужно делать, а третьи молча, в душевной скорби, смотрели на переживаемое им мучение и молились. Каждый судил и действовал в соответствии со своим помыслом и с тем духовным состоянием, в котором находился.

***Последний выезд
со Святой Афонской Горы.
Дальнейшее развитие
болезни***

Каждый год Старец праздновал память преподобного Христодула в

одной находившейся по соседству келье, где жили его духовные чада — монахи. В 1993 году, как

обычно, он пришёл в эту келью на престольный праздник. После праздника Старец пошёл в монастырь Кутлумуш поздравить игумена обители архимандрита Христодула с днём Ангела. На следующий день, 22 октября 1993 года, Старец выехал со Святой Афонской Горы — как он обычно это делал последние годы, чтобы быть в монастыре Суроти в день памяти преподобного Арсения Каппадокийского. Однако этот выезд Старца с Афона был для него последним. На Святую Гору он уже не вернулся — даже после своей кончины.

В Суроти Старец присутствовал на Всенощном бдении и, как обычно, остался там ещё на несколько дней, чтобы принять сестёр и мирян, которые нуждались в его окормлении. После этого он хотел вернуться на Афон. Но тут ко множеству его немощей добавилась ещё одна: заворот кишок. Кишечник перекрылся и даже кровотечения на время прекратились. Тогда, против своей воли, он был вынужден уступить просьбам лечь на обследование в больницу.

В дальнейшем его болезнь развивалась следующим образом: в больнице «Теагенион» врачи убедились, что у Старца запущенная стадия рака. По предположению врачей, рак начался у Старца ещё шесть лет назад, но метастаз не было.

Благоговейный врач, господин Георгий Бладзас, который делал Старцу операцию несколько лет назад, переживал, ожидая результатов обследования. Старец сказал ему: «Ты себя так не веди. Понятно: у меня рак. И я буду тебя слушаться. Всё, вопрос закрыт».

Оказывая послушание врачу, Старец стал ходить на облучение, цель которого была в том, чтобы подготовить опухоль к операции. Когда Старец приходил в отделение, где делали облучение, его окру-

жало множество людей, которые рассказывали ему о своих муках и скорбях. Состояние Старца было более тяжёлым, чем состояние этих людей, потому что тридцать раз в день ему опорожняли кишечник, что сопровождалось жуткими болями. Однако с его лица не сходила улыбка и он утешал остальных больных.

Раньше, когда ему делали операцию грыжи, Старец скрыл своё монашеское имя, а сейчас сказал, чтобы его написали и в историю болезни, и на табличке при входе в палату, где Старец принимал всех желающих его увидеть, зная, что вскоре ему предстоит уйти.

Четвертого февраля 1994 года (н. ст.) Старцу была сделана операция. Опухоль толстой кишки была удалена, однако болезнь стремительно развивалась. Рак дал метастазы на печень и на лёгкие. После операции Старцу временно была установлена колостома¹, несмотря на то что он этого не хотел. Потом сделали повторную операцию, и деятельность кишечника была восстановлена. Кроме этого, Старцу делали химиотерапию. Когда его возили на томографию, он очень страдал. Он сидел в инвалидной коляске, страдая от боли и дрожа от холода. Увидев в коридоре перед лабораторией, где делали томографию, другого больного, который тоже долго ждал очереди на обследование, Старец пропустил его вперёд. Когда опять подошла его очередь, томограф сломался, и его на машине повезли на томографию в другую больницу. Там врачи увидели, что рак быстро развивается, поражая печень и лёгкие. Всё это время Старец был благодушен, весел, не переставал смешить людей своими добрыми, прекрасными шутками — так, словно больным был не он, а

⁽¹⁾ Вывод устья толстой кишки на отверстие на животе. — Прим. пер.

кто-то другой. Он утешал и облегчал боль тех, кто оказывался рядом с ним.

**Приношение людям
в мученических
страданиях**

И перед тем как Старец лёг на обследование и операцию, и в больнице, и после неё — в монастыре Суроти, куда он вернулся — многие приходили, желая увидеть его, излить ему свою боль и попрощаться с ним. Эти посещения были источником дополнительного труда и страданий — в дополнение к тем, которые Старец испытывал в своей болезни. Но избежать этих посещений было нельзя.

— Геронда, зачем ты оставляешь своих чад? — спросил его один человек.

— Ну а что же! *«Дни́е лет на́ших, в нѣхже се́дмь-деся́т лет...»*², столько и хватит...

— Геронда, почему Вы не молитесь о том, чтобы Бог исцелил Вас? Ведь мы в Вас так нуждаемся! — спросил его другой.

— Что? Обманывать Бога? Ведь я же сам просил Его о том, чтобы Он дал мне эту болезнь...

— Геронда, дайте мне Ваш последний совет, чтобы я его помнил, — просил один из его духовных чад.

— Будем иметь духовное благородство. Имея его, мы пребываем в родстве со Христом.

Старец беседовал и с сёстрами во время общих собраний насельниц монастыря. Сёстры, жертвуя собой, всеми силами пытались облегчить его болезнь, а он давал им наставления и последние советы.

⁽²⁾ Пс. 89, 10.

* * *

В больнице «Теагенион» лежал раковый больной по имени Ламброс М. родом из города Трикала. От болезни он ужасно исхудал, от него остались буквально кожа да кости. Он постоянно сидел в инвалидной коляске и не мог даже встать на ноги.

Жене этого человека после настойчивых попыток удалось встретиться со Старцем. Старец сказал ей, что Ламброс выздоровеет, приедет в Трикалу, порадуетя, увидев семью, однако вскоре опять заболеет и умрёт. Состояние здоровья больного было очень тяжёлым, и, по логике человеческой, такое развитие болезни, о котором сказал Старец, было исключено. Однако всё произошло именно так, как он сказал. Ламброс выздоровел, доставил последнее утешение своей семье, потом вновь заболел и примерно через полгода скончался.

* * *

В четверг Светлой Седмицы 1994 года Старца посетила госпожа Эрифилия Цика из города Волоса. Приводим её рассказ: «Летом 1993 года моя одиннадцатилетняя дочь Антония заболела странной болезнью. На кончиках пальцев и вокруг губ у неё возникли белые пятна. “Возможно, — сказали врачи, — это признак тяжёлой болезни, которая может быстро развиваться”. Лечение кортизоном результата не дало. Мы просто отчаялись. Когда мы приехали в Суроти, чтобы встретиться со Старцем, он нас принял — меня и трёх моих дочерей. Несмотря на свои ужасные боли, он улыбался.

Когда я рассказала ему о болезни дочери, он сжал руки девочки своими руками и, пристально глядя ей в глаза, спросил: “Что же ты, моя девочка, так силь-

но горюешь?” Действительно, после того как в 1991 году умер мой муж и отец моих дочерей, Антония очень сильно тосковала.

Потом Старец сказал мне: “Эрифилия, дочка, не переживай, ничего страшного нет. И никакая это не наследственная болезнь (о наследственной болезни нам говорили врачи). У неё эти пятна оттого, что она сильно переживает”.

Вдруг он спросил меня: “А ты сама чего хочешь?” Я ответила: “Я хочу, чтобы эти пятна остались такие, как есть, и больше не распространялись”.

Тогда, перекрестив ребёнка своей святой рукой, он сказал мне: “Всё будет хорошо”.

И действительно, болезнь больше не развивалась. Прошло уже десять лет, а мы не ходили ни к каким врачам и никак не лечились. Я попросила Старца о том, чтобы пятна у дочери остались такие, как есть, а не исчезли, для того чтобы сама девочка, а также наша семья всю жизнь помнили о Благодати Старца, о его щедром благословении».

* * *

За месяц до кончины Старца его посетил архимандрит Пантелеимон — ныне высокопреосвященнейший митрополит Ксанфийский. Он пишет: «Мы взяли к Старцу двух малышей. По дороге они нарвали диких цветов и, как только мы вошли в келью Старца, с радостью и непосредственностью вручили ему, положив букет на подушку. “Видишь, — сказал Старец, — дети знают, что делают”. Я хотел уверить Старца в том, что он нужен нам живым, что мы нуждаемся в нём и о нём молимся. В ответ Старец сказал, что сам он молится о другом. Радостным, как и всегда, тоном Старец добавил: “Но теперь я и не знаю, чьи молитвы

услышит Бог — мои или твои”. Потом он спросил меня, принёс ли я письма, чтобы передать их кому-нибудь на Небе. Он сказал, что мне предоставляется удобный случай послать письма на Небо с ним — не тратя денег на марки. Он был расположен передавать радость другим, и это неослабевающее расположение отчётливо виднелось на его ласковом, кротком лице».

* * *

Отец Тимофей (Цотрас), игумен монастыря святого Иоанна Русского, расположенного на Кассандре, прислал следующее свидетельство: «Вместе с ныне почившим митрополитом Кассандрийским Синесием и отцом Агафангелом мы приехали в Суроти, чтобы увидеть Старца Паисия.

Зайдя в храм и приложившись к мощам преподобного Арсения, мы прошли в маленькую гостиную. Увидев нас, Старец вышел навстречу. В изумлении мы увидели, как, окружённый сверхъестественным светом, он, не касаясь ступенек, идёт к нам по воздуху!

Нам принесли угощение, потом Старец ненадолго остался с владыкой вдвоём, после чего мы направились к выходу. Когда мы прошли около тридцати метров, владыка сказал нам и игуменье: “Видите, святость скрыть нельзя. Он летел по воздуху и весь сиял”. — “Он идёт за нами!” — шёпотом воскликнул отец Агафангел. Оказалось, что тяжело больной Старец шёл следом, желая оказать честь епископу.

Владыка повернулся, увидел Старца и, улыбнувшись, попросил его вернуться и лечь в кровать, чтобы поберечь свои силы».

*Блаженная и
незаметная кончина*

Всё это время Старец смиренно подчинялся указаниям медиков. Но

однажды он позвал врача и сказал ему:

— На этом мы лечение прекратим.

— Почему, Геронда?

— Сейчас слушаться меня будешь ты. Скажи им, чтобы они остановились. А то я не могу ничего делать. Вчера я захотел помолиться на коленях и не смог. Я не могу никого видеть. Моя миссия закончена. Это всё. На этом вы меня оставите.

После этого он спросил:

— Я смогу пить немного воды или арбузного сока? Больше мне ничего не нужно. И я тебя попрошу: приди ко мне ещё один раз — а после этого уже не приходи.

«В последний раз я его видел, — рассказывает лечащий врач Старца господин Георгий Бладзас, — за семь дней до его кончины. Я, видимо, выглядел расстроенным. Меня тогда мучил вопрос: делаем ли мы, врачи, по отношению к больным всё как надо, Старец сказал мне:

— Послушай, Георгий. Всё было сделано наилучшим образом. Ты достоин своей mzды. Не горюй. Я хочу, чтобы ты знал о том, что если я тебе понадоблюсь, то буду рядом с тобой.

— Геронда, Ваша печень сильно увеличилась в объёме, и она у Вас болит, — сказал я ему, — потому что рак дал на неё жуткие метастазы.

Старец улыбнулся:

— Ну, печень — это предмет моей гордости. Она меня довела до семидесяти лет, и сейчас она же, так быстро, как только может, отсылает меня туда, куда мне надо уйти. Так что насчёт этого не расстраивайся, всё у меня прекрасно». Старцу было уже трудно дышать. Рядом с его кроватью стоял баллон с кис-

лородом, который использовался, когда ему становилось невыносимо. Делать себе обезболивающие уколы Старец не давал. Он не хотел совсем не чувствовать боли. Единственным лекарством, которое он принимал, был кортизон — он пил его для того, чтобы до последнего дыхания быть в состоянии самому ухаживать за собой.

Старец желал возвратиться на Святую Гору Афон. Он хотел почить и быть безвестно погребённым там — в Саду Пресвятой Богородицы, на своей духовной Родине. Старец даже просил одного из своих духовных чад подготовить место, где он мог бы дожить свои последние недолгие дни. Он понимал, что жить в таком состоянии в «Панагуде» один он бы уже не смог. В среду Старец стал готовиться к отъезду, который был запланирован на понедельник. Но внезапно его состояние резко ухудшилось. Губернатор Святой Афонской Горы предложил перевезти Старца на вертолёт, но врач официально заявил, что по дороге Старец может умереть. Конечно, такие виды транспорта, как вертолёт, не нравились и самому Старцу.

Когда ему стало чуть лучше, он вновь запланировал отъезд на Афон, но этому помешало ухудшение его состояния. За трудностями и препятствиями скрывалась воля Божия. То есть Богу было угодно, чтобы Старец Паисий был погребён в миру. Он знал, что, подобно тому как люди нуждались в Старце, когда он был жив, они будут нуждаться в нём и после его кончины.

Поэтому Старец решил остаться и быть погребённым в монастыре Суроти, рядом со своим Святым — преподобным Арсением Каппадокийским. Вероятнее всего, он принял окончательное решение, руководствуясь ясным, полученным от Бога извещением.

Старец попросил привезти ему с Афона облачения великой схимы и куколь. Он указал место своей могилы и дал указание о том, как должно пройти его погребение.

Последние несколько дней, когда проведать Старца заехали два знакомых епископа, он попросил их прочесть над ним разрешительную молитву. Причащался он регулярно. С трудом и страданиями, но самостоятельно приходил в церковь. Когда сёстры предлагали ему, чтобы священник причащал его в келье, он отказывался, говоря:

— Не Христос должен идти ко мне, а я к Нему.

Боли становились всё сильнее и сильнее. Настал момент, когда они имели одинаковую силу и цену с теми страданиями, которые претерпевали святые Мученики.

— Геронда, Вам больно? — спросил один святогорский монах, видя Старца спокойным и мирным.

— Я привык к боли, — ответил он.

И действительно, за свою жизнь он сроднился с болью. Он не впадал в панику, не роптал, но терпел и славословил Бога. Находясь в этом состоянии, он размышлял о страданиях святых Мучеников, погружаясь умом в пережитые ими мучения. Он говорил: «Болезни принесли мне такую пользу, какую не принесла мне вся подвижническая монашеская жизнь».

Время от времени Старец пел церковные песнопения, желая рассеять боль, которую было трудно терпеть, и «восполнить» пением те невольные стоны, которые у него вырывались.

В день памяти святой великомученицы Евфимии 11 июля (н. ст.), в понедельник, Старец причастился последний раз в жизни. Он причастился в келье, стоя на коленях на кровати, потому что пойти в церковь уже не мог.

Он прекратил принимать людей. Зная о приближающейся кончине, он не желал, чтобы даже сёстры входили в его келью. Когда ему что-то было нужно, он стучал в стену и звал ухаживающую за ним сестру. Он хотел быть один, неотвлечённо молиться и более тщательно подготовиться к своему исходу. В естественных человеческих нуждах он до конца обслуживал себя сам. Его страдания были невообразимы, однако он был радостен и мирен.

Его последняя ночь была мученической. В боли он призывал Пресвятую Богородицу. «Сладкая моя Панагия», — говорил он. Потом потерял сознание и около двух часов был без чувств. Придя в себя, он угасающим голосом произнёс: «Мученичество, настоящее мученичество». После этого он мирно испустил дух. Был вторник, 12 июля 1994 года (н. ст.) одиннадцать часов утра. По старому календарю — 29 июня, память святых первоверховных апостолов Петра и Павла.

Старец был погребён за алтарём храма преподобного Арсения Каппадокийского. О его кончине и погребении никто не узнал. Такова была его воля. Он хотел, чтобы его похоронили тихо и незаметно.

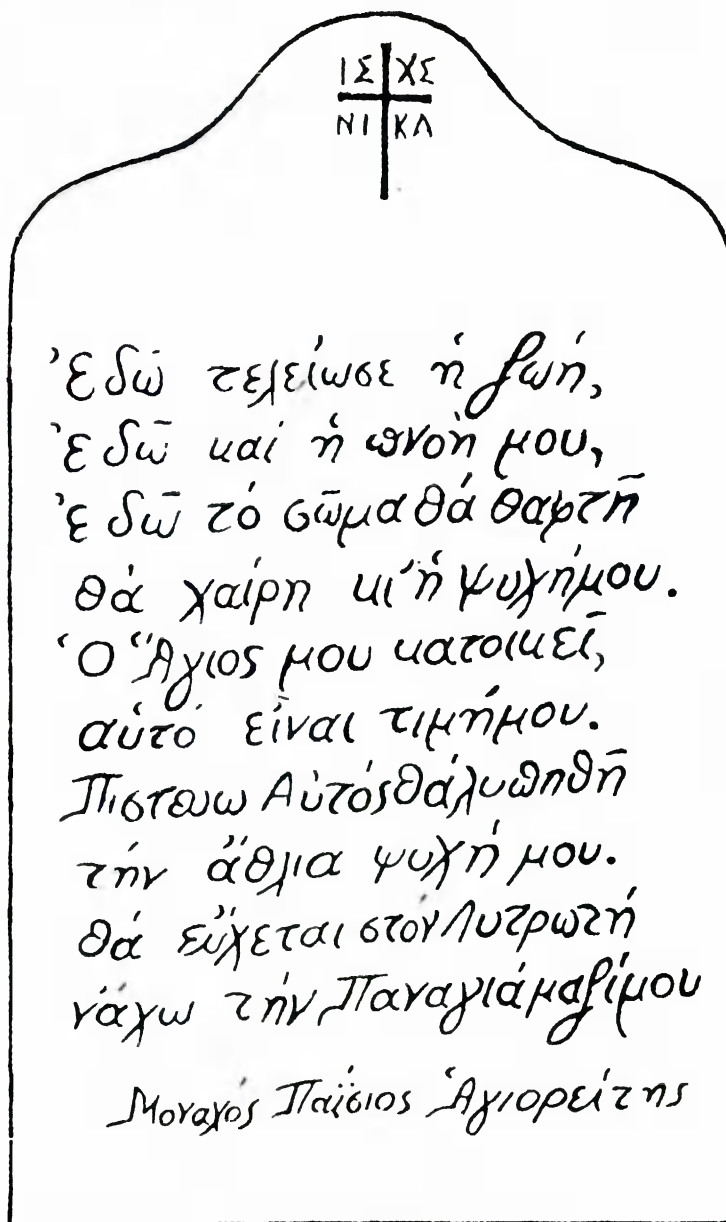
Через три дня, когда о его кончине стало известно, началось невообразимое. Толпы людей со всей Греции приезжали поклониться его могиле. Любовь и благоговение к Старцу были неподдельны. Одни призывали его как Святого, другие от благоговения брали землю с его могилы. Люди, имевшие что-то из личных вещей Старца, считали это великим благословением.

«Панагуда» — келья Старца на Святой Горе — подверглась «благочестивому разграблению». Паломники подлезали под сеткой забора и карабкались на балкон, желая иметь благословение от Старца, люди расхватывали всё, что попадалось под руку:

кружки, ножи, деревяшки, пыльные коврики, верёвки, бумаги и даже пеньки, которые он использовал вместо стульев. К таким действиям никто никого не призывал и не подталкивал — это было стихийное выражение любви.

Многие — особенно те, кто был Старцем благодетельствован, — задыхались от плача и слёз. Люди почувствовали, что Старца с ними не стало, ощутили себя сиротами. Но впоследствии им воссияла утешительная надежда — они поняли, что теперь Старец находится вблизи Святой Троицы, где предстательствует о всех.

На мраморной плите, которую положили на незащитную могилу Старца, были выбиты стихи, написанные им самим:

*Здесь жизни прервалось земной
Последнее дыханье.
И Бога молит Ангел мой
Души во оправданье.
А рядом мой Святой одет
В небесные одежды,
Душе вымаливает Свет
Спасительной надежды,
Где Светлая Мария —
Святая Панагия.³*

монах Паисий Святогорец

⁽³⁾ В свободном переводе на русский язык. — *Прим. пер.*

глава четырнадцатая

ПОСМЕРТНЫЕ ЧУДЕСА

Могила Старца в Суроти.

«Не отступи от нас»

Старец не перестал помогать людям и после своей кончины. *«Не то́кмо бо, егда́ во плóти бе чудотвори́ в лю́дях, но и по егó кончи́не... Не отступí от нас, но со вѣщею пóмощию печётся же и забóтится о нас»*¹. Освободившись от тленного и восприимчивого к болезням тела, он может ещё быстрее и легче спешить «на помощь верою призывающим его». А иногда он спешит на помощь и не будучи позванным — ко многим, кто о нём ничего не слышал, и к тем, кто равнодушен к вере. Люди прибегают к Старцу Паисию и просят его молиться, потому что они верят в его святость. Его могила стала местом всеправославного поклонения. Это место имеет много благословений и Благодати. Там собираются страждущие и утешаются скорбящие. Могила Старца стала новой Силоамской купелью, где исцеляются болящие и происходят многие чудеса. Местом поклонения стала и убогая келья Старца на Святой Афонской Горе. Ежедневно, желая поблагодарить Старца или посмотреть, где он жил, сюда

⁽¹⁾ Кирилл Скифополит. Житие Евфимия Великого. Лейпциг, 1993. С. 82. — Κυρίλλου Σκυθοπολίτου. Βίος Ἀγίου Εὐθυμίου τοῦ Μεγάλου. Ἔκδ. Σχηωαρτζ Ε. Λειπζιγ. 1993. Σ.82.

приходят люди, которые знали Старца при его жизни и получили от него благодеяние.

Святые совершают чудеса, являются людям и исцеляют их. Мы видим это и на примере Старца Паисия — и не только при его жизни, но и после кончины. Особую помощь Старец оказывает страдающим раком и бесноватым. Он помогает в дорожных авариях, несчастных случаях, спасая от гибели. Многим больным Старец являлся в больницах. Различные личные вещи Старца чудотворят и источают неизреченное благоухание.

Исчислить посмертные чудеса Старца невозможно, к ним постоянно прибавляются всё новые и новые. «*Ра́ди словесé ѱтины*» ниже приводятся очень немногие избранные чудеса Старца, заверенные свидетельства о которых представили нам их очевидцы.

Благоухание Благодатное дарование благоухания не исчезло и после кончины Старца. Многие ощущают благоухание, поклоняясь его могиле, посещая его келью на Святой Афонской Горе, некоторые чувствуют, как благоухание исходит от его личных вещей или одежды.

Как свидетельствуют монахи, унаследовавшие келью Старца, «первое время после его кончины, почти все, посещавшие “Панагуду”, ощущали отчётливое благоухание. Особенно сильно благоухало место за проволочной калиткой возле крана с водой, там, где у Старца стояла банка с лукумом. В этом месте утолили свою жажду множество людей — нуждавшихся и жаждущих. Однако большинство приходивших мучились от духовной жажды, которая была утолена не водой, а словами Старца.

Впоследствии это благоухание уменьшилось, но совсем не исчезло. Как-то один благоговейный па-

ломник прикладывался к иконам в храме “Панагуды”. Выйдя из храма в коридор, он был буквально “залит” необыкновенно сильной волной благоухания. Возможно, благоухание было доказательством присутствия здесь Старца, по-своему “приветствовавшего” этого человека».

Свидетельствует отец А.К.: «В тот год, когда скончался Старец, на престольный праздник в келье “Панагуда” совершалась Литургия. Во время Литургии я чувствовал очень сильное благоухание, которое сопровождало меня до монастыря Кутлумуш. Потом это благоухание исчезло».

Господин Василий Цолакис, полицейский из находящейся неподалеку от города Пеллы деревни Ликостомо свидетельствует: «В 2001 году моя супруга Елена повезла в Салоники нашего сына Николая. Мальчику надо было сделать медицинское обследование, он страдал почечной азвестоурией. В дорогу жена взяла почитать одну из книг Старца Паисия. Вдруг из раскрытой книги стало исходить тонкое благоухание, его ощутил и мой сын. Обследования показали, что здоровье ребёнка в полном порядке. По сей день он чувствует себя прекрасно. Моя супруга после этого с книгой Старца Паисия не расстаётся».

Изгнание беса

Свидетельство Евангелоса К. из Салоник: «С двенадцати лет я мучился от вселившегося в меня беса. Моя жизнь была сплошным мучением. Надо мной читали заклинательные молитвы, но после них я чувствовал себя так, словно меня избили.

В первую субботу Великого поста 1995 года духовник благословил меня поехать вместе с ним на Всенощное бдение в Суроти. Перед тем как мы отправились в путь, я почувствовал необычайно жес-

токую брань. В течение всего бдения меня совсем не клонило в сон. Я сидел на полу в центре храма, вокруг стояли монашки. Когда бдение закончилось, священник стал совершать водосвятный молебен. Я пришёл в бешеное состояние, когда меня повели приложиться к мощам святого Арсения Каппадокийского. Я впервые почувствовал, что бес жжёт мне не только душу, но и тело. Вот даже сейчас: пишу об этом, а волосы встают дыбом. Потом я с трудом пытался сказать: “Паи... Паи...” Игуменья спросила меня: “Паисий?” Я кивнул. После этого я впал в жуткий кризис беснования, стал визжать, меня принесли к могиле, и там я три раза прокричал слово: “Святой!” Я хотел убежать, вырывался из рук державших меня людей, но они силком приложили меня спиной к могиле Старца. И в этот момент я увидел Старца Паисия — он словно поднимался, проснувшись от сна. Он был живым, а не мёртвым. Я видел его от пояса и выше. Это точно был он: с бородой, в рясе. Видение продолжалось лишь мгновение. Старец положил руку мне на лоб, и в тот же момент из моего рта вырвался чёрный дым. Я совершенно успокоился, однако телесная боль ушла не сразу. Я уснул, но от боли несколько раз просыпался со словами: “Мне очень больно, мне очень больно”.

После этого я около сорока дней чувствовал такую радость, что от этой радости плакал. И тогда я сказал такие слова — возможно, они были очень и очень дерзкими: “Боже мой — сказал я — если бы я даже мучился так, как раньше, ещё целую жизнь, то ничего страшного, мне хватит того, чтобы пережить эту радость ещё раз — хотя бы на одну минуту”».

Спасение ребёнка

Приходской священник из деревни Керасья в районе Неа Миханиона неподалёку от Салоник, иерей Христос Цандалис, отец девяти детей, свидетельствует: «Мои дети забрались на плоскую крышу нашего дома. Там был открыт люк осветительной шахты, которая спускалась вниз. Дети стали прыгать через этот люк. Один из сыновей, шестилетний мальчик с задержкой речевого развития, который ещё не разговаривал, тоже захотел перепрыгнуть через этот люк, но не смог, оступился и камнем полетел в шахту. Он упал с четвёртого этажа на первый. С трепещущим сердцем я открывал внизу дверцу этой шахты, готовясь увидеть страшное зрелище — разбившегося ребёнка. Каково же было моё изумление, когда я увидел сына, жёлтого от страха, но целого и невредимого. Я отвёз его в больницу. Осмотрев мальчика, врачи убедились, что на нём нет ни царапины, ни малейшего перелома.

Мы поняли: произошло чудо. Я подумал, что ребёнок спасла чудотворная икона Пресвятой Богородицы, которая находится в храме нашего села Неа Миханиона. Я привёл сына к иконе и спросил его: «Это Она тебя спасла?». — «Нет», — ответил малыш. Он подвёл меня к фотографии Старца Паисия и стал показывать на неё пальцем, давая понять, что его спас Старец».

Явление во сне

Свидетельство Екатерины Патера: «Я мучаюсь от остеопороза. Один врач прописал мне таблетки. Я начала их пить и за несколько дней похудела на десять килограммов. Чувствовала я себя очень плохо, была сильно истощена. Однажды вечером, ложась спать, я посмотрела на фотографию Старца и сказала ему: «Отец, я себя плохо чувствую». И вот он явился мне

во сне и сказал: “Я пришёл, потому что ты меня звала. Почитай-ка как следует бумажку, которая вложена в упаковку с таблетками, которые ты пьёшь”. После этого он исчез. Я вскочила с кровати, вытащила из коробочки с таблетками бумажку и, прочитав её, увидела, что эти таблетки предназначены страдающим от ожирения. Ох, если бы я продолжала их пить, я бы точно отдала Богу душу! А Старец — он находится рядом с нами, просто мы его не видим».

Чудесное явление и помощь

Свидетельство жителя города Пафос на Кипре господина Николая Ксинариса: «Я сантехник. Однажды, в июле 1997 года, закончив работу, я собирал инструменты и складывал их в машину. Смеркалось, видно было плохо. Рядом с машиной была натянута проволока, на которой сушат бельё, а на ней с краю болтался ещё один кусок проволоки. Острый край этого куса был загнут подобно крючку — сантиметра два длиной. В темноте я его не заметил. Собрав инструменты, понёс их к машине и наткнулся на крючок, который воткнулся мне прямо в глаз. Я застыл на месте, как попавшаяся на крючок рыба. Из всех сил я закричал: “На помощь!” Хозяин дома, где я работал, выбежал, увидел меня и пообещал, что сейчас вытащит этот крючок. Я отказался, боясь, что, вытаскивая крючок, он сделает меня слепым. Я попросил его принести из моей машины кусачки — откусить проволоку и отвезти меня в травматологический пункт, чтобы проволоку из глаза мне вытащили врачи.

Пока он искал в машине кусачки, я плакал, мне было жалко детей. У меня их трое, и я не хотел, чтобы их отец был слепым.

И вот в это мгновение передо мной возник худой человек, одетый в чёрную рясу. Увидев его, я пере-

крестился. У меня начался озноб. Я почувствовал, как он взял меня рукой ниже щеки и толкнул мою голову вверх. В то же мгновение кусок проволоки выскочил из моего глаза.

Когда хозяин принёс кусачки, они не понадобились. Он повёз меня в травматологический пункт. Врачи обследовали меня, я рассказал им о том, что со мной произошло, но они мне не верили. На моём глазе, прямо на зрачке, виднелся след пореза. Врачи дали мне мазь и сказали, что три-четыре дня мне надо носить на глазе повязку.

На следующий день я зашёл в магазин и на стене увидел фотографию человека, который мне явился. Я спросил у хозяйки магазина, кто это такой. Она сказала, что это очень известный монах, его имя Паисий. Я хотел во что бы то ни стало купить у неё эту фотографию, потому что она была для меня бесценна. Стал просить хозяйку, чтобы она мне её продала, предлагая ей за эту фотографию любые деньги, но она вместо фотографии подарила мне книгу о Старце Паисии. Я прочитал эту книгу за день. И теперь она всегда находится у меня в машине — как охраняющая меня святыня».

Осязаемое присутствие В 2000 году один из растроганных паломников прислал следующее свидетельство: «Когда Старец Паисий был ещё жив, я в числе большой группы паломников приехал на Святую Гору. Мы вышли из Иверского монастыря, желая посетить Старца в его келие. Однако, к несчастью, по дороге мы заблудились и найти его келью не смогли.

В 1998 году, вновь приехав на Афон, я пошёл в его келью, чтобы поклониться, по крайней мере, месту, где он жил. Сам Старец в это время уже скончался. Я чувствовал великую радость и тишину. Однако,

когда я уходил из “Панагуды”, к великой радости прибавилась не меньшая скорбь. “Почему, — думал я, — я не встретился со Старцем в прошлый раз, когда мы были на Афоне? Ведь если только посещение его кельи наполнило меня столькой радостью, то сколь невообразимым было бы благословение от знакомства с ним самим! Я, по-видимому, великий грешник, раз Бог лишил меня этой радости”.

Меня угнетала невыносимая скорбь. Я еле сдерживался, чтобы не расплакаться. И вот, когда погружённый в эти мысли, я пошёл по тропинке вниз, чтобы выйти на большую, выложенную камнями тропу, ведущую в Иверский монастырь, я почувствовал, как сзади меня крепко обняла чья-то рука. Потом эта рука нежно похлопала меня по спине, и я услышал утешающий голос: “Ну, давай, парень, иди с Богом”². В то же мгновение всё вокруг наполнилось очень сильным благоуханием, а мою душу переполнило неизреченное радование, которое совершенно разогнало мою прежнюю скорбь. Хотя я и не видел лица Старца, но чувствовал себя так, словно с ним познакомился».

Помощь Старца в дорожно-транспортных происшествиях

Житель Афин, господин С. родом из города Каламаты, рассказывает, что он ехал на своём автомобиле в Янину. По дороге на большой скорости он лоб в лоб столкнулся со встречным автомобилем. Машина господина С. в буквальном смысле слова разлетелась на куски, а сам он с серьёзной черепно-мозговой травмой был тут же госпитализирован и помещён в реанимационное отделение.

⁽²⁾ Достойно замечания то, что и похлопывание по спине, и эти слова были обычными для Старца, но свидетель этого не знал.

Находясь там, он увидел светлое облако, а в нём — пожилого монаха. Господин С. был невоцерковлённым человеком, однако за несколько дней до аварии, один из знакомых рассказывал ему о благодатном Старце Паисии. Поражённый видением, этот человек непроизвольно спросил неизвестного инокa:

— Ты Старец Паисий?

Старец не ответил. Он улыбнулся, ласково погладил его по голове и сказал ему:

— Не бойся, поправишься!

Господин С. пришёл в себя. Он был смущён необычным явлением, но, несмотря на то что не был до конца уверен в том, кто его чудесный посетитель, верил в истину сказанных ему слов. Взволнованный, он рассказал о явлении врачам. Врачи, видя по-человечески необъяснимое улучшение его состояния, в изумлении подтвердили:

— Действительно, произошло чудо!

Когда господина С. выписали из больницы, он проходил мимо книжного магазина и с удивлением увидел фотографию своего спасителя на обложке одной из выставленных в витрине книг. Так господин С. узнал, кто был его благодетель, и, исполненный благодарности, купил и прочёл эту книгу. В январе 1998 года этот человек приехал на Афон, пришёл в «Панагуду» и взволнованно рассказал о том, что с ним произошло. Явление Старца — помимо того что спасло этого человека от верной смерти — в корне изменило его жизнь вообще. Этот человек нашёл себе духовника и поисповедовался. Он прекратил мирскую греховную жизнь, несмотря на то что родные всячески побуждали его к такой жизни. «Мне уже невозможно продолжать жить так, как раньше, — со слезами говорил он, — потому что я вспоминаю улыбающееся светлое лицо Старца Паисия».

Свидетельство одного святогорского монаха: «Однажды в “Панагуду” пришли два мирянина. Приложившись к иконам в храме, они попросили нас рассказать им что-то о Старце. Помимо прочего, я рассказал этим людям о том, что от приходящих в каливу паломников мы имеем много свидетельств о посмертных чудесах Старца: явлениях, исцелениях, помощи в авариях. Когда я произнёс слова “помощь в авариях”, в глазах одного из пришедших заблестели слёзы, и, повернувшись к своему другу, он взволнованно сказал:

— Видишь! И в авариях тоже!

Потом они попросили рассказать хотя бы об одном чуде и хотели услышать именно о помощи в авариях. Я рассказал им о случае с господином С.³ Когда, рассказывая о явлении Старца, я произнёс: “И вот в светлом облаке перед ним явился монах”, человек, который прерывал меня раньше, не сдержался и закричал:

— И мне в облаке!

И вкратце рассказал о своём чудесном спасении. Он был так взволнован, что большего рассказать не мог: “Мчась на мотоцикле со скоростью сто сорок километров в час, я столкнулся с такси и влетел в него, как клин... Вдруг передо мной открылось светлое облако, в котором явился монах... И вот, несмотря на такое страшное столкновение, я остался цел и невредим! Моя жена стала мне говорить: “Поищи-ка в книжках, погляди фотографии, чтобы узнать, что за Святой тебя спас”. В первый раз я увидел фотографию Старца в одном из календарей, изданных Афониadou. Это была фотография, на ко-

⁽³⁾ Смотри выше — стр. 359–360.

торой Старец стоял в окружении учеников школы...
Этот человек спас мне жизнь...»

* * *

Рассказ благочестивого женатого священника, студента Фессалоникийского университета. «Недавно ко мне пришёл один юноша и сказал: “Отче, вчера я должен был умереть, но Бог меня спас. На большой скорости я ехал на мотоцикле и, столкнувшись с машиной, отлетел далеко в сторону. После столкновения я увидел, как какой-то старичок крепко хватает меня за правую руку. Так я остался цел и невредим”.

Я, — продолжает священник, — показал юноше иконы некоторых святых и фотографии современных старцев. Увидев фотографию Старца Паисия, молодой человек взволнованно закричал: “Это был он, он!”

Через несколько дней юноша снова пришёл ко мне и рассказал о том, что только что обнаружил в кармане куртки, которая была на нём во время аварии, икону Христа и фотографию Старца Паисия Святогорца. Карман был на правом предплечье — точно в том месте, за которое схватил его Старец. Фотографию и икону тайком положила туда его мать».

Воскрешение от духовной смерти

Однако самые удивительные совершённые Старцем чудеса — как по количеству, так и по «качеству» — это чудеса нравственные. Многие люди, равнодушные к вере, убеждённые атеисты, не имевшие нравственных ограничений, — либо после посмертного явления Старца, либо (чаще всего) после прочтения какой-то из его книг — духовно

воскресли, ревностно вошли в Церковь, а некоторые вступили и на поприще монашеской жизни.

Один юноша жил в неведении и во грехе. Когда — конечно, не случайно — в его руки попали «Письма» Старца Паисия, он в буквальном смысле слова был потрясён. Его жизнь изменилась, и сейчас он собирается стать монахом.

«Шесть лет назад, — признаётся ещё один молодой человек, — я был анархистом, носил серёжки и принимал наркотики. Один парень из нашей компании дал мне книгу Старца Паисия. От любопытства я стал её листать, заинтересовался и “проглотил” её залпом — за ночь. С этого момента изменилась вся моя жизнь». Подобных свидетельств можно было бы привести очень много.

Господин Георгиос Николау, живущий в афинском районе Амбелокипи, прислал следующее свидетельство: «В один из воскресных дней октября 1996 года я приехал с моим другом на службу в монастырь святого Иоанна в местечке Кареас. Была годовщина кончины моей матери, и я хотел заказать поминовение. Это было моё первое посещение церковной службы за много лет.

Когда закончилась Божественная Литургия, мы пришли в монастырскую книжную лавку, где я увидел одну из книг Старца Паисия. Моё сердце радостно затрепетало. Я тут же купил эту книжку, и когда вернулся домой, то первым делом сел её читать. В тот момент, когда я читал стихотворение, которое Старец написал на обратной стороне фотографии, присланной матери после монашеского пострига, во мне что-то изменилось. Я начал плакать, буквально рыдать. Моё сердце размягчилось, и сквозь слёзы я стал просить Бога: “Боже мой, молитвами святого Старца Паисия помоги и мне стать монахом!” Я этих слов не обдумывал, они вырвались у меня сами.

И удивительное дело: сейчас, спустя шесть лет, я действительно готовлюсь стать монахом.

А тогда, читая эту книгу, внезапно на несколько секунд я потерял ощущение пространства и времени и увидел святого Старца Паисия. Старец держал за руку мою почившую мать. Я был потрясён, потому что видел Старца и мать совершенно живыми, настоящими! Я рассказал об этом одному старцу, имеющему дар рассуждения, и он сказал мне, что это явление было истинным, что это не бесовская фантазия. Я стал ходить на службу каждое воскресенье и во все церковные праздники. Потом, незадолго до Рождества 1996 года, я впервые поисповедовался и почувствовал в душе великую радость. Такое я переживал впервые. Тишину в душу приносит только Христос.

В мае 2002 года я удостоился приехать на Святую Афонскую Гору, в келью Старца «Панагуда». Находясь в келье, я время от времени чувствовал неизреченное благоухание — и не только внутри каливы, но и во дворе».

Шарф Старца исцеляет опухоль

Женщина по имени Филица из города Волоса рассказывает: «Моя сестра сделала рентгенограмму молочной железы, и у неё была обнаружена опухоль. Она пришла в отчаяние, и я оказалась в трудном положении, будучи не в состоянии помочь ей и успокоить её.

Моя близкая подруга имеет великое сокровище: шарфик Блаженного Старца Паисия. Я пришла к ней и с поклоном попросила у неё эту святыню. Дрожащими руками прижав шарф к груди, с сильно бьющимся сердцем я прибежала к своей больной сестре и положила ей этот шарф на вытянутые руки. Сестра со слезами на глазах подошла к иконе

И удивительное дело: сейчас, спустя шесть лет, я действительно готовлюсь стать монахом.

А тогда, читая эту книгу, внезапно на несколько секунд я потерял ощущение пространства и времени и увидел святого Старца Паисия. Старец держал за руку мою почившую мать. Я был потрясён, потому что видел Старца и мать совершенно живыми, настоящими! Я рассказал об этом одному старцу, имеющему дар рассуждения, и он сказал мне, что это явление было истинным, что это не бесовская фантазия. Я стал ходить на службу каждое воскресенье и во все церковные праздники. Потом, незадолго до Рождества 1996 года, я впервые поисповедовался и почувствовал в душе великую радость. Такое я переживал впервые. Тишину в душу приносит только Христос.

В мае 2002 года я удостоился приехать на Святую Афонскую Гору, в келью Старца «Панагуда». Находясь в келье, я время от времени чувствовал неизреченное благоухание — и не только внутри каливы, но и во дворе».

Шарф Старца исцеляет опухоль

Женщина по имени Филица из города Волоса рассказывает: «Моя сестра сделала рентгенограмму молочной железы, и у неё была обнаружена опухоль. Она пришла в отчаяние, и я оказалась в трудном положении, будучи не в состоянии помочь ей и успокоить её.

Моя близкая подруга имеет великое сокровище: шарфик Блаженного Старца Паисия. Я пришла к ней и с поклоном попросила у неё эту святыню. Дрожащими руками прижав шарф к груди, с сильно бьющимся сердцем я прибежала к своей больной сестре и положила ей этот шарф на вытянутые руки. Сестра со слезами на глазах подошла к иконе

и стала молиться. Я пожелала ей скорейшего выздоровления и тут же возвратила святыню подруге.

Через четыре-пять дней сестре вновь сделали рентгенограмму груди. Чудо произошло! Никакой опухоли на снимке не было. Она исчезла без следа. Великую Благодать имеет Старец Паисий!»

Исцеление бесноватой

Декабрьским утром 1996 года, в церковной лавке монастыря Суроти находились сестра, несущая там послушание, одна семейная пара с маленькой девочкой и пожилым мужчиной — отцом мужа или жены, две женщины средних лет и один молодой мужчина. Вдруг раздался пронзительный крик. Одна из двух женщин средних лет — довольно высокого роста и плотного телосложения — повалилась на пол и принялась биться и громко реветь. Она быстро трясла головой взад и вперёд. Зрелище было жутким. Женщина с девочкой вышла из лавки, а остальные подбежали, чтобы помочь несчастной, которая рычала, задыхалась и жутким, угрожающим мужским голосом кричала: «Я вам задам за то, что вы мне не верите! Я вам покажу... Вот ещё, ещё немножко, и я вам всем поставлю на руку число 666... Все вы мне будете поклоняться... Сволочи, идиоты...» — и другие подобные ругательства. Потом она завизжала и закричала таким голосом, что стало ясно, что она кого-то боится: «Паисий, ты меня жжёшь, жжёшь! Ты хочешь отправить меня обратно в тартар!.. И эта мерзавка тоже: всё таскает меня по монастырям... Что ты ей помогаешь? Ты меня жжёшь, жжёшь». Она кричала жутко — всё сильнее и сильнее. Билась она так сильно, что присутствовавшие боялись, что она проломит себе голову. Было видно, что её мучает бес.

«А-а-а, а-а-а, — закричала она опять. — Вот, сейчас пришла ещё и Мария... Ты жжёшь меня, Паисий», — сильно прокричала она и потом вдруг перестала биться. Она выглядела так, словно потеряла сознание.

Присутствовавшие со страхом приблизились к ней, пытаясь ей помочь, а женщины прикрывали её одеждой. Приведя её в порядок, они подняли несчастную с пола. Её глаза открылись, и она мирно и тихо заплакала. Из глубин её сердца изливались слова благодарности:

«Благодарю тебя, Геронда... Благодарю Тебя, Боже мой», — она вновь и вновь со многими благодарностью произносила эти слова. Потом подошла к одной из икон Христа и Пресвятой Богородицы и с сильными рыданиями поверглась пред ними ниц, восклицая: «Боже мой!.. Боже мой!.. Как же ты снизошёл ко мне, недостойной... Благодарю Тебя, Боже мой, благодарю тебя, Геронда!.. Такой помощи, Боже мой, я недостойна».

Вся эта сцена была очень волнующей. Потом эта женщина и её спутница с благодарностью попрощались с монахиней и ушли.

Эта женщина была одержима бесом. Уходя, она рассказала монахине, что накануне ночью видела во сне Старца Паисия, который сказал: «Приезжай на мою могилу, и я тебя исцелю». Несчастная приехала в монастырь, спросила, где могила Старца и поклонилась ей. Потом она зашла в лавку, где с ней и произошло всё описанное.

Исцеление поражённого глаза

Свидетельство госпожи Ларисы Николаевны Масловой, врача из города Москвы: «В результате несчастного случая мой левый глаз совершенно ослеп. На “Скорой”

меня привезли в Первую градскую больницу города Москвы. В палатах места не было, и поэтому меня положили в коридоре. Всю ночь я совсем не спала: молилась и сильно переживала. Ближе к утру, когда я находилась как бы между сном и бодрствованием, ко мне пришёл батюшка Паисий. Я ясно увидела его перед собой и узнала его, потому что раньше читала книгу о его жизни. Старец накрыл мне голову каким-то полотенчиком и стал невидим. В тот же момент я поняла, что мой слепой глаз стал видеть. Утром пришли врачи, но их помощь не понадобилась. В больнице я была с 4 до 11 февраля 2002 года. Номер истории болезни 31171.

Благодарю Господа за оказанную мне милость и батюшку Паисия за его помощь».

ИЕРОМОНАХ ИСААК
ЖИТИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ СВЯТОГОРЦА

Перевод с греческого
иеромонаха Доримедонта (Сухинина)

Часть первая
ПРОСТРАННОЕ ЖИТИЕ СТАРЦА

Дорогие читатели!

Приглашаем принять участие в обсуждении наших изданий на сайте Издательского Дома:

www.agionoros.ru

Здесь вы найдёте тексты наших книг в электронном виде, анонсы новых изданий и сможете получить ответы на интересующие вопросы.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ “СВЯТАЯ ГОРА”

Лицензия ИД № 05182 от 25.06.2001

www.agionoros.ru
e-mail: info@agionoros.ru
109263 Москва, ул. Шкулёва, 17а
тел./факс: +7 (499) 179 9980

Оптовая торговля: +7 (905) 523 9700
e-mail: opt@agionoros.ru

Подписано в печать 15.02.2013. Формат 60х90/16

Печать офсетная. Гарнитура «Journal».

Усл. печ. л. 22.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 442.

Отпечатано в типографии Патриаршего издательско-полиграфического центра, г. Сергиев Посад.

Тел.: (495) 777-26-90 доб. 311.

